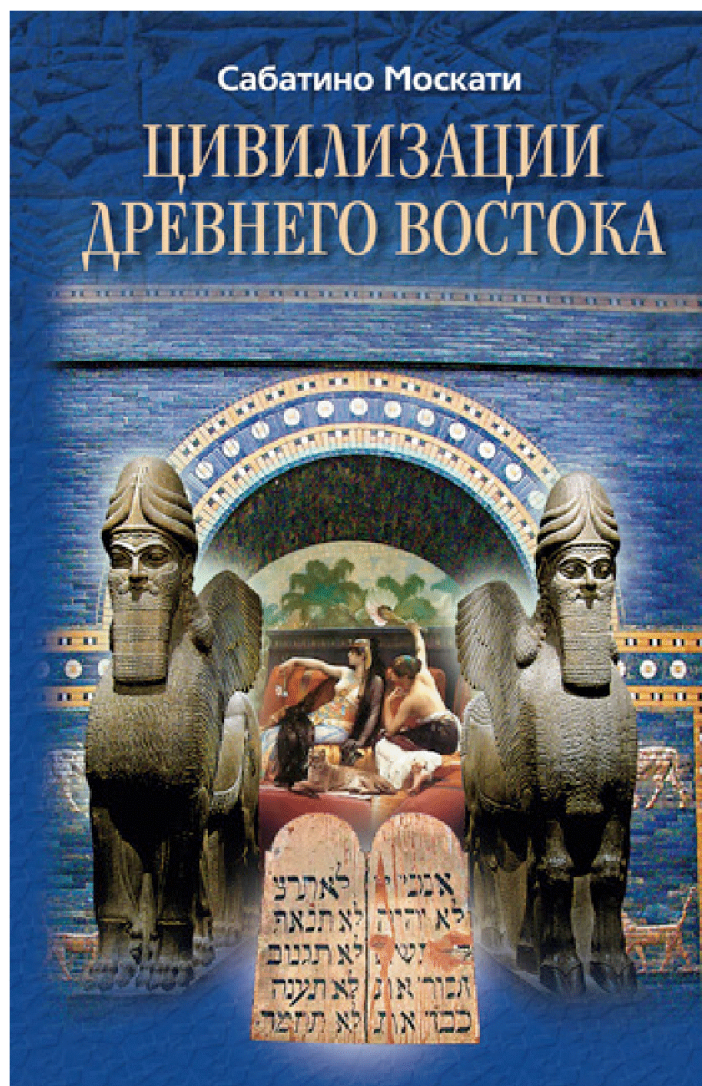

Сабатино Москати Цивилизации Древнего Востока

Текст предоставлен правообладателем
«Цивилизации Древнего Востока / Пер. с англ. Н.И. Лисовой.»: Центрполиграф;
Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02056-7

Аннотация

Книга знаменитого итальянского историка Сабатино Москати кратко, но полно освещает историю Древнего Востока. Автор проводит сравнительное исследование существенных и характерных черт древне-восточных цивилизаций. Вы узнаете о шумерах и египтянах, вавилонянах и ассирийцах, хеттах и хурритах, ханаанеях и арамеях, израильтянах и персах...

Все многообразие культур, их взаимное влияние, четко обозначенное Москати, складывается в неповторимый и прекрасный лик Древнего Востока.

**Сабатино Москати
Цивилизации Древнего Востока**

Часть первая

Внешние обстоятельства

Глава 1

Восточное возрождение

Восток в новом свете

На протяжении последних десятилетий наши знания о древней истории Ближнего Востока претерпевают фундаментальные изменения. В европейской культуре есть лишь одно явление, способное сравниться с этими переменами, и по аналогии с ним мы вполне можем назвать этот процесс Восточным Возрождением.

Этими переменами мы обязаны в первую очередь археологическим данным, но, помимо самой археологии, они естественным образом распространились на литературу, религию, искусство и – в конечном итоге – культурную сферу в целом. Начало переменам было положено в апреле 1928 г., когда плуг сирийского крестьянина во время пахоты задел остатки какой-то древней гробницы. Так был открыт Угарит. Конечно, в первой четверти XX в. тоже были важные археологические открытия, но значение этого – и последующих – открытий вышло далеко за узкие рамки местных культур и в конечном итоге перевернуло наши представления о культуре и истории всего региона. По масштабности с этими находками могут сравниться лишь открытия второй половины XIX в., которые впервые познакомили нас с народами Древнего Востока, до той поры почти неизвестными.

В Восточном Возрождении можно выделить три ключевых археологических открытия. Это Угарит, Мари и свитки Мертвого моря. Все три открытия были сделаны совершенно случайно: в Угарите крестьянин пахал собственное поле;

в Мари местные жители готовили могилу для похорон; на берегу Мертвого моря бедуин искал потерявшуюся овцу. Во всех трех случаях в результате мы получили новые знания, по сути революционные. Угарит оказался остатками древнего города, который существовал когда-то на месте тех крестьянских полей. Четыре тысячи лет в этом процветающем городе кипела жизнь; он был центром плодотворного культурного обмена между Ближним Востоком и островами Средиземноморья. Сотни обнаруженных там текстов, новых как по языку, так и по системе письма, позволили нам познакомиться с верованиями и мифологией людей, населявших Палестину и Сирию до евреев. В Мари был обнаружен другой город, не менее древний, – столица государства, охватывавшего в период своего расцвета значительную часть Северной Месопотамии. Его дипломатические архивы, содержащие более 20 тысяч документов, заставили полностью переписать историю Западной Азии первой половины 2-го тысячелетия до н. э. и внесли революционные изменения в хронологию того времени – ученым пришлось чуть ли не на двести лет сместить все датировки, имеющие отношение к древней Западной Азии¹. Свитки Мертвого моря на несколько столетий старше самых ранних известных прежде древнееврейских рукописей; их библейские тексты представляют особую ценность для ученых-текстологов, а небиблейские по-новому, очень живо и ярко освещают верования и ритуалы еврейского мира в канун христианской эры.

Помимо трех основных, было сделано немало и других значительных открытий. К примеру, если говорить о доисторических временах, то американские раскопки в районе

¹ На изменения в хронологии повлияли и другие факторы, в первую очередь обнаруженный в Хорсабаде новый список ассирийских царей. В настоящей книге автор пользуется так называемой «короткой» хронологией, где время правления Хаммурапи соответствует 1728–1686 гг. до н. э., а все другие даты корректируются соответственно. Однако существует и другая система – не менее, а может быть, и более вероятная, согласно которой все датировки смещаются на 64 года (Хаммурапи – 1792–1750 гг. до н. э.).

Киркука дали материал, относящийся к палеолитическому и неолитическому периодам истории Месопотамии и принесли новую информацию о неолите и халколите. Что касается исторического периода, то документы, найденные в Алалахе, и дальнейшие материалы из Угарита позволили проверить по местным источникам и дополнить наши знания о политике великих империй Сирии после середины 2-го тысячелетия до н. э. Если говорить о юриспруденции, то обнаруженные древние кодексы пролили свет на фундамент, на котором построена законодательная система великого царя Хаммурапи, и указали на существование традиции, в которой действовали и он сам, и другие законодатели Древнего Востока. Наконец, – в сфере искусства, – замечательные работы, обнаруженные при раскопках в Нимруде, не говоря уже про Угарит и Мари, призывают вообще пересмотреть общепринятые взгляды на значительную часть ближневосточного искусства.

Очевидно, вся эта новая информация относится к конкретным регионам и историческим периодам и почти не затрагивает другие территории и времена. Однако, как ни парадоксально звучит, этот факт скорее усиливает, нежели ослабляет сдвиги в наших представлениях о Древнем мире. Мало рассматривать лишь регионы и периоды, непосредственно затронутые недавними открытиями. Необходимо определить, как старое соотносится с новым, – а это неизбежно приводит к свежему взгляду на давно, казалось бы, известные вещи. Так, хронологию Древней Анатолии пришлось пересмотреть не столько потому, что этот регион принес ученым новые находки, сколько из-за необходимости согласовать ее с данными по Месопотамии. Точно так же, многие перемены во взглядах на Древний Египет основываются на том, что изменились наши представления о его азиатских параллелях.

Конечно, мы сравниваем этот процесс с классическим Возрождением отнюдь не из-за случайного характера открытий, – право на это нам дают природа и масштаб перемен в наших представлениях о Древнем Востоке, вызванных этими открытиями. Проводя параллель дальше, мы могли бы сказать, что нынешнее состояние наших знаний о Древнем Востоке соответствует Раннему Возрождению – эпохе гуманизма, ведь научная деятельность в этой области в настоящий момент почти полностью сводится к поиску новых данных, их публикации и анализу. Соотнести конкретные результаты с общей картиной и реорганизовать в соответствии с этим всю систему наших знаний – дело будущего. Когда эти задачи будут выполнены, – но предсказать, когда именно это произойдет, невозможно, – мы станем свидетелями завершения Восточного Возрождения. Вероятно, тогда можно будет сказать, что его основное значение заключается в воссоздании фундамента классической цивилизации, знания о котором прежде были неполными и неточными. Когда Греция и Рим займут свое законное место в историческом процессе, когда определятся предпосылки и условия их возвышения, – только тогда мы увидим, насколько широкое, разнообразное и временами решающее влияние оказали на эти цивилизации предшествовавшие им цивилизации Древнего Востока.

Место

Попытка обозначить главные черты древних ближневосточных цивилизаций не имеет прецедентов, поэтому нам придется сначала рассмотреть, хотя бы кратко, условия и предпосылки их возникновения и развития: мы поговорим о месте и времени, о действующих лицах и предшествовавших доисторических эпохах. Мы обозначим противоречия, разрешение которых вполне может оказаться решающим фактором нашего исследования; в некоторых случаях вопросы возникли лишь вследствие последних открытий – и, соответственно, тоже могут послужить основанием для новых выводов.

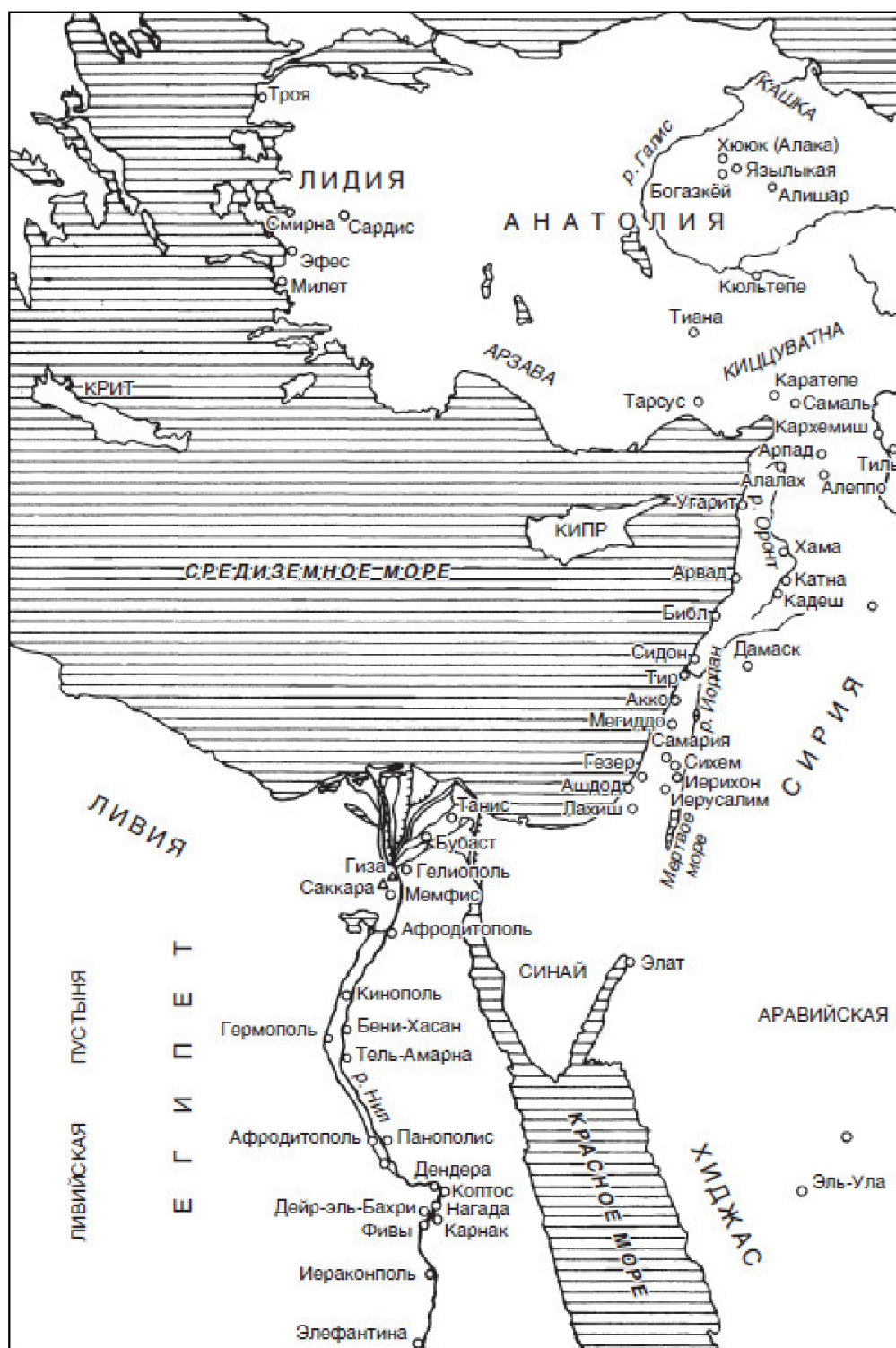
Обратимся к первому вопросу, вопросу места. Понятие «Древний Восток» по давно устоявшемуся и общепринятому соглашению ученых означает древний Ближний Восток. Его история начинается в весьма отдаленные времена – и начинается документами, знаменующими собой начало истории в бассейне Средиземного моря. История этого региона

непрерывна и прослеживается по письменным источникам – в отличие от соседних регионов, населенных в основном народами, не оставившими после себя письменных документов, а стало быть, практически лишенными истории. Общим центром притяжения для народов региона служила восточная часть бассейна Средиземного моря; каждый из них рано или поздно обращал туда свой взгляд и находил на его берегах места для встреч и общения с другими народами. Этот факт позволяет нам подобрать для этого региона и другое подходящее название: «Средиземноморский Восток» – и отделить его таким образом от культур Индии и тем более Китая – там были свои центры притяжения, а культуры развивались в значительной степени независимо. И дело не только в разделении. Ближний Восток с его тягой к Средиземному морю сыграл важную роль в формировании фундамента классической цивилизации, где вклад Индии и Китая гораздо менее заметен.

Мир Древнего Востока включает в себя (с запада на восток) Египет, Палестину, Сирию, Аравию, Анатолию, Месопотамию и Иран. Если рассматривать этот регион в целом, то сердцем его окажется Аравийская пустыня – пространство бесплодных песков. Вокруг нее громадной дугой простирается «плодородный полумесяц», который образуют речные долины Египта и Месопотамии и сирийско-палестинское связующее звено. Этот полумесяц включает в себя самые плодородные земли на всем Ближнем Востоке. Вокруг него к северу и востоку лежат плоскогорья Анатолии и Ирана, более бедные в сельскохозяйственном отношении, но обладающие значительными природными ресурсами – запасами леса, камня и металлов.

Однако такое определение границ Древнего Востока порождает и некоторые спорные вопросы. Во-первых, должны ли являться предметом нашего рассмотрения иранские цивилизации? Мнения по этому вопросу разделились; но мы склонны считать, что да, – именно по критериям взаимозависимости и тяготения к Средиземноморью, которые мы только что сформулировали.

Труднее разрешить вопрос, касающийся культур Крита и Инда. Мы считаем, что лучше не включать эти культуры в наше исследование, хотя многие историки придерживаются противоположного мнения. Древние цивилизации Инда лежат за пределами основного района Средиземноморья, их невозможно соотнести с органичным и цельным развитием нашего региона. А крито-микенская цивилизация, несомненно, оказала огромное влияние на наш регион и сама подверглась его влиянию, – но почва, вскормившая ее корни, географически и этнически всегда была обособлена от рассматриваемого региона.

Наконец, отдельный случай представляет собой древняя южно-аравийская цивилизация. По месту и времени ее очень трудно исключить из общей картины древнего Ближнего Востока. Но важно также то, что этот район окружен защитным поясом пустыни, который изолирует его одновременно и от остальных частей региона, и от общего для них тяготения к Средиземноморью. Эту брешь удалось преодолеть только исламу. Соответственно, если мы считаем возможным ориентироваться скорее на исторические, нежели на географические факторы, то можем смело игнорировать южно-аравийскую цивилизацию – ее правильное отнести к истории арабов или предыстории ислама. Но необходимо добавить, что в свете новых знаний это решение, возможно, придется подвергнуть ревизии. В настоящее время у нас есть лишь случайные обрывки информации об отношениях между северными южно-аравийскими колониями и другими государствами

Ближнего Востока; но с появлением новых данных картина может решительно измениться.

Внутри обозначенной территории можно в принципе провести дальнейшее деление по нескольким вполне понятным принципам, но ни одной серьезной исторической причины для такого деления не существует. Особенно это относится к Египту – ведь его изучают в рамках специализированной дисциплины и рассматривают, как правило, вне связи с Западной Азией, хотя ей не присуще какое бы то ни было историческое единство, которое можно было бы противопоставить единству Египта. В сущности, нам следует либо заниматься историей отдельных регионов и народов, их населявших, – а именно египтян, шумеров, вавилонян и ассирийцев, евреев и т. д., – либо рассмотреть более широкое историческое объединение. В данном случае таким объединением может стать только Ближний Восток в целом, включая и Египет, – вот подлинный предмет нашего исторического исследования; несмотря на разнообразие компонентов, мы будем рассматривать его как четко определенное составное целое.

Время

Есть еще один вопрос, тесно связанный с вопросом места и не менее противоречивый, – вопрос времени. История Древнего Востока начинается с первых найденных документов, которые относятся к началу 3-го тысячелетия до н. э. Но как далеко мы имеем право продлить ее?

По этому вопросу существует три мнения; хотя, поскольку эти позиции не обсуждаются в открытой дискуссии, лучше сказать, что существует три точки зрения, которых на практике придерживаются ученые. Во-первых, окончание периода можно отнести к 538 г. до н. э. или чуть позже – к тому времени, когда пал Вавилон, а империя Ахеменидов с Дарием во главе начала контактировать с греками. Во-вторых, его можно обозначить 330 г. до н. э. и связать с решительной победой Александра Македонского над персами. Наконец, в-третьих, можно продлить этот период до времени Христа и рассматривать историю Древнего Востока как пролог христианской эры.

Мы считаем, что первая и третья позиции не выдерживают критики. С одной стороны, какие у нас основания полностью или частично исключать из рассмотрения империю Ахеменидов? Оспаривать тот факт, что империя эта принадлежит истории Древнего Востока, невозможно. С другой стороны, зачем включать историю эллинистических государств? Они, конечно, располагались на завоеванном Востоке, но по происхождению и форме правления принадлежали западной цивилизации.

Таким образом, у нас остается лишь одна разумная временная граница – победа Александра Македонского. Вплоть до этой даты Восток существовал под властью восточных же империй; после нее Восток становится объектом западного влияния. Более того, переход от независимости к подчиненности сразу же отразился в самых разнообразных областях культуры, а потому сможет послужить нам естественной временной границей.

Действующие лица

В рамках места и времени, которые мы определили, на исторической сцене действовал целый комплекс народов, разных по происхождению и образу жизни; именно взаимодействие этих народов и объединение их в различные группы определило ход истории Востока. Посмотрев на историю в целом, мы не увидим в ней какой-нибудь одной постоянно доминирующей группы или народа; каждый из них по очереди принимает на себя лидирующую роль и оставляет свой след в одном из периодов – в своем собственном периоде – истории. В целом же нельзя сказать, что какой-либо из народов сыграл здесь преобладающую роль. Поэтому история Востока очень сложна, и ее единство строится на синтезе очень разнородных элементов. Свое окончательное и полное выражение этот синтез нашел в период правления Персидской империи, которой удалось незадолго до своего

падения объединить под своей властью весь регион.

Мы можем, хотя и очень приблизительно, классифицировать народы по различным географическим зонам Ближневосточного региона; зоны эти различаются по условиям существования, а потому движение народов в них управляется различными импульсами и законами.

Ядро нашего региона, Аравийская пустыня, является родиной семитов, пастухов-кочевников; засушливый климат родной земли вновь и вновь заставляет их устремляться прочь, в плодородные соседние области. Концепция семитов как стремящейся к единству отдельной группы племен основана не на сомнительных расовых характеристиках, а на исторической общности происхождения и – самое главное – на близком языковом родстве всех племен группы.

В регионах, дугой окружающих Аравийскую пустыню, – на территории «плодородного полумесяца» – с самого начала времен и даже раньше семиты пустыни вступали в контакт с различными народами, смешивались с ними и образовывали в разных районах различные этнические комплексы. На западе, в долине Нила, семитские и хамитские элементы объединились с образованием египетского народа; этот процесс нашел свое отражение и в египетском языке. С этнической точки зрения хамиты менее однородны, чем семиты; лингвистически их языкам не хватает единства семитских языков². Непросто также определить время и характер египетского смешения народов из-за тесной связи между хамитскими и семитскими языками, которая в последнее время находит в среде ученых все большее признание.

На другом конце полумесяца, в Междуречье, семиты встречаются с шумерами. Происхождение этого народа неясно, а их язык, агглютинативный по типу, не выказывает генетической близости ни с одним из прочих известных нам языков. Даже этнический тип шумеров остается неясным, поскольку результаты антропологических исследований противоречат данным, полученным в результате изучения предметов искусства. Трудно сказать, как далеко зашло этническое смешение семитов и шумеров. Два языка продолжали использоваться на равных, но применение обоих не ограничивалось исключительно представителями соответствующего народа. По общему мнению, история Месопотамии представляет собой результат противостояния двух народов; но такое суждение не согласуется с известными фактами. Более вероятным представляется вариант, что эти народы мирно сосуществовали и сотрудничали в определении общей политики, а также в экономической и общественной жизни.

На сирийско-палестинской береговой полосе, соединяющей две речные долины, семиты с доисторических времен встречали народы, о которых мы теперь можем сказать только одно: оставшиеся после них географические названия говорят о том, что они не были семитами. В этом регионе семиты взяли верх и стали доминирующей нацией; на разных стадиях проникновения управление брали на себя разные группы, но доминировали в истории региона и его письменных документах всегда семиты. Однако эта область играет в регионе весьма своеобразную роль и неизменно является для соседних культур местом встречи и обмена, а потому всегда отражает происходящие вокруг великие политические перемены – и чем дальше, тем больше усложняет и без того сложную этническую ситуацию.

За «плодородным полумесяцем», на плоскогорьях Анатолии и Ирана мы вновь обнаруживаем кочевые племена, – но это не пастухи, как в пустыне, а охотники и коневоды. У них разные корни, но их объединяет один существенный факт: их масштабное вмешательство в ближневосточную историю неразрывно связано с миграцией индоевропейских народов, которые составляют по крайней мере часть их правящей верхушки. Таким образом, здесь тоже присутствует элемент единства – узнаваемый и

² В хамито-семитской группе независимой семитской ветви противостоит не столь же однородная хамитская ветвь, но три ветви, состоящие примерно в одинаковых отношениях друг к другу и к семитской ветви.

определяемый, как и прежде, преимущественно лингвистически, – который уравнивает массу различных племен и оправдывает их включение в общую концепцию, несмотря на разнообразие составляющих элементов.

Пролог

Разговор о доисторических временах Ближнего Востока в очерке, посвященном его истории, уместен лишь в том случае, если мы, во-первых, ограничимся лишь легким наброском, а во-вторых, сосредоточим внимание не столько на конкретных деталях, сколько на основных направлениях развития цивилизации и тех формах, к которым пришла цивилизация в интересующем нас регионе. В данном случае между историей и тем, что ей предшествовало, не было никакого разрыва, и без упоминания о доисторических временах история не была бы понятна и не имела смысла.

Вообще, в эпоху оледенения Ближневосточный регион был, по всей видимости, значительно более плодородным, чем теперь. Холодный европейский воздух гнал атлантические циклоны на юг, в Северную Африку и Западную Азию. Именно этим объясняются находки доисторических орудий и наскальных рисунков в тех местах, где сегодня жизнь невозможна. Самыми древними человеческими останками на Ближнем Востоке по-прежнему остается скелет, найденный несколько десятилетий назад мисс Гэррод в пещере на горе Кармель. Однако в Месопотамии недавно были открыты более многочисленные и более древние палеолитические стоянки, от Шанидара до Палегавры. В частности, экспедиция Брейдвуда обнаружила немало мест, где жили пещерные охотники; расщепленные человеческие кости (таким образом доставали костный мозг) позволяют предположить каннибализм.

В мезолите, примерно между 10 000 и 6000 гг. до н. э., климатические условия на Ближнем Востоке резко изменились. Сместились маршруты движения дождевых облаков; плодородные прерии превратились в сухие степи, а затем и в пустыни. Население теперь концентрировалось в долинах великих рек, где еще оставалась вода и, соответственно, можно было жить. Мисс Гэррод обнаружила следы этой фазы в пещерах вдоль небольшого потока – Вади-Натуф – к северо-западу от Иерусалима; теперь слово «натуфийский» используется для характеристики людей той эпохи. Во времена натуфийской цивилизации появились два принципиальных новшества: собирание семян пшеницы и ячменя и начало одомашнивания животных. Главное значение этих нововведений в том, что они знаменуют начало перехода к оседлому образу жизни. На Ближнем Востоке следующий шаг – когда пищу стали не просто собирать, но выращивать, – был сделан, по всей видимости, тоже в натуфийский период или чуть позже.

Эра неолита, которая обычно датируется примерно 6000–4000 гг. до н. э., демонстрирует дальнейшее развитие. Появляются поселения земледельцев и даже города; обнаружены осязаемые свидетельства религии и искусства. По мере продолжения исследований картина этого периода постоянно меняется; по имеющейся информации, самым древним из обнаруженных селений является Джармо в Месопотамии, а самым древним городом – Иерихон в Палестине. То и другое датируется примерно 5000 г. до н. э., причем дата установлена достаточно уверенно при помощи радиоуглеродного метода³. В

³ Этот метод знаменует собой революцию в археологии. Он основан на том факте, что в любом органическом веществе содержится не только обычный углерод (C12), но и радиоактивный изотоп углерода, названный по своему атомному весу C14, причем соотношение между двумя изотопами в живом организме постоянно. После смерти носителя ткани углерод C14 начинает медленно распадаться – со скоростью 50 процентов за примерно 5500 лет, – превращаясь в C12, который при этом остается неизменным. Следовательно, соотношение в органическом веществе изотопов C12 и C14 однозначно указывает на его возраст. Этот метод, изобретенный доктором Либби из Чикаго, позволяет датировать предметы возрастом до 20 или 30 тысяч лет с точностью в каких-то 200 лет. Профессор Арнольд, тоже из Чикаго, разработал улучшенную методику, которая позволяет расширить датировку до 44 тысяч лет и уменьшить возможную ошибку до 37 лет.

глинобитных домах селения Джармо было по несколько комнат; полы в них тоже представляли собой утрамбованную глину поверх тростникового основания; в них были разного рода печи, а также емкости для воды, выкопанные в грунте. Обнаруженные здесь кости принадлежат преимущественно домашним животным.

На присутствие религии и искусства указывают грубые глиняные статуэтки. Чаще всего они изображают сидящую женщину с явными признаками беременности: это богиня-мать, символ земного плодородия; в дальнейшем ее культ распространится на весь Ближний Восток. В Иерихоне дома были построены из кирпича ручной лепки, а стены покрывал толстый слой штукатурки; для домов здесь характерны широкие дверные проемы, комнаты в них довольно большие и прямоугольные. Но самая интересная деталь – массивная городская стена из огромных каменных блоков; судя по ней, Иерихон можно назвать древнейшим городом не только Ближнего Востока, но и всего мира. Несколько гипсовых скульптурных голов с чрезвычайно тонкими и живыми чертами лица свидетельствуют о необычайном развитии искусства; а небольшое святилище с апсидой, алтарем и маленькой колонной указывает на существование организованного религиозного культа.

Ближе к концу неолитической эры начинает появляться керамика – базовое средство надежной датировки. В настоящее время древнейшими являются образцы, найденные в Джармо и на недавно исследованных площадках в Тель-Хассуне и Матаре, также в Месопотамии. Техника изготовления примитивна: сосуды лепились руками и обжигались на открытом очаге; в числе украшений – геометрический орнамент, выдавленный или нарисованный, или то и другое одновременно.

В халколите, продолжавшемся примерно с 4000 по 3000 г. до н. э., гончарное искусство совершенствуется; сам этот период делится на фазы по типам гончарных изделий, их распространенности и преобладанию. Вообще говоря, в этот период мы наблюдаем дальнейшую концентрацию культуры в долинах рек, в Египте и Месопотамии. Различные типы керамики, распространенные в них, часто обнаруживаются и в соседних регионах, указывая таким образом на то, что народы речных долин распространяли на соседей культурное и политическое влияние. Гончарное искусство постепенно совершенствуется: появляются закрытые печи для обжига, позволяющие поддерживать нужную температуру и удалять дым; сосуды ручной лепки сменяются на изделия гончарного круга, гораздо более тонкие и правильные по форме. Развивается и отделка. Простой геометрический орнамент сменяется изображениями людей и животных – таким образом, у нас появляется новый бесценный источник информации о жизни создателей керамики. К примеру, на керамике из Самарры в Месопотамии в основном изображены птицы, дикие козлы и олени, что свидетельствует об обществе, в котором по-прежнему преобладающим занятием является охота.

Насколько известно в настоящий момент, эволюция в двух великих центрах – Египте и Месопотамии – шла по разным путям. Но в какой-то момент – точнее, в самый канун исторической эпохи – появляются признаки множественных контактов. Значение их не стоит преувеличивать, но все же это указание на исторические связи, способные вызвать самые серьезные последствия. В процессе этого обмена Месопотамия оказывает на Египет заметное влияние: здесь появляются цилиндрические печати месопотамского происхождения, которые сразу же находят новое развитие и обретают чисто египетские черты; множество изобразительных тем – переплетенные фигуры животных, симметрично расположенные пары животных, сцены борьбы героя со львом, корабли с характерными изогнутыми оконечностями – заимствуются Нилом у Междуречья; даже в египетской письменности, в ее зарождении и развитии, если не в окончательной форме, можно различить влияние более древней письменности Месопотамии. Более того, недавно ученые обратили внимание и на противоположную тенденцию – на влияние, оказанное Египтом на Месопотамию. Так, Гилберт нашел месопотамские печати с рельефными изображениями зданий с двойными

дверями, украшенными по притолоке декоративным орнаментом из переплетенных цветов; в этих изображениях, похоже, присутствуют египетские мотивы. Кроме того, мы не будем здесь касаться сложной проблемы отношений между пирамидами и месопотамскими храмовыми башнями. Однако в целом складывается впечатление, что в этот решающий момент перехода к исторической эре при независимом в целом развитии этих двух культур Месопотамия все же играла ведущую роль.

На Ближнем Востоке история появляется не мгновенно. Первые несколько столетий письменные документы еще недостаточно многочисленны, обширны или понятны, чтобы можно было по ним восстановить ход истории. После начальной фазы развитие письменности в двух долинах идет более или менее параллельно: от рисунков к пиктограммам, затем схематическим изображениям и идеограммам (иероглифам), от идеограмм, то есть обозначения слов, к фонетическим единицам в форме слогового (силлабического) письма, хотя используются и идеограммы. В Египте следующий шаг делается путем акрофонии, то есть произнесения лишь первого элемента слога, – таким образом достигается буквенная стадия. Но этот принцип не становится всеобщим, в результате чего слоговые и идеографические единицы существуют бок о бок с алфавитными. Следующим решительным шагом вперед должно было стать изобретение систематического алфавита, – но до этого оставалась еще по крайней мере тысяча лет.

Таким образом, на самой заре истории Древний Восток уже имел за плечами огромный опыт и долгую жизнь; точнее говоря, большую часть жизни: от пещер к селениям и городам, от охоты к скотоводству и земледелию. Его общественная, политическая, религиозная и художественная жизнь успела пройти громадный эволюционный путь. Именно в этот момент роль рассказчика переходит к истории, которая уверенно ведет нить повествования к завершению.

Часть вторая Составные части

Глава 2 Шумеры

Цивилизация Междуречья

Можно сказать, хотя это и звучит парадоксально, что знаниями о шумерской цивилизации мы обязаны случаю. Начиная исследование Месопотамии, археологи думали совершенно о другом – а именно рассчитывали найти следы вавилонян и ассирийцев, о которых многое было уже известно из Библии и трудов классических авторов. Однако выяснилось, что в окрестностях Вавилона жил не один народ, а два. Да, археологам действительно удалось найти вавилонян; но, кроме этого, были обнаружены памятники и документы другого народа, до той поры неизвестного. Народ этот появился в Междуречье раньше вавилонян и ассирийцев и создал самую древнюю из известных на сегодняшний день исторических культур – культуру Шумера.

Выяснилось, что две культуры существовали в тесной взаимосвязи. Языки у двух народов были разные, и, хотя ничто не отрицало тесной связи, различие между ними было очевидно; специалисты говорили – и до сих пор, как правило, говорят – не только о двух народах, но и о двух культурах. Действительно ли это полностью оправданно? Исследование исторических документов, особенно самых ранних, показывает, что разные языки не всегда и не везде использовались в строгом соответствии с этнической принадлежностью авторов: некоторые шумеры писали по-семитски, и наоборот. Точнее было бы сказать, что использование одного из двух языков определялось местом и временем написания

документа, а также его темой: в целом шумерский язык, как более древний, считался языком учености; он использовался в религиозных и литературных текстах даже после того, как закатилась звезда создавшего его народа; лишь постепенно он уступил место общеупотребительному языку, одержавшему в конце концов верх: вавилонскому и ассирийскому.

Таким образом, четкое различие этих двух культур оправданно лишь отчасти. Несмотря на разное происхождение и разный начальный уровень, они тесно связаны между собой. Поэтому нет смысла спорить, является ли цивилизация, о которой идет речь, шумерской или вавилонско-ассирийской: в первую очередь это месопотамская цивилизация.

Исторический очерк

Итак, в первую очередь нам необходимо определить пределы места и времени. Шумерская цивилизация впервые появляется на горизонте истории в 3-м тысячелетии до н. э. Однако это не подлинная начальная точка, а всего лишь начало исторической эры; все указывает на то, что, будь у нас возможность документальной проверки, мы смогли бы проследить этот народ гораздо дальше в прошлое.

Как бы то ни было, мы видим, что на заре истории шумеры уже прочно обосновались на земле, ставшей свидетелем развития их цивилизации. Они уже организованы в небольшие городские сообщества: ситуация напоминает греческие города-государства и более поздние итальянские коммуны.

Представляется, что поначалу городским сообществом управляло общее собрание под председательством группы старейшин. Американский ученый Якобсен назвал такую систему «примитивной демократией» и сказал о ней: «Наши материалы, по всей видимости, неизменно указывают на то, что доисторическая Месопотамия политически была организована на демократических принципах, а не автократических, как Месопотамия исторического периода. Имеющиеся признаки указывают на форму правления, при которой в обычных обстоятельствах общественными делами управлял совет старейшин, а высшая власть принадлежала общему собранию всех членов – или, точнее, всех взрослых свободных мужчин – общины. Такое собрание улаживало возникающие внутри общины конфликты, решало вопросы мира и войны, а в случае необходимости – в первую очередь в ситуации войны – могло делегировать на ограниченное время высшую, практически царскую, власть одному из своих членов».

Возможно, это высказывание преувеличивает роль общего собрания, которое зачастую играло лишь совещательную роль при правителе города-государства; однако нет сомнений в том, что такое собрание накладывало на власть единоличного правителя определенные ограничения.

Институт общих собраний просуществовал недолго. Необходимость в случае чрезвычайной ситуации принимать быстрые и окончательные решения естественным образом ведет к концентрации власти в руках одного лидера. Шумеры называли его *лугаль* (большой человек) или проще *энси* (правитель).

Следует отметить важный момент: этот руководитель рассматривался как земной представитель истинного суверена – а именно бога – покровителя города. С самого начала власть у шумеров носила теократический характер. Считалось, что город принадлежит одному богу, хотя поклоняться другим богам тоже не запрещалось. Этот единственный бог считался абсолютным владыкой города и выражал свою высочайшую волю посредством чудес и знамений. Задача земного царя состояла в том, чтобы правильно интерпретировать волю царя небесного и заботиться о том, чтобы тот всегда был доволен и благоволил своему городу – а значит, не переставал заботиться о своих верных подданных и защищать их. Так что царь чтил небесного покровителя города – воздвигал ему храмы, а также заботился о процветании народа: рыл каналы, чтобы управлять водами великих рек, укрощать паводки и орошать песчаную почву. Идеальная цель, которую шумеры ставили перед собой и к

которой стремились, – мирная жизнь, упорядоченная верой и трудом. Этому идеалу они оставались верны во всех превратностях своей долгой истории.

Мы можем не обращать внимания на списки древних царей с их сказочно долгими сроками правления: назначением этих списков было согласовать периоды правления земных царей с правлением богов и героев. Шумерский список царей не имеет никакой исторической ценности, хотя в нем можно обнаружить имена реальных исторических персонажей.

Древнейшие дошедшие до нас шумерские надписи относятся к правлению Месилима (Луголь Киша), жившего около 2600 г. до н. э.; он оставил нам несколько строк, сообщающих о сооружении храма бога Нингирсу. Несколько больше мы знаем о жителях города Лагаш, которые оставили после себя немало документов. Здесь основатель династии, Ур-Нанше, тоже выстроил храм Нингирсу, – таким образом, строительство храмов не было лишь прихотью правителя, но считалось, по всей видимости, первейшим долгом шумерского владыки. Строить храмы и рыть каналы – вот мирные труды, с самого начала считавшиеся достойными идеального царя.

Полезно рассмотреть характер древнейших царских надписей, имеющих в нашем распоряжении. Они ни в коей мере не напоминают то, что мы сегодня назвали бы вкладом в историческую науку; в них ничего не говорится о причинах, характерных чертах и следствиях событий. Это просто хроники – запись важных религиозных или политических событий, относящихся к разным городам; составлялись и записывались эти хроники в храмах и считались частью служения богам. Это всего лишь цепочки фактов, изложенные религиозным языком и не содержащие, помимо этого, ни малейших попыток какой-либо интерпретации. Кажется, шумерскому мышлению были равно чужды обобщение, толкование и суждение. Подтверждение этому можно найти повсюду: в религиозных трудах шумеров – в том, что о верованиях говорится, но они никогда теоретически не формулируются. В юридических записях – в системе прецедентного права, не основанного ни на каких общих правовых принципах. В трудах по естественной истории – в том, что длинные списки всевозможных растений и животных совершенно не упорядочены; шумеры не делали даже малейшей попытки что-либо классифицировать.

Судя по всему, не было у шумеров и сколько-нибудь ясной концепции исторического процесса; напротив, для них все происходящее было заранее предопределено божественным законом. Этот аспект шумерского менталитета хорошо проиллюстрировал Крамер: «Шумерский мыслитель, связанный собственным мировоззрением, считал, что исторические события появляются на сцене мира полностью готовыми и завершенными, а не формируются постепенно в результате взаимодействия человека с окружающей средой. Он верил, к примеру, что его страна Шумер – а он знал, что это земля процветающих городов и селений, деревень и ферм, где действует хорошо развитая система политических, религиозных и экономических институтов и правил, – всегда была примерно такой же, с самого начала времен, – ну, то есть с того момента, когда боги придумали ее и велели быть, где-то вскоре после сотворения Вселенной. Мысли о том, что Шумер когда-то представлял собой дикие пустоши с редкими селениями, а могучим и процветающим стал лишь в результате многих поколений борьбы и труда, отмеченных человеческой волей и упорством, человеческими же планами, пробами и ошибками, различными удачными открытиями и изобретениями, – такие мысли, вероятно, никогда не приходили в голову даже ученым из шумерских мудрецов».

Жизнь шумеров в городских сообществах ни в коей мере не была избавлена от столкновений и борьбы. Были внутренние распри, к примеру между правителями и жрецами. Были и внешние конфликты между городами. Древнейший пример внутреннего конфликта мы видим в том же Лагаше. Чиновничество в городе берет верх и начинает сверх меры эксплуатировать народ; граждан облагают многочисленными налогами, и даже смерть человека не обходится без выплат в казну. Затем царь Урукагина (Урунимгина) поднимается против городской верхушки, чтобы восстановить порядок и справедливость. Вот как он рассказал о своих реформах в одной из записей:

Когда Нингирсу, мощный воин Энлиля, передал Урукагине царство в Лагаше и среди 36 тысяч людей установил его власть, он восстановил древние повеления [Нингирсу] и дал силу слову, которое сказал ему его царь Нингирсу. От корабля удалил он надзирателя за кораблем. От ослов и от овец он удалил надзирателя за пастухами... Начиная с северной границы области Нингирсу вплоть до моря не было больше судей-надзирателей... Если дом великого примыкает к дому воина и этот великий ему скажет: «Я хочу его у тебя купить», если дело действительно дойдет до покупки, то воин пусть скажет великому: «Уплати мне хорошим серебром»... Он установил наказание, чтобы сильный не обижал сироту и вдову. С богом Нингирсу установил Урукагина этот порядок⁴.

Мораль этого эдикта, несомненно, производит сильное впечатление, особенно если вспомнить, из какого отдаленного прошлого он дошел до нас. С этим же тоном мы встретимся и в более поздние времена, в высказываниях не только месопотамских, но и иных правителей, а фраза «защитить вдову и сироту» станет своеобразной формулой, выражающей решимость установить всеобщую справедливость.

Но в это же время вокруг царственного законодателя сгущаются штормовые тучи. В другой надписи говорится, что владыка соседнего города Умма напал на него, пролил кровь в храмах, разорил святилища и сбросил наземь статуи богов, а также унес серебро и драгоценные камни. В ярости Урукагина взывает к богам:

Люди Уммы, опустошив Лагаш, совершили грех против бога Нингирсу. Могущество, которое им досталось, будет у них отнято. Не совершил греха Урукагина, царь Лагаша. Но пусть грех Лугальзаггиси, князя Уммы, ляжет на голову его богини Нисабы.

Как часто бывает в истории, у этой ситуации две стороны. Если верить второму источнику, никаких грехов, разумеется, совершенно не было. Агрессор, Лугальзаггиси, оставил надписи, где утверждается, что бог Энлиль, верховный над всеми остальными богами, поддержал его в этом предприятии:

Когда Энлиль, царь стран, даровал Лугальзаггиси царскую власть над страной, когда он установил полную справедливость, когда его могущество одолело многие страны, от рассвета до заката, он наложил на них дань. В то время от нижнего моря через Тигр и Евфрат до верхнего моря Энлиль взял для него во владение. Земли упокоились в безопасности, на страну пролилась вода радости... Да продлит [бог Ану] мою жизнь в этом мире, да упокоит он страну в тиши, да умножит народ изобильно как траву... Да будет он вечно пастырем, который поднимает голову быку.

В этих словах мы видим новое, и весьма существенное, качество. Не важно, был ли он кровожадным агрессором или мирным строителем храмов – или тем и другим, – но политические взгляды нового владыки заметно отличались от взглядов его предшественников. Он расширил свой горизонт и смотрит теперь далеко за стены собственного города: от южного до северного моря, иными словами, от Персидского залива до Средиземного моря, от восточных земель до западных, он жаждет править всем известным миром. Таким образом, идея вселенской монархии впервые появилась в Месопотамии, и это еще один гигантский шаг вперед в эволюции общества. Произошло это около 2350 г. до н. э.

⁴ Перевод В.В. Струве.

Теперь в нашем рассказе появляется новый элемент. В регионе установлено иностранное владычество. Сначала семиты, просачивавшиеся на протяжении многих лет из соседней Аравийской пустыни, основали царство, охватившее весь известный им мир (ок. 2350–2150 до н. э.); затем ку-тии, дикие народы с востока, начали сеять повсюду разрушение и заработали себе прозвание «горных драконов» (ок. 2150–2050 до н. э.). Шумерские города оправились лишь через несколько столетий, а их движение к единству было прервано. Затем, мало-помалу, развитие вновь набирает ход. Лагаш вновь притягивает к себе наш интерес. Около 2050 г. до н. э. в Лагаше правил Гудеа, величайший из всех шумерских владык. Уцелело немало скульптурных изображений его спокойной фигуры, его свершениям посвящено множество надписей. Следуя истинно шумерской традиции, этот царь сосредоточил свою деятельность на мирных трудах и строительстве храмов.

Он сам рассказал, как бог Нингирсу призвал его к трудам. В стране засуха, дождь не падает с неба, и реки не разливаются, чтобы удобрить поля. В тревоге царь обращается за советом к богу. Нингирсу велит ему построить святилище – только тогда на землю вернется изобилие.

Когда Гудеа верный пастырь кладет правую руку на царственный мой дом Эннину, тот вопиет к небесам моля о ветре и воде; тогда придет к тебе с небес изобилие, и изобилие утроит землю. Когда будет заложено основание моего дома, придет изобилие. Поля увеличатся и родят для тебя... В Шумере масло будет производиться в изобилии, шерсть будет взвешиваться во множестве... Когда ты положишь правую руку на мой храм, я поставлю ногу на гору, где обитают грозы; от обиталища гроз, от высочайшего пика, от святого места польет для тебя дождь, он даст жизнь сердцу земли.

Гудеа оставил надписи с детальным описанием великого предприятия: из окрестных земель на строительство храма повезли лес, мрамор, бронзу и золото. Эти описания дают нам картину не только царственного строителя; мы видим, что весь народ трудится во славу своего бога.

Однако этот труд ничем не напоминает тот принудительный труд, который – судя по рассказам классических авторов, верным или неверным, – был использован при строительстве египетских пирамид. В полном соответствии с традициями своего народа Гудеа – мирный и благодетельный монарх, при котором «никого не наказывали бичом и никто не был бит ремнями». Нигде не упоминаются слезы или распри; сборщики налогов не входят в дома граждан; «Нингирсу, своему царю, они с радостью предлагали в дар свой труд».

После смерти Гудеа Лагаш уступает главенство в шумерской земле другому городу, Уру. Третья династия правителей этого города принимает титул «царь четырех сторон земли», возобновляя таким образом притязания на власть над всем известным миром, которые мы уже отмечали в Месопотамии. Но царь Ура носит и еще один титул, который стоит отметить: он именуется «царь Шумера и Аккада». Следовательно, это обычное обращение к нему, в котором выразилось неразделимое смешение в месопотамской цивилизации двух элементов, шумерского и семитского. Существует много и других характерных указаний на это смешение – к примеру, имена правителей, среди которых встречаются и шумерские, и семитские; их божественные титулы, свидетельствующие о движении к апофеозу монархии, ставшему характерной чертой семитской интерлюдии; отступление религиозной власти перед политической как часть процесса движения к бюрократическому государству, модель которой также обеспечили семиты.

Не так давно был обнаружен и опубликован кодекс законов, принадлежавший основателю третьей династии Ура, Ур-Намму. На данный момент это древнейший из известных кодексов. Звучащая в нем нота общественной морали и сегодня, четыре тысячи лет спустя, производит сильное впечатление. Царь объявляет, что избавился от нечестных

чиновников, или, говоря его словами, от тех, кто наживался на быках, овцах и ослах простых граждан; он установил справедливые и неизменные меры и веса; он позаботился о том, чтобы сирота и вдова не пали жертвой сильного, и о том, чтобы человек, владеющий лишь одной мелкой монетой, не оказался во власти того, кто владеет монетой большей стоимости.

В течение примерно ста лет в конце 3-го тысячелетия до н. э. город Ур был центром блестящей цивилизации, оставившей после себя множество памятников и богатую литературу, которую археологам удалось извлечь на свет. Но эти годы можно назвать лебединой песней: новое вторжение из Аравийской пустыни навсегда положило конец политическому могуществу шумеров.

Религиозная структура

Религия шумеров – естественный политеизм, поклонение великим природным силам Вселенной, силам, которые управляют земным плодородием. Наряду с богами-покровителями города и выше их существуют космические боги; и зачастую функции этих двух классов божеств накладываются друг на друга и даже смешиваются.

Но какая концепция Вселенной лежит в основе этих религиозных взглядов? Помня все сказанное выше о взгляде шумеров на историю, нетрудно понять, что космос шумеров состоит из сложного комплекса законов, установленных богами; эти законы, по сути, и есть существование. Боги говорят, и слово их становится делом. Отдельные боги отвечают одновременно за космические силы и за земные организмы – города; это необходимо, чтобы они могли обеспечить постоянство установленного порядка. Какое же место занимает человек в этом космосе? Люди – исполнители божественной воли, инструменты, созданные специально для того, чтобы эта воля могла быть исполнена. Для чего? Чтобы неукоснительно проводить в жизнь божественные веления, чтобы установить порядок, который обеспечит плодотворную жизнь земли.

Важнейшие функции пантеона исполняют божественные силы, заведующие основными природными стихиями. Так, Ану, высочайший из богов, является богом неба, которое явно главенствует в видимой Вселенной. Пространство между небом и землей, воздух, находится в ведении Энлиля, господина ветра и грозы; из святилища в Ниппуре он как бы руководит различными богами-покровителями городов. Земля – вотчина Энки. Эти три бога образуют космическую триицу. Со временем Энки становится известен также под именем Эа, «дом воды», поскольку именно земля – неисчерпаемый источник живительной влаги каналов, рек и морей. Тот факт, что имя Эа появляется сравнительно поздно, лишь во второй фазе шумерской цивилизации, позволяет предположить, что концепция земного бога претерпела серьезные изменения, в которых не последнюю роль, возможно, сыграла «семитская интерлюдия»; здесь мы видим намек на возможную эволюцию в мире, который в каждом своем элементе кажется статичным и неизменным.

Итак, главенствуют в пантеоне основные космические боги. Вторая триада состоит из богов, ведающих космическими телами, свет которых управляет ходом земной жизни: луна (Наннар), солнце (Уту) и утренняя звезда Венера (Инанна). Инанна также считается воплощением Матери-Земли как источника плодородия, корнями ее культ уходит далеко в доисторическую эпоху; очень может быть, что именно этот аспект является базовым, а звездное воплощение – всего лишь вторичный атрибут, семитский по происхождению. В мифах и поэтическом творчестве Инанна в роли Матери-Земли часто связывается с фигурой юного бога Думузи, который постоянно умирает и возрождается вновь и символизирует собой ежегодные смерть и возрождение природы.

Как изображают богов? Хотя они олицетворяют собой природные силы и стихии, в памятниках и надписях им придают сходство с людьми. У них человеческие фигуры, они имеют пол и заводят детей; одеваются и едят, как твари земные, хотя одеяния у богов гораздо более роскошные, а вкушают они самые редкие кушанья. Наконец, они умеют любить и ненавидеть, как люди, только гораздо более страстно и неистово. Получается, что

от людей их в конечном итоге отличает лишь бессмертие и божественное могущество. Моделью для макрокосма служит микрокосм. В этом отношении эпос Гомера предлагает нам довольно точную и, заметим, более близкую параллель, чем некоторые другие земли Древнего Востока.

Отношения между богами строятся по принципу человеческой семьи – дети – родители – и рано находят воплощение в теологии. Так, Ану родоначальник всех богов; Нингирсу, бог Лагаша, – сын Энлиля, а его женой является Баба, дочь Ану; Наннар, бог луны, женат на Нингаль, а его сыном является солнечный бог Уту. Список можно было бы продолжить, но нам сейчас достаточно отметить тенденцию к систематизации, которой, вероятно, мы обязаны жречеству и которая дает нам первоначальную модель, по которой будет построена гораздо более проработанная система позднейшей месопотамской эры.

Ниже богов располагаются владения демонов. Существуют хорошие демоны, они принимают храмы, дома и людей под свое покровительство; но по большей части демоны злобны, это неупокоенные души умерших, живущие в гробницах, в темноте и в пустыне, откуда они совершают набеги, принося на землю ужас и муки. Самые страшные из них – семь Удугов, ненасытных в алчности и неутомимых в преследовании. Их можно одолеть только при помощи заклинаний и магического искусства, которым владеют жрецы. Это искусство и представляет собой истинную ученость, и многие его формулы дошли до нас. Вот, к примеру:

Злобный Удуг, что бродит святотатственно по земле,
Злобный Удуг, что разносит беспорядки по всей земле,
Злобный Удуг, что не слышит мольбы,
Злобный Удуг, что ловит малышей как рыбу в воде,
Злобный Удуг, что рушит великое грудями,
Злобный Удуг, что давит стариков и старух,
Злобный Удуг, что пересекает широкие улицы,
Злобный Удуг, что превращает пустыню в великую степь,
Злобный Удуг, что прыгает через пороги,
Злобный Удуг, что рушит общественные здания,
Злобный Удуг, что тревожит землю...
Я жрец, я пою заклинания, я верховный жрец Эа,
Владыка послал меня...
За спиной моею тебе не выть,
За спиной моею тебе не кричать,
Тебе не добиться, чтобы меня взял злой человек,
Тебе не добиться, чтобы меня схватил злой Удуг,
Да изгонят тебя небеса! Да изгонит тебя земля!

К магической формуле необходимо добавить прорицания, которыми тоже занимались жрецы. В этом беспокойном мире перед лицом таких могущественных высших сил человек всегда ищет возможность заглянуть в будущее, истолковать волю богов и предсказать их действия. Это первый шаг к тому, чтобы защитить себя – религиозными или магическими средствами.

Поклонение богам принимает форму сложной и весьма развитой системы ритуалов, которые проводит в храмах многочисленное жречество. Из надписей мы узнаем, что среди жрецов существует подробное и четкое разделение функций, что говорит о замечательном уровне развития всей системы; мы видим здесь не импровизированные представления, а зрелую организацию. Собственностью храмов управляют по большей части светские, а не клерикальные администраторы – если в данном случае вообще можно провести подобное

различие. Говоря точнее, богослужебные функции распределяются между певчими, плакальщиками, магами и провидцами. Обильно представлена и женская часть населения: при храмах есть проститутки, женщины-певчие, плакальщицы, колдуньи и гадалки.

Основой религиозного культа служит священный календарь. Праздники существуют двух типов: фиксированные, главные из которых Новый год и новолуние, и плавающие. Последние различаются либо потому, что это особые праздничные дни, посвященные богам-покровителям города, либо потому, что связаны с конкретными памятливыми событиями, такими как освящение храма, воздвижение статуи, восшествие на престол царя или военная победа.

Центральное событие любого праздника – жертвоприношение. Об этом свидетельствуют многочисленные дошедшие до нас тексты, хотя основная цель жертвоприношения остается неясной: достигал ли богов лишь дым от священной жертвы или ее всю сжигали во славу бога? Однако тексты снабжают нас обширной информацией: мы узнаем, что в жертву приносили овец, коз, быков, свиней, птицу и рыбу, а также зерно, муку, хлеб, финики, фиги, масло, мед, молоко, вино и пиво, одежду и ароматы. Типичная черта праздника – жертвы, принесенные по обету: как правило, это вазы, драгоценности, а в первую очередь статуи и статуэтки, которые жертвователю устанавливал в храме, дабы заручиться божественной поддержкой. Статуэтки часто изображали самих дарителей. При помощи этого, по существу магического, ритуала человек мог поручить себя заботам богов.

Самая главная цель шумерского культа – сохранение жизни. Заметим, земной жизни: шумеры молились о плодородии и изобилии; их культ имел очевидно натуралистическую природу.

При этом нельзя сказать, что шумеры ничего не знали о грядущей жизни; изобилие даров, помещенных в гробницы рядом с мертвыми, говорит об обратном, а более подробную информацию можно найти в мифах, где рассказывается о жизни за порогом гробницы. В первую очередь, все свидетельства говорят о культе постоянного возрождения природы, и трудно себе представить, что человек не принимал бы участия в этом бесконечном возрождении. В царских гробницах Ура монархи покоятся в сопровождении свиты. Указывает ли это на смерть, которую принимали добровольно в расчете на будущую жизнь? Да, многое говорит именно об этом.

Однако будущая жизнь в понимании шумеров сильно отличается от загробной жизни, скажем, египтян. Она жалка и бестелесна, затянута мраком и не предлагает новых возможностей. Один из текстов говорит об этом весьма ясно:

Я больше не человек, чтобы наслаждаться жизнью.
Место моего упокоения – прах земной; я лежу среди
грешников,
Мой сон – мучение; существование я влачу среди недругов.
О сестра моя, я не в состоянии подняться с ложа!

Этим настроением пронизана вся шумерская литература, и в особенности героический эпос. Все это резко контрастирует с безмятежными, светлыми изображениями, уцелевшими в гробницах Древнего Египта.

Храм – не только центр религиозной жизни. В шумерском обществе существовал характерный симбиоз функций, поэтому храм, помимо прочего, представлял собой центр экономической и коммерческой деятельности. Якобсен так описал происхождение и структуру этой социальной системы:

«Центром города-государства был непосредственно город, а центром города – храм бога-покровителя. Как правило, храм бога-покровителя был крупнейшим землевладельцем государства; обрабатывали его обширные владения сервы и издольщики. Другие храмы, посвященные супруге бога-покровителя, их божественным детям и божествам, как-то с ним

связанным, тоже обладали немалыми земельными владениями. По некоторым оценкам, в середине 3-го тысячелетия до н. э. большая часть земли в городах-государствах Месопотамии представляла собой храмовые земли. Большая часть обитателей государства, соответственно, служила богам в качестве издольщиков, сервов или служителей.

Эти экономические и политические реалии нашли выражение в месопотамских мифах, где утверждается, что человек был создан, чтобы избавить богов от труда, чтобы работать в имениях богов. Ибо месопотамский город-государство *действительно* представлял собой поместье, или имение, бога. Этим базовым имением, главным храмом и его землями, владел и управлял бог-покровитель города. Все важные распоряжения он отдавал лично».

Храмовое сообщество руководствовалось правилом, что каждый отдельный человек должен трудиться на благо группы. Мы видим, что граждане города организованы в общины под началом людей, которым вменено в обязанность распределять работу и надзирать за ее выполнением. В качестве вознаграждения эти люди раздают работникам пищу. Ясно видна специализация труда: есть пастухи, землепашцы, охотники, рыбаки, лесорубы, плотники, кузнецы; есть и торговцы, занятые торговлей с другими государствами. Во время войны и в случаях, когда проводятся крупные общественные работы, граждан города мобилизуют; отработав свое, они возвращаются к повседневным обязанностям.

Такой была жизнь шумеров. В целом она оставляет впечатление глубокого единства всех форм человеческой жизни при доминирующем влиянии религии. Все, что делал человек, – будь то мирный труд или военные предприятия, – делалось во славу богов. Каждый шаг человека определялся богами; боги присматривали не только за действиями людей, связанными с культом, но и за экономической и коммерческой деятельностью, которые мы сейчас считаем далекими от религии. Гармония в вере, характерная для шумерской концепции Вселенной, и позже остается мощной и очень типичной чертой всех цивилизаций, сменивших шумеров на Древнем Востоке.

Литературные жанры

Открытие шумерской литературы стало, несомненно, одним из самых значительных научных достижений последнего времени. Лучше, наверное, сказать «открытие заново», ведь большинство текстов были к тому моменту уже известны на протяжении нескольких десятилетий; но их фрагментарность, огромные трудности расшифровки и, надо сказать, несовершенство копий, сделанных учеными с этих надписей, не позволяли увидеть общую картину. Сегодня, благодаря терпеливому и неустанному труду множества ученых, ситуация совсем иная. Особо следует отметить вклад американца Крамера, посвятившего много лет изучению материалов, которые были обнаружены в Ниппуре. Сейчас эти материалы составляют важнейшее ядро дошедших до нас шумерских письменных источников. Крамер заново изучил тексты, сделал новые копии и сравнил их; в результате ему удалось научно получить множество новых интерпретаций, проливших новый свет на мысли, верования и образ жизни шумерского народа.

Уцелевшая литература представляет собой десятки тысяч глиняных табличек, исписанных клинописными текстами. Это идеографическое письмо в основном слогового характера, выдавленное в мягкой глине специальной палочкой. Распространение шумерской цивилизации привело к тому, что эта письменность использовалась как среди других народов Месопотамии, так и в обширной прилегающей области, а потому стала внешним признаком четко определенной культурной зоны. Сейчас мы располагаем множеством табличек самой разной сохранности. Таблички различаются между собой по размерам и количеству текста («шрифт» на разных табличках также различается по размеру). Некоторые таблички несут на себе десяток колонок, каждая из которых насчитывает сотни строк; другие – всего одну колонку из нескольких строк. На одной табличке редко можно найти полный текст; скажем, крупные поэтические произведения занимают по нескольку табличек; этим обусловлена одна из фундаментальных проблем реконструкции шумерской литературы, а

именно определение последовательности отдельных частей каждого текста.

Некоторые особенности шумерской литературы кажутся нам необычными. Прежде чем переходить к анализу различных литературных жанров, имеет смысл упомянуть эти черты, поскольку именно они определяют природу и содержание жанров. Для начала скажем, что все работы анонимны: нам неизвестно имя автора ни одного из дошедших до нас великих произведений. Это невозможно приписать случаю: имена переписчиков встречаются так часто и записывались так тщательно, что имена авторов, безусловно, сохранились бы тоже, если бы им придавали хоть какое-нибудь значение. Во-вторых, в шумерской литературе не удастся различить никакого исторического развития в стиле или сюжетах, очевидного во всех западных литературах, причем возражение о том, что сделать это не дает ограниченность наших знаний, не выдерживает критики. Дошедшие до нас материалы не оставляют сомнений в том, что шумерские грамотеи рассматривали подражание более ранним образцам, копирование и сведение воедино древних текстов как одну из самых достойных задач и регулярно занимались этим, тогда как оригинальность или новизна, судя по всему, никого не вдохновляла.

Шумерская концепция искусства, совмещавшая в себе и обуславливавшая обе эти особенности, в корне отличалась от нашей. Целью шумерского искусства было не создание оригинальных и субъективных творений, выражающих индивидуальность отдельного человека, но объективное и неизменное выражение коллективного начала. Поэтому художник, строго говоря, превращался у них в ремесленника. Он не давал себе труда подписывать собственные творения, как современные мастера не подписывают своих изделий, да и не стремился к свободному творчеству. Напротив, его заветной целью было скопировать образец до мельчайших деталей. В такой ситуации личность художника – а шумерские авторы, безусловно, обладали такой характеристикой, как «личность», – ускользает от нас, а процесс художественного развития, который, так или иначе, должен был иметь место хотя бы в самой слабой форме, теряется под грудой копий, пересказов и компиляций прежних образцов.

Но даже такое коллективное статичное искусство должно было иметь смысл и цель, хотя художники того времени и не стремились к свободному эстетическому самовыражению, столь характерному для нашей цивилизации. Цель шумерского искусства, вероятно, вполне прагматичная, ведь шумерская литература представляет собой вполне практическое выражение жизни общества. А поскольку, как мы уже указывали, доминирующей и объединяющей чертой этой жизни была религия, то и искусство по сути своей религиозно. Это искусство вопреки всему или, по крайней мере, искусство без стремления к искусству: это практичное и устойчивое выражение божественной концепции и отношений человека с божествами.

Из всех литературных жанров у шумеров откровенно преобладает мифологическая поэзия. Поэмы рассказывают о приключениях и взаимоотношениях богов, выражая таким образом шумерские представления о Вселенной, ее происхождении и дальнейшей судьбе. Они раскрывают взгляды шумерского народа на жизнь и, естественно, отражают жизненные условия и традиции.

Поразительный пример мифа о происхождении всего вокруг – сказание об Энки и Шумере. В ней рассказывается, как бог Энки принес в мир порядок и организовал обработку земли. Энки подходит к берегам Тигра и Евфрата – двух рек, удобряющих песчаную почву Междуречья, и вливает в них пенные воды. Затем он населяет их воды рыбой и устанавливает законы для моря и ветра. Каждому месту и каждой стихии он назначает особого бога-покровителя. Затем он обращает внимание свое на обработку земли. Он создает злаки и другие растения и поручает плуг и ярмо богу «каналов и канав», а мотыгу – богу кирпичей. Затем приходит черед домов, стойл и овчарен: бог закладывает фундаменты и строит, наполняя одновременно долину животными. Этот миф отражает сельскохозяйственный характер древней шумерской цивилизации и доминирующую в ней

своеобразную концепцию порядка, изначально и неразделимо присущего всякому существованию. Не зря понятия «создать» и «упорядочить» для шумеров синонимичны.

С самого начала времен человек неизменно обращается мыслями к загробной жизни. Самое исчерпывающее изложение соответствующих верований шумеров можно найти в мифе о нисхождении Инанны в нижний мир. Значение этого мифа не ограничивается рассказом об этом путешествии; в нем содержится красочное описание природного растительного цикла – доминирующей темы Древнего Востока. Инанна, богиня Матери-Земли, однажды решила навестить свою сестру Эрешкигаль, царицу нижнего мира. Однако она опасалась предательства, а потому оставила инструкции о том, что если она не вернется через три дня, то за ней должны отправляться на поиски. Это поэтическое произведение, а надо отметить, что древне-восточная поэзия основывалась не столько на размере стиха (хотя размер, безусловно, существует, его исследования продолжаются), сколько на параллелизме – представлении одной идеи в двух или даже трех фразах, вторая из которых (и третья, если есть) выстраивается параллельно первой, повторяет ту же мысль другими словами, или дополняет ее, или представляет противоположную мысль. Таким образом достигается особый вид гармонии. Итак, Инанна спускается в нижний мир:

Инанна ко дворцу, лазурной горе, подходит,
Ко вратам подземного царства спешит, полна гнева,
У врат подземного царства кричит гневно:
«Открой дворец, привратник, открой!
Открой дворец. Нети, открой, и к единой моей
Я да войду!»
Неги, главный страж царства,
Светлой Инанне отвечает:
«Кто же ты, кто?»
«Я – звезда солнечного восхода!

«Если ты – звезда солнечного восхода,
Зачем пришла к Стране без возврата?
Как твое сердце тебя послало на путь,
Откуда нет возврата?»

Инанна объясняет, что пришла навестить свою сестру Эрешкигаль, и ее впускают во дворец. Однако, по мере того как она проходит через каждые из семи врат нижнего мира, стражи лишают ее одного из предметов одежды или украшений:

И у нее, когда вошла,
Венец Эдена, Шугур, снял с головы.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеисильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда вошла во вторые врата,
Знаки владычества и суда у нее отобрал.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеисильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда вошла она в третьи врата,
Ожерелье лазурное с шеи снял.
«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

Так происходит у каждых врат, и в конце концов богиня предстает перед ужасными судьями нижнего мира нагой и подавленной. Они устремляют на нее свои мертвящие взоры, и Инанна бездыханной падает наземь. Проходит три дня, после чего посланец Инанны, выполняя ее поручение, обращается к высшим богам с мольбой спасти свою госпожу. После нескольких безуспешных попыток он наконец обращается к Энки:

Перед Энки зарыдал:
«Отец Энки, не дай твоей дочери погибнуть
В подземном мире!
Светлomu твоему серебру не дай покрыться прахом
В подземном мире!
Прекрасный твой лазурит да не расколет гранильщик
В подземном мире!
Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»

Мольба услышана: Энки проливает на мертвую богиню «пищу жизни» и «воду жизни»; она оживает и поднимается из царства смерти в сопровождении толпы демонов больших и малых, грозивших на каждом шагу утащить ее назад в бездну.

Существует множество других мифов о богах, значительных и не очень; но нам пора переходить к литературному жанру, который часто отличают от мифа, но который связан с ним множеством важнейших нитей: а именно к героическому эпосу. Произведения этого жанра прославляли великих деятелей шумерского золотого века, живших в незапамятные времена. Связь с мифологией возникает благодаря тому, что боги постоянно вмешиваются в жизнь героев, а герои, в свою очередь, играют свою роль в божественной мифологии. Центральным в этой области литературы представляется сказание о Гильгамеше, шумерском Геракле, совершившем множество замечательных подвигов. Его история поднимает великий вопрос – вопрос о смерти, о трагической судьбе, которая ожидает все человечество и от которой не в силах уйти даже Гильгамеш со всей его силой. Фигура героя практически заслонена его скорбным жребием, и многие подвиги совершаются с единственной целью – чтоб если не сам он, то хотя бы имя его уцелело в веках.

В поэме, известной как «Гильгамеш и Страна жизни», герой грустно жалуется на скорбный удел человечества и обращается к богу Уту с просьбой позволить ему совершить долгое и опасное путешествие в Страну жизни, которое наверняка покроет его неувядаемой славой:

«Уту, слово тебе скажу, к моему слову ухо склони!
О моих замыслах скажу, к моим надеждам слух обрати!
В моем городе умирают люди, горюет сердце!
Люди уходят, сердце сжимается!
Через стену городскую свесился я,
Трупы в реке увидел я,
Разве не так уйду и я? Воистину так, воистину так!
Самый высокий не достигнет небес,
Самый огромный не покроет земли,
Гаданье на кирпиче не сулит жизни!
В горы пойду, добуду славы!
Среди славных имен себя прославлю!»

Где имен не славят, богов прославлю!»
Уту мольбам его внял благосклонно,
Как благодетель оказал ему милость.

Гильгамеш пускается в путь в сопровождении своего верного друга Энкиду. Преодолев семь великих гор, они видят наконец свою цель, покрытую обширными кедровыми лесами. Но возжеленную страну охраняет ужасное чудовище Хувава. Напрасно друг предупреждает Гильгамеша о страшной опасности:

Господин, ты мужа того не видел —
Не трепетало сердце!
Я мужа того видел – трепетало сердце!
Богатырь! Его зубы – зубы дракона!
Его лик – лик львиный!
Его глотка – поток ревуший!
Его чело – жгучее пламя! Нет от него спасения!
Господин мой, тебе – в горы, а мне – в город!
О закате светоча твоего матери родимой твоей скажу,
заголосит она,
О гибели твоей затем скажу, завопит она!

Но Гильгамеша не страшат эти мрачные предсказания:

Никто другой за меня не умрет!
Лодка с грузом в воде не тонет!
Нить тройную нож не режет!
Один двоих не осилит!
В тростниковой хижине огонь не гаснет.
Ты мне стань подмогой, я тебе стану подмогой,
Что может нас погубить?⁵

Друзья нападают на чудовище, одолевают его и приносят его тело богам.

Темой еще одного текста о Гильгамеше является смерть героя. В первых же строках герой узнает, что бог Энлиль не даровал ему бессмертия:

Энлиль, гора величия, отец богов —
Ибо таков, о царь Гильгамеш, смысл твоего сна, —
Назначил твою судьбу, о Гильгамеш, для царства, не для
вечной жизни...
Не обижайся, не тоскуй...
Свет и тьму человеческую даровал он тебе,
Верховенство над родом человеческим даровал он тебе...
Битву, в которой никто отступить не может, даровал он тебе,
Неподражаемые атаки даровал он тебе,
Атаки, где никто не уцелеет, даровал он тебе.

За этим следует описание героя на смертном одре – типичная для шумерской поэзии серия стихов, каждый из которых заканчивается рефреном: «Он лежит и не поднимается».

⁵ Отрывки из мифа о нисхождении Инанны и поэмы «Гильгамеш и Страна жизни» даны в переводе В.К. Афанасьевой.

Примерно так: разрушитель зла лежит и не поднимается; тот, кто установил на земле справедливость, лежит и не поднимается; тот, кто могуч был мускулами, лежит и не поднимается; тот, чьи черты были исполнены мудрости, лежит и не поднимается; тот, кто одолевал горы, лежит и не поднимается. Возможно, эти стихи оскорбляют наш литературный вкус, но отказать им в своеобразной «рваной» выразительности невозможно.

Шумерский герой, заслоненный трагичностью собственной судьбы, вызывает в памяти некоторые образы греческой трагедии; безусловно, Гильгамеш – одна из самых красноречивых фигур древней литературы.

Значительную часть шумерской литературы составляют гимны и молитвы. Существует несколько типов гимнов, но преобладают из них два: восхваление богов и восхваление героев. Часть гимнов составлена от третьего лица, часть – от первого, как эта песня Инанны:

Отец мой дал мне небеса, и землю дал мне: я —
правительница небес.
Есть ли кто, есть ли среди богов, кто может со мной
сравниться?
Энлил дал мне небеса, и землю дал мне: я – правительница
небес.
Власть над мужами он даровал мне, власть над женами
даровал мне,
Битву он дал мне, стычку он дал мне,
Ураган он дал мне, и смерч он дал мне,
Небеса возложил он короной на мою голову,
Землю надел он сандалиями на ноги мои,
В сверкающую мантию божественности обернул меня,
Сияющий скипетр дал мне в руку...
Есть ли кто, есть ли среди богов, кто может со мной
сравниться?

Царь Шульги из третьей династии Ура удостоился особой хвалы. В одном из гимнов он рассказывает о себе в следующих стихах:

Я, царь, с материнской утробы был героем,
Я, Шульги, с рождения был могучим мужем.
Я лев с глазами ярости, лев, рожденный драконом,
Я царь четырех концов земли,
Я хранитель, я пастух шумеров,
Я герой, бог всех земель...
Добро я люблю,
Зло презираю,
Недружелюбные слова ненавижу.
Я, Шульги, могучий царь, водитель народов...
Далекie страны я покорил, своему народу дал безопасность,
В четырех концах земли люди в домах
Целыми днями славят мое имя...
Шульги, врагов уничтожающий, мир народу несущий,
Обладающий божественной силой небес и земли,
Не имеющий равных,
Шульги, сын, защищенный богом небес!

Один гимн, также посвященный монарху, на первый взгляд носит совершенно иной

характер – ведь это любовная песнь, не больше и не меньше.

Жених, милый моему сердцу,
Прекрасна красота твоя, сладостный,
Лев, милый моему сердцу,
Прекрасна красота твоя, сладостный...

Дальше продолжается в том же духе, чисто любовным языком. Но если рассмотреть текст чуть более подробно, то выяснится, что певица – жрица Инанны, а ее возлюбленный – царь Шу-Син; по всей вероятности, это ритуальная песня, специальный гимн для церемонии, символизирующей брак Думузи и Инанны. Такая церемония проводилась в храме каждый Новый год, а участвовали в представлении царь и жрица.

До нас дошло не так уж много шумерских молитв. По жанру эти произведения близки гимнам, которые и напоминают по содержанию и форме. Следующая молитва адресована Гатумду, богине Лагаша, и произносится от лица царя Гудеа:

Царица моя, дочь прекрасная священных небес,
Героиня, утоляющая всякую жажду, богиня с высоко
поднятой головой,
Дарующая жизнь земле Шумера,
Знающая, что на пользу пойдет твоему городу,
Ты царица, ты мать, основавшая Лагаш!
Когда обращаешь ты взгляд на народ твой, изобилие
приходит к нему;
Благочестивый молодой человек, которого ты опекаешь, да
живет долго!
У меня нет матери, ты моя мать,
И отца у меня нет, ты мой отец!
Ты приняла мое семя, в святости ты породила меня:
О Гатумду, как сладко звучит твое чистое имя!

Еще один жанр, близкий гимнам, – плачи. Это горестные жалобы, составленные в память о городах и домах, разрушенных врагом; можно считать, что они предшествовали библейским плачам. Так, богиня Нингаль причитает над руинами Ура:

В каналах моего города пыль собралась, воистину стали они
обиталищем лисицы;
Больше не текут по их руслам пенные воды, и рабочие
покинули русла;
В полях города больше нет зерна, и земледелец покинул
землю...
Мои пальмовые рощи и виноградники, изобильные медом и
вином, заросли горной колючкой...
Горе мне, мой дом – разрушенное стойло,
Я пастырь, чьи коровы рассеяны,
Я, Нингаль, подобна недостойному пастырю, стадо которого
пало под ударами!
Горе мне, я изгнанница из города, что не нашел упокоения;
Я странник, в чужом городе влачащий жизнь.

Еще одну чрезвычайно интересную группу текстов составляют дидактические, или поучительные, работы различных форм. Сюда входят пословицы и афоризмы, нередко

выражающие глубокую мудрость.

Бедняку лучше быть мертвым, чем живым;
Если есть хлеб у него, то нет соли;
Если есть соль у него, то нет хлеба;
Если есть дом, то нет хлева;
Если есть хлев, то нет дома.

Временами в подобных сентенциях можно увидеть замечательные психологические наблюдения:

Похвали юношу, и он сделает для тебя что захочешь;
Брось корку собаке, и она завиляет хвостом.

А вот призыв к самоконтролю:

В месте скандала не выказывай раздражения;
Когда гнев сжигает мужа, подобно пламени, умей потушить
пламя.
Если он говорит с тобою, пусть сердце твое с благодарностью
примет совет;
Если он оскорбляет тебя, не отвечай ему тем же.

Еще один тип дидактических композиций – басня; к несчастью, до нас дошло лишь несколько образцов шумерских басен: о птице и рыбе, о дереве и тростнике, о мотыге и плуге, о железе и бронзе. Басни часто принимают форму диалогов или споров о хороших и дурных качествах разных персонажей, примерно так, как мы видим в более поздних баснях Эзопа. Среди персонажей басен – не только животные и растения, минералы и инструменты, но также люди и ремесла; когда речь идет о последних, литературный жанр немного меняется и вмешательство богов приближает рассказ к мифологическому типу. Хороший пример – состязание за руку Инанны между пастухом Думузи и земледельцем Энкимду. Богиня благосклонна к земледельцу:

Пастух никогда не получит руки моей,
Никогда не укутает меня своим шерстяным плащом...
Я, дева, стану женой земледельца,
Земледельца, выращивающего растения,
Земледельца, возвращающего зерно.

Но пастух энергично защищается:

Энкимду, муж каналов, канав и канавок,
Земледелец, чем он лучше меня?
Пусть даст он мне свое черное одеяние,
В ответ я дам ему, земледельцу, черную овцу;
Пусть даст он мне свое белое одеяние,
В ответ я дам ему, земледельцу, белую овцу;
Пусть нальет он мне лучшего своего пива,
В ответ я налью ему, земледельцу, желтого молока;
Пусть нальет он мне сладкого своего пива,
В ответ я поставлю перед ним, земледельцем, кислого
молока...

Наевшись и напившись,
Я оставляю для него лишний жир,
Я оставляю для него лишнее молоко:
Земледелец, чем же он лучше меня?

В конце концов Инанна выбирает пастуха. Но – и это очень важно – соперники мирятся, и земледелец также приносит богине свои дары. Это полностью согласуется с естественным порядком – устремлением и одновременно характерной чертой шумерского образа мыслей.

Произведения нравоучительного жанра включают в себя множество школьных текстов, один из которых, расшифрованный Крамером, особенно интересен. В нем рассказывается о юноше, который ходил в школу, усердно учился, готовил и писал все упражнения. По возвращении домой он рассказывает отцу обо всем, что сделал, и просит дать ему поужинать:

Я хочу пить, дай мне напиться!
Я голоден, дай мне хлеба!
Омой мне ноги, постели постель, я хочу спать.
И разбуди меня утром пораньше, я не должен опаздывать,
Или учитель побьет меня палкой.

На следующее утро юноша встает, берет два хлеба, приготовленные для него матерью, и вновь бежит в школу; но он опоздал, и встреча с начальником предвещает ему наказание. Возвратившись домой, он предлагает отцу пригласить наставника домой и ублагодарить его дарами. История продолжается:

Отец внял словам ученика.
Учителя школьного он позвал.
В дом пригласил, на место почета его посадил.
Школьник служил ему, пред ним он встал,
И все, что грамоте он постиг,
Отцу своему он показал.
Отец его с ликующим сердцем
Отцу школьному радостно молвит:
«Вот малыш мой руку раскрыл, и ты мудрость свою в нее
вложил.
Грамотейную мудрость, всю искусность ее ты ему открыл».

После такой похвалы настал черед даров: наставнику преподнесли вино, много масла, новое одеяние, кольцо. Победенный таким великодушием, наставник оборачивается к юноше и хвалит его так:

Малыш, ты слов моих не отбрасывал, не отшвыривал.
Грамотейной мудрости вершины достигнешь, в совершенстве
ее изучишь!
Нечто ты сумел мне дать так, что я мог это принять.
Хлеб – мое пропитанье – сверх меры ты дал, честь великую
мне оказал.
Нидаба, владычица защитниц, твоей покровительницей да
станет!
В тростниковую палочку удачу да вложит!
Из копии глиняной зло да изымет!

Перед братьями своими да встанешь!
Над сверстниками верховодить будешь!
Лучшим из лучших среди учеников школы да будешь
признан!

Эта история примечательна своей свежестью и спонтанностью, а временами просто забавна. Может быть, это сатира? Так можно было бы подумать, если бы не полная серьезность и даже мрачность шумерской литературы вообще.

Прежде чем закончить обсуждение дидактической и афористической литературы, следует упомянуть еще одну тему, впервые возникшую именно в шумерской литературе, но позже нашедшую широкое распространение на всем Древнем Востоке. Это тема страданий благочестивого человека. Почему судьба не благосклонна к тем, кто живет праведной жизнью? В шумерской поэтической композиции, известной под названием «Человек и его бог», проблема сформулирована следующим образом:

Я человек, человек прозорливый, но уважающий меня не
знает достатка,
Мое верное слово обращено в ложь,
Хитрецом я повержен и должен служить ему,
Не уважающий меня ослабил меня перед тобой.
Ты вновь и вновь отмеряешь мне страдания,
Я в дом вошел, душа в расстройстве,
Я, человек, вышел на улицу с тяжелым сердцем,
На меня, храбреца, справедливый хозяин зол и смотрит
враждебно.
Мой пастырь затеял недоброе против меня, хотя я ему
не враг.
Товарищ мой не говорит мне ни слова правды,
Друг отвечает ложью на правдивое слово,
Хитрец замышляет против меня,
Ты же, мой бог, не накажешь его за это!

Однако следует отметить, что в этих словах нет обиды на бога. Напротив, с шумерской точки зрения, какие бы страдания ни выпали на долю человека, какими бы несправедливыми они ни были, человеку все равно следует славить бога, каяться в грехах и ждать освобождения от страданий, о котором говорится в конце поэмы:

Этот человек – бог прислушался к его горьким слезам и
рыданиям,
Этот юноша – его жалобы и вопли смягчили сердце его бога,
Справедливые слова, чистые слова из его уст бог принял...
Злую судьбину, назначенную ему, отверг,
Он обратил страдания его в радость,
Послал доброго духа смотреть за ним и заботиться,
Дал ему... ангелов прекраснотелых.

Помимо литературы в строгом смысле слова шумеры оставили нам громадное количество письменных материалов, которые невозможно обсудить в рамках данной книги. Но интересно хотя бы представить себе сравнительные масштабы явления: достаточно сказать, что эти материалы составляют 95 процентов от всех уцелевших шумерских текстов. Большинство этих текстов представляют собой документы коммерческого характера: квитанции, договоры, списки людей и вещей. Но сюда же относятся лингвистические тексты

(списки знаков и слов); научные труды, вроде интересных медицинских рецептов; частные и официальные письма; списки жителей, которые мы уже обсуждали и которые дали ученым огромное количество исторической информации; и, наконец, большое количество юридических текстов.

Этой последней группе необходимо уделить некоторое внимание, ибо чем дальше, тем больше из этих документов явствует, что шумерское общество было организовано на принципах справедливости. Мы уже упоминали кодекс царя Ур-Намму, жившего около 2050 г. до н. э. Слово «кодекс» не должно вводить нас в заблуждение относительно размеров документа: на самом деле он состоит из нескольких аналитических разборов, конкретных решений отдельных дел и не имеет в своей основе никаких сформулированных общих принципов; в этом отношении он точно отражает менталитет шумеров – а с ними и значительной части Древнего Востока. Тем не менее кодекс построен на определенных принципах и облачен в литературную форму. Он начинается с пролога, в котором царь перечисляет свои победы над врагами и воспекает проведенные в стране социальные реформы. Мы не знаем, был ли у этого кодекса эпилог, но в другом кодексе, также на шумерском языке, таковой имеется. Этот второй кодекс провозгласил Липит-Иштар, царь Исина, живший около 1900 г. до н. э. В нем больше рассказов об отдельных делах; имеются также пролог и эпилог, посвященные перечислению и прославлению деяний правителя. Это полноценный образец того литературного жанра, который позже достиг своей вершины в законах Хаммурапи, царя Вавилона.

Кодекс – не единственный уцелевший тип юридического документа, даже не самый распространенный. Еще более многочисленны документы, где говорится о юридических действиях или отдельных делах; многие из них хранились в архиве Лагаша. Эти документы можно примерно датировать концом 3-го тысячелетия до н. э., так что они представляют собой превосходный источник информации о шумерских законах – даже если законы Лагаша не во всем соответствовали законам других городов, а некоторые их элементы, судя по позднему появлению их в шумерской истории, возможно, имели семитское происхождение. Юридические документы носят название *дитилла* (суждение) и составлены по единой жесткой формуле: заголовок, суть вопроса, список свидетелей, подписи царского «комиссара» и судей, дата. Вот образец такого документа:

Дитилла. Поскольку Ниурум, сын Урнумушды, предстал и сделал заявление: «Я клянусь царским именем в том, что Гемейгалима, дочь Лугалкигаллы, выйдет замуж за Уригалиму, моего сына и наследника»; свидетели тому Лугалигихуш, сын смотрителя Урбабы, и Лапар, сын музыканта Ниурума; Ниурум признал заявление Лугалкигаллы; поскольку сын и наследник Ниурума женился на Инимлугале, Ниурум заплатит одну мину серебра Гемейгалине. Урсаталана, сын Ниму, представлял царя. Лушара, Луебгала, Лудингирра и Урсатарана были судьями в этом деле. Год, когда было проконопачено судно «Коза Абзу».

Суть дела такова: два отца, Ниурум и Лугалкигалла, заключили соглашение, по которому сын первого должен был жениться на дочери второго. Но сын Ниурума женился на другой, и Ниурум должен выплатить отвергнутой невесте неустойку.

Этот документ позволяет нам бросить беглый взгляд на повседневную жизнь шумерского общества. Совокупность множества «дитилл» дает достаточно подробную картину этой жизни. Общество разделено на три класса: свободные граждане, рабы и, в промежутке между ними, частично свободные люди, силой завербованные на службу и низведенные до положения царских слуг.

Глава семьи – отец. Как мы уже видели, молодежь вступает в брак по соглашению между отцами семейств. Брак моногамный и может быть расторгнут при наличии серьезной причины либо мужем, который произносит формулу отказа, либо женой, которая «отказывается от роли жены»:

Нинхилису, дочь портного Луны, вышла замуж за Лунин-шубуру, сына портного Урбабы. Поскольку Нинхилису хотела остаться в доме отца и сказала себе: «Я могу причинить Лунин-шубуре вред в его положении», она отказалась от роли жены.

Очевидно, женщины в шумерском обществе занимали высокое положение. На это указывает и тот факт, что отвергнутая мужем женщина имела право требовать компенсации. Женщин игнорировали лишь при наследовании; все имущество передавалось по мужской линии. Возможно, однако, что это была лишь формальность, – ведь отец девушки мог выделить ей приданое.

Большое количество документов, посвященных гарантиям, обязательствам, покупке и продаже, свидетельствуют о существовании в Шумере высокоразвитой торговли.

Наконец, уголовное законодательство представляется замечательно мягким по сравнению с тем, что вступит в силу несколькими столетиями позже, в юридической практике семитов. Главное наказание здесь – возмещение ущерба, что подтверждается несколькими читаемыми статьями кодекса Ур-Намму. Насколько можно судить в настоящее время, только в случае полной несостоятельности виновный становился рабом потерпевшей стороны. Все это указывает на то, что принцип возмездия «око за око, зуб за зуб», который мы обнаруживаем в кодексе Хаммурапи, был на тот момент новостью, введенной, скорее всего, представителями новой семитской династии.

С судебной процедурой мы уже разобрались. Следует лишь добавить, что опубликованные до сих пор документы по этому вопросу не подтверждают, судя по всему, впечатления о частном характере судебного разбирательства, о котором вроде бы свидетельствуют более поздние семитские тексты. Из них создается впечатление, что суд не мог состояться, если какое-нибудь частное лицо не выдвигало обвинений против виновного; но в шумерской практике власти могли привлечь человека к суду за нарушение закона, даже если истец не объявлялся; более того, в отличие от соответствующих семитских документов «дитиллы» не были просто сертификатами, предназначенными для частного использования заинтересованными сторонами, эти документы хранились в публичном судебном архиве.

Все это дополнительно подтверждает зрелость шумерского законодательства, по сравнению с которым некоторые более поздние нововведения можно рассматривать только как регресс. И то, что верно в отношении законодательства, верно и в отношении литературы в целом; ибо по сложности и тонкости затронутых тем, по зрелости и глубине основной мысли шумерская литература достигла столь высокой стадии развития, что ее можно рассматривать даже как своеобразный декаданс. Во всяком случае, эта литература отражает общество, разработавшее упорядоченную картину Вселенной и сумевшее создать адекватные средства для выражения этой концепции.

От этого момента до Библии и поэм Гомера – больше тысячи лет. Поэтому невозможно обвинить открывателей Шумера в ошибках или повышенном самомнении, когда они заявляют, что их открытие – один из самых важных вкладов, сделанных в наши дни в копилку знаний о человечестве.

Искусство

Переходя от рассмотрения письменных документов к памятникам искусства, мы обнаруживаем там замечательно схожие черты. Ведь искусство, в самом широком смысле слова и в самых разнообразных его проявлениях, всегда едино – что на Древнем Востоке, что в современном западном мире.

И все же искусство этих двух миров разделяют глубокие различия; в первую очередь это относится к сфере деятельности, к порождающим его событиям и к целям, которые это искусство преследует. Шумерское искусство – и мы увидим, что то же можно сказать о значительной части окружавшего шумеров мира, – возникло не как свободное и

субъективное выражение эстетического духа; его истоки и цели не состояли в преследовании красоты, как таковой. Напротив, это выражение религиозного – а значит, вполне практического духа. Это неотъемлемая часть религиозной – а следовательно, политической и социальной жизни, ибо религия на Востоке пронизывает все сферы человеческой жизни. Искусство здесь играет активную роль – роль стимулирующей и объединяющей силы, необходимой для упорядоченного развития жизни. Храмы воздвигаются, чтобы можно было чтить богов надлежащим образом, чтобы ни в коем случае не обидеть их, – а то ведь боги могут лишиться землю плодородия. Статуи ваяются для того, чтобы стоять в храмах и обеспечивать божественную защиту человеку, которого изображают, – иными словами, чтобы представлять этого человека в божественном присутствии. Рельефные сцены высекаются, чтобы сохранить навсегда память об изображенных событиях. Одна из черт, наиболее наглядно отличающих этот тип искусства от нашего, заключается в том, что различные памятники – статуи и рельефы – устанавливались в таких местах, где их невозможно было увидеть; к примеру, иногда их зарывали в основании храма. Тех, кто помещал их туда, вполне устраивало, что их увидят боги; то, что их не коснутся взгляды смертных, не имело значения.

Темы и типичные формы такого искусства вполне понятны: это храмы, вотивные статуи и памятные рельефы. Это публичное искусство, занятое восхвалением официальных верований и политической власти; частная жизнь практически не представляет для него интереса. Стиль также официален, а потому обезличен и, если можно так выразиться, коллективен. В шумерском искусстве нет места для попыток выразить собственную индивидуальность, и художник не больше, чем писатель, стремится увековечить свое имя. В искусстве, как и в литературе, автор произведения скорее мастеровой или ремесленник, нежели художник в современном понимании этого слова.

С коллективной обезличенностью и анонимностью связана и другая черта шумерского искусства – статичность. Негативной стороне этого явления – отсутствию всяких тенденций к новизне и развитию – соответствует позитивная сторона – намеренное копирование древних образцов; считается, что они совершенны и превзойти их невозможно. Этим объясняется тот факт, что в крупных формах, как в литературе, трудно проследить процесс исторического развития. С другой стороны, в искусстве малых форм, к которому относятся, скажем, печати, имеется множество образцов, по которым можно все же проследить путь развития, хотя эволюция касается скорее тем и объектов изображения, нежели стиля.

В завершение вводных замечаний о шумерском искусстве мы можем задать вопрос: действительно ли невозможно различить в нем отдельных мастеров? Нам не хотелось бы заходить так далеко. Есть памятники, особенно это относится к статуям, в которых определенно заметна индивидуальность и творческая сила мастера. Но нельзя не признать, что эта индивидуальность и творческая сила проникла в творения мастера вопреки его собственным усилиям – или, по крайней мере, без всякого осознанного намерения с его стороны.

Говоря об истории шумеров, мы видели, что главной и основной их деятельностью было возведение великолепных храмов – центров жизни города. Материал, из которого строились храмы, определялся природой местности и, в свою очередь, определял архитектурный стиль. Материалом для шумерских храмов служили высушенные на солнце глиняные кирпичи. Стены, которые складывались из этих кирпичей, вполне естественно получались толстыми и массивными. Колонн не было – или, по крайней мере, они ничего не поддерживали; для этой цели использовался деревянный брус. Монотонность стен нарушалась только чередующимися выступами и углублениями, создававшими на стенах игру света и тени; но главное – это великолепные входные ворота.

Главная черта шумерского храма, отличающая его от дворца или дома, – алтарь и стол для жертвоприношений. В доисторический период храм состоял из единственного помещения, алтарь устанавливался у короткой стены, а стол – перед ним (рис. 1). Позже можно отметить два различных варианта: на юге алтарь и стол воздвигались во внутреннем

дворике, вдоль длинных (реже вдоль коротких) стен которого устраивались параллельные ряды помещений. На севере алтарь и стол, как и прежде, устанавливались в основном помещении храма, которое стало более обширным и дополнялось теперь вспомогательными помещениями.

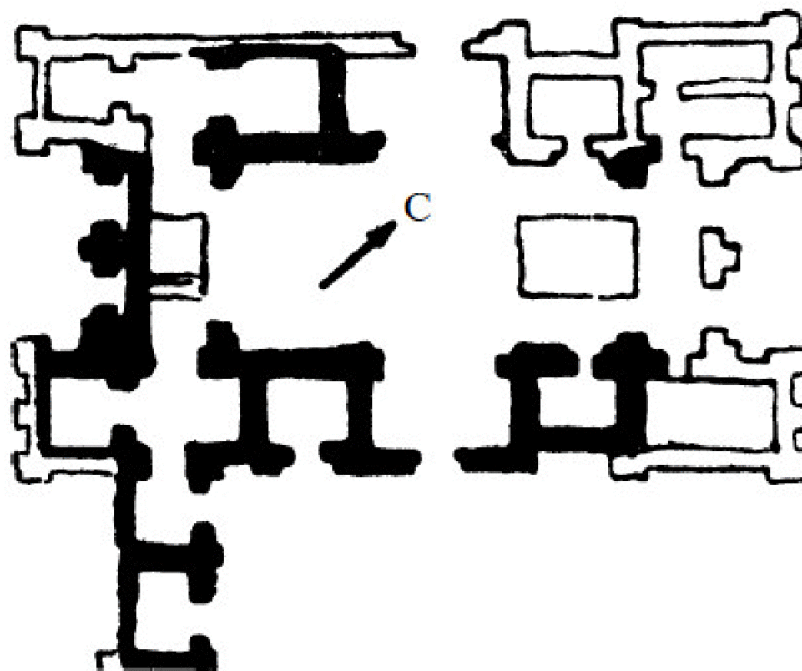

Рис. 1. План шумерского храма

Следующий шаг в эволюции шумерского храма произошел, когда внутренний двор перестал использоваться как место поклонения богам. Теперь его устраивали сбоку, обычно вдоль длинной стены храма, и, в свою очередь, окружали небольшими помещениями, которые использовались как комнаты для жрецов и чиновников. Так постепенно возник *теменос* – обнесенный стенами священный квартал, комплекс храмовых зданий в стороне от города. Прекрасным примером такого квартала может служить овальный храм, обнаруженный при раскопках в Хафадже сотрудниками Чикагского института востоковедения (фото 1). На реконструкции видны двойная наружная стена, серия зданий для храмовых служителей, широкий внутренний двор, терраса у подножия святилища, к которой вела лестница, и, наконец, само святилище – стены с регулярными выступами и вход с одной из длинных сторон.

Терраса, на которой выстроен шумерский храм, служит начальным пунктом (логически или исторически, мы не знаем) для развития памятников типичного для Месопотамии типа: зиккурат, или храмовая башня, сооружался путем наложения друг на друга нескольких террас уменьшающегося размера. Один из самых знаменитых и хорошо сохранившихся зиккуратов находится в Уре (фото 2). Чердака лестниц ведет все вверх и вверх, с уровня на уровень, пока не выводит на вершину сооружения. Цель строительства зиккуратов до сих пор неизвестна. Что это – древняя гробница, гробница богов или обожествленных царей, подобно египетским пирамидам (внешне зиккурат очень напоминает ступенчатую пирамиду Джосера в Саккаре)? У нас нет никаких доказательств этого. Или, может быть, это воспоминание о горах изначальной родины шумеров, на вершинах которых они в прежние времена проводили свои ритуалы? Или, проще, это внешнее выражение стремления человека приблизиться к божественному? Может быть, зиккурат позволяет человеку максимально подняться к богам и предложить им, в свою очередь, жилище и удобный путь вниз, на землю?

Гражданская архитектура шумеров аналогична (за исключением святилища, конечно) их храмовой архитектуре: в доме имеется внутренний дворик, вокруг которого расположены

небольшие комнатки. Все они открываются во дворик, а сообщение с внешним миром ведется только через входные ворота. Если речь идет о дворце, то план может быть расширен; внутренних двориков может быть несколько, и каждый в один ряд окружают комнаты. Дома в основном одноэтажные; их окна открываются на плоские крыши, где обитатели дома гуляют по вечерам, освежаясь после дневной жары.

В отличие от Египта, о котором мы будем говорить позже, гробницы в Месопотамии придают не слишком большое значение. Это вполне согласуется с другим характером жителей Месопотамии и их иными представлениями о характере жизни после смерти. Египтяне безоговорочно и полностью верили в будущую жизнь, очень похожую на жизнь в этом мире. В Месопотамии представления о загробной жизни были неопределенными и не слишком проработанными; после смерти каждого ждало тоскливое царство теней. Даже самые знаменитые шумерские гробницы – царские гробницы в Уре – интересны не столько своей архитектурой (они состоят из нескольких вырытых в земле камер), сколько богатым урожаем археологических находок. В частности, там были обнаружены указания (их мы уже упоминали) на то, что жертва тех, кто сопровождал царя в загробный мир, была добровольной.

Искусство скульптуры получило среди шумеров лишь ограниченное распространение, и тому были определенные причины. С одной стороны, существовала объективная причина – недостаток камня. С другой стороны, шумерский взгляд на искусство и на цель художника порождал еще одну причину, субъективную: статуя рассматривалась как представитель изображенного человека, а потому – за исключением редких случаев, когда речь шла об особенно важных людях, – не должна была быть большой. Этим объясняется огромное количество небольших статуэток и тщательность, с которой художник изображал черты лица, – ведь по статуэтке предполагалось узнавать человека. Остальное тело изображалось кое-как и часто в меньшем масштабе, чем голова; шумеров совершенно не интересовала обнаженная натура, и тело всегда скрыто под стандартными одеяниями.

Проще всего объяснить, на что похожи шумерские статуи, при помощи нескольких примеров. Мы начнем с одной из самых старых и грубо изготовленных: со статуэтки из Тель-Асмара (фото 3). Человек стоит выпрямившись, в напряженной и торжественной позе. Лицо непропорционально велико по отношению к телу и поражает огромными глазами; глазные яблоки сделаны из раковин, а зрачки – из лазурита. Волосы разделены посередине и спадают вниз по обе стороны лица, сливаясь с густой бородой. Параллельные линии локонов и стремление художника к гармонии и симметрии говорят о стилизации. Тело вырезано очень строго, руки сложены на груди, ладони – в типичном молитвенном положении. От пояса вниз тело представляет собой всего лишь усеченный конус с вырезанной понизу бахромой, символизирующей одеяние.

В шумерском искусстве, очевидно, главенствует геометрический канон. Сравнивая его с искусством Греции и Египта, Франкфорт очень хорошо сказал об этом:

«В догреческие времена шел поиск вовсе не органической, а абстрактной, геометрической гармонии. Основные массы строились в приближении к некоторой геометрической форме – кубу, или цилиндру, или конусу; детали при этом стилизовались в соответствии с идеальной схемой. Чистый трехмерный характер этих геометрических тел находил отражение и в фигурах, созданных по этим правилам. Именно преобладание цилиндра и конуса придает гармонию и вещественность месопотамским фигуркам: обратите внимание на то, как руки, сходящиеся впереди, и кайма одежды внизу подчеркивают окружность – а значит, не только ширину, но и глубину. Эта геометрическая аппроксимация прочно утверждает фигуры в пространстве.

Этим объясняется также ошеломляющее внешнее сходство всей догреческой скульптуры. Различается лишь выбор идеальной формы: в Египте это скорее куб или овал, нежели цилиндр или конус. Однажды выбранная идеальная форма остается доминирующей навсегда; при всех стилистических изменениях египетская скульптура остается квадратной, а

месопотамская – округлой».

Гораздо большую художественную зрелость можно заметить в группе статуэток, относящихся к более позднему периоду. Среди этих статуэток особое значение имеет фигурка жреца, найденная в Хафадже (фото 4). Она гораздо более реалистична без ущерба для пропорций или общей гармонии. Здесь гораздо меньше геометрической абстракции и символизма, а вместо контрастирующих масс мы видим аккуратное точное изображение. Да, наверное, эта фигурка не выражает такой силы, как первая, но тонкости и выразительности в ней наверняка больше.

Принципы и традиции, преобладавшие в шумерской скульптуре, изображавшей человека, не были столь же строги в отношении изображений животных. Поэтому в них возможен был больший реализм, и вследствие этого большая художественная выразительность, что очевидно уже по чудесной фигурке быка, найденной в Хафадже (фото 5). Но даже животные не свободны от символизма, религиозного по своей природе. Так, очень эффектная маска быка, украшавшая найденную в Уре арфу, снабжена замечательной стилизованной бородой; что бы ни означала эта деталь, к реализму ее причислить нельзя точно.

Рельефная резьба – преобладающая и очень характерная для Месопотамии форма пластического искусства, настолько же развитая, насколько скульптура здесь ограничена в своих возможностях. У рельефной резьбы есть специфические проблемы, от решения которых зависят ее характеристические черты; поэтому нам следует рассмотреть, как шумеры понимали и решали эти проблемы.

Первая из них – перспектива. Если современный художник уменьшает размеры изображаемых фигур пропорционально расстоянию до них, представляя их так, как они видны глазу, то шумерский мастер делает все фигуры одинакового размера, представляя их так, как они видны его мысленному взору. По этой причине шумерское искусство иногда называют «интеллектуальным» в том смысле, что доминирует в нем мысль, а не физическое представление.

Однако для изменения размера изображаемых фигур существует и еще одна причина – а именно их относительное значение. Поэтому бог всегда изображается крупнее, чем царь, царь крупнее, чем его подданные, а они крупнее, чем побежденные враги. При этом «интеллектуальность» переходит в символизм и отступает от реальности.

Композиция фигур определяется множеством традиций: так, лицо обычно изображается в профиль, но при этом снабжается фронтальным изображением глаза. Плечи и торс тоже изображаются фронтально, а ноги – в профиль. При этом делается некоторая попытка показать торс слегка развернутым за счет положения рук.

Шумерская рельефная резьба подразделяется на три основных типа: это стела, плита и печать. Хороший пример памятника первого типа – так называемая «стела стервятников» (фото 6). На ее основном фрагменте изображен Нингирсу, бог Лагаша; его стилизованная борода, расположение лица, торса и рук иллюстрируют то, о чем мы только что говорили. В левой руке бог держит что-то вроде своей личной эмблемы: львиноголового орла с двумя львятами в лапах. Другая рука бога сжимает палицу, которой он наносит удар по голове плененного врага; враг этот вместе с другими опутан сетью, символизирующей статус пленных. В соответствии с уже упоминавшимся символизмом все фигурки врагов гораздо меньше по размеру, чем фигура бога-победителя. Таким образом, в этой стеле проявились многие типичные черты месопотамских рельефов.

Другой широко распространенный тип шумерского рельефа – квадратная каменная плита с отверстием в центре, скорее всего предназначенным для крепления плиты к стене (фото 7). В подобных рельефах преобладает одна тема: на большинстве плит изображена сцена пира и две фигуры – женская и мужская – в окружении слуг и музыкантов; на дополнительных боковых сценках могут присутствовать кушанья и животные, предназначенные для стола. Франкфорт, проводивший специальное исследование рельефов

этого типа, утверждает, что эта сцена изображает торжественный новогодний ритуал, символизирующий брак между богиней плодородия и богом растительности, который ежегодно умирает и воскресает вновь.

Третий основной тип шумерской рельефной резьбы можно найти на каменных печатях, оттиски которых на сырой глине служили своеобразной формой удостоверения личности. Самые старые печати были коническими или полусферическими, но быстро эволюционировали в цилиндрическую форму; она-то в конце концов и стала преобладающей. Печать прокатывали по уплощенному куску сырой глины, получая при этом выпуклый оттиск резной поверхности цилиндра (фото 8). Среди сюжетов сцен, изображаемых на печатях, чаще всего встречаются следующие: герой среди покорившихся ему диких зверей; охрана стада; победа правителя над врагами; ряды овец или быков; переплетенные фигуры. В изображениях всегда доминируют гармония и симметрия – настолько, что иногда доходит до так называемого «парчового стиля», где украшения и отделка важнее предмета изображения. Как уже говорилось, печати представляют собой один из очень немногих разделов шумерского искусства, в которых путем тщательного исследования можно проследить эволюцию стиля и сюжета.

Мы не можем задерживаться на этом пункте, как не можем и уделить место для обсуждения других жанров искусства малых форм, несмотря на все их богатство и разнообразие. Упомянем лишь некоторые из них. Это металлические статуэтки примерно с теми же характерными чертами, что и у каменных изображений, о которых уже шла речь; это украшения – в частности, в Уре были найдены экземпляры такой тонкой и изысканной работы, превзойти которую было бы трудно (фото 9). Именно в этой области значительно более, чем в искусстве крупных форм, достижения древних мастеров приближаются к современным; там, где нет сковывающих и обособляющих традиций, пропасть между нашими культурами становится менее заметной.

На этом мы должны закончить рассмотрение древней шумерской культуры. Но перед этим нельзя не сказать о сильном и глубоком впечатлении, которое она производит на современного человека. Когда европейская цивилизация еще даже не зародилась, в Месопотамии из неведомой тьмы веков проступила богатая мощная культура, удивительно высокоразвитая и невероятно разнообразная. Ее творческие и движущие силы поражают воображение: ее литература, ее законы, ее художественные произведения сформировали основу всех последующих цивилизаций Западной Азии. В любой из них можно без труда найти подражания, адаптации или переработанные образцы шумерского искусства, часто скорее испорченные, чем улучшенные в процессе переработки. Таким образом, открытие забытых шумеров – великий вклад в копилку человеческих знаний. Исследования шумерских памятников важны не только сами по себе; они позволяют нам определить происхождение той великой культурной волны, которая накрыла весь мир Древнего Востока, докатившись даже до Средиземноморского бассейна.

Глава 3 Вавилоняне и ассирийцы

«Завоеванная Греция»⁶

История, протянувшаяся более чем на две тысячи лет; политическое могущество, распространившееся на всю Западную Азию и даже в Египет; оживленная и богатая

⁶ Часть известной строки Горация: «Graecia capta ferum victorem cepit» («Завоеванная Греция сама завоевала дикого победителя»).

религиозная жизнь; богатейшие литература, искусство и наука – таковы основные черты цивилизации вавилонян и ассирийцев, или, называя этот народ единым именем, аккадцев. Однако в последние несколько лет возникла новая фундаментальная проблема, связанная с происхождением и составными частями этой цивилизации. Встал вопрос: является ли она оригинальной или производной, независимым творением или результатом переработки ранее существовавшего материала.

В начале XX в., когда в моде была теория «панвавилонизма», вряд ли кому-то могло прийти в голову, что ситуация переменится так внезапно и кардинально. На самом же деле исследование открытой заново шумерской культуры все более ясно показывает, что вавилонская и ассирийская религиозные концепции, содержание их литературных произведений, сюжеты произведений искусства и темы научных трудов берут свое начало в шумерской цивилизации. Естественно, возникает вопрос: что, если даже у этой культуры, которая сейчас представляется нам оригинальной, рано или поздно найдется прототип, в настоящее время неизвестный?

Вследствие этого отношения между аккадцами и шумерами все больше напоминают отношения между римлянами и греками; в Месопотамии тоже более молодой народ насквозь пропитан более высокой и более древней культурой и, так сказать, терпит культурное поражение в момент своей политической победы. Необходимо заметить – и здесь по-прежнему наблюдается параллель с греками и римлянами, – что пришельцам удалось внести и собственный вклад, привнести в культуру новые элементы и взгляды – либо во время первой завоевательной фазы цивилизации, либо позже, в процессе дальнейшего развития. Но выделение этих элементов и взглядов, судя по всему, надолго останется чрезвычайно трудной задачей.

Исторический очерк

Вавилоняне и ассирийцы – семитские народы. Свое происхождение они ведут от кочевых племен, которые периодически пытались выйти из пустынных просторов Аравии и проникнуть в плодородное Междуречье. Их происхождение заслуживает более пристального внимания. С одной стороны, оно обеспечивает связующее звено между Месопотамией и другими семитскими цивилизациями; с другой – вновь и вновь дарит нам намеки и путеводные нити к идентификации характерных культурных черт, что сделать чрезвычайно сложно, но необходимо для правильного понимания ситуации.

Семитские личные имена появляются в Месопотамии уже в первой половине 3-го тысячелетия до н. э.; вероятно, мирное смешение с шумерами началось по крайней мере в этот период. Затем, около 2350 г. до н. э., с воцарением Саргона Великого, объединившего под своей рукой Месопотамию и вторгшегося в Сирию и Малую Азию, семиты приходят к власти. Так впервые возникает царство, объединяющее под своей властью весь известный мир, «четыре конца земли». С этого момента всемирное царство становится постоянным элементом политических концепций и стремлений семитских народов; такой взгляд сильно отличается от политических взглядов шумеров, нашедших свое выражение в форме города-государства. Фигура правителя также обретает новые черты: это уже не человек на службе у богов, но человек, который через свои деяния сам становится богом, что наглядно доказывают связываемые с ним атрибуты. Значение монарха растет, и старое соперничество между ним и жречеством разрешается в его пользу; жрецы низведены до положения чиновников, окружающих царя и отвечающих перед ним за свои действия.

Фигура Саргона быстро обрастает легендами. В них рассказывается, как в младенчестве мать пустила его плыть по реке в тростниковой корзинке, как он был чудесным образом спасен, как познал любовь богини Иштар и начал свои великие предприятия. Но за достоверной информацией и фактами нам лучше обратиться к дошедшей до нас хронике:

Саргон, царь Аккада, повелевающий смотритель Иштар, царь Киша,

помазанный жрец Ану, царь страны, великий *энси* Энлиля; он победил Урук и разрушил его стену; в сражении с жителями Урука он одержал победу. Лугальзаггиси, царя Уру-ка, он взял в сражении, привел на веревке к воротам Энлиля. Саргон, царь Аккада, победил в сражении с жителями Ура; он завоевал город и разрушил его стену. Он победил Э-Нинмар, и разрушил его стену, и покорил все его земли от Лагаша до моря; затем он омыл свое оружие в море. В сражении с жителями Уммы он победил, он захватил город и разрушил его стену. Энлиль не давал никому противиться Саргону, царю этой страны. Энлиль отдал ему земли от Верхнего моря до Нижнего моря.

Рубленный военный текст отражает грубые нравы завоевателей: ими еще не овладела цивилизованная миролюбивая ментальность шумеров-храмостроителей. Но конечно, именно этой грубости – и еще новому оружию, луку со стрелами, против которого не смогли устоять копье и щит шумеров, – обязан Саргон своим успехом и основанием новой династии, которая твердой рукой правила в тех краях еще около двухсот лет. Чтобы положить конец этой династии, потребуются еще более грубые племена и даже дикие кутии⁷ с восточных гор. После разгрома династии шумерские города-государства вновь получают право на жизнь. Но ненадолго: около 2000 г. до н. э. семиты победоносно вернулись к власти.

Новые завоеватели известны как амориты, поскольку происходят из земли Амурру, или Западной земли. Это не единственный народ, кого так называли, но мы можем сохранить это название как удобное обозначение этих захватчиков-кочевников. В шумерском мифе о них сказано:

Аморит, копающий землю в поисках трюфелей у подножия
гор,
Тот, кто не преклоняет колен,
Кто ест сырое мясо,
Кто всю свою жизнь не имеет дома,
Кто после смерти не знает погребения...

В настоящее время из документов, обнаруженных французскими археологами в городе Мари, мы можем многое узнать о государствах, основанных этим новым семитским народом. Этот город был одним из главных аморитских центров, и в его архивах хранится переписка его правителей с правителями других стран, с управляющими, военачальниками и посланниками. В этих документах упоминается больше тридцати царств, в большинстве своем неизвестных ученым, и мы можем проследить всю историю их союзов, соперничества и политических маневров. К примеру, вот в каком тоне пишет Хаммурапи, царь Вавилона, Бахдильму, «мастеру дворца» царя Мари Зимрилима:

Бахдильму скажи: это говорит Хаммурапи. Я послал отряд Зимрилиму. Как ты знаешь, расстояние, которое надлежит покрыть этим людям, велико. О благополучии Зимрилима, и его войск, и войск, которые я послал Зимрилиму, о городе Разама и вражеских силах, осаждающих его, продолжай сообщать мне! И пусть твоя информация доходит до меня регулярно!

Попутно можно указать, что это письмо может служить типичным примером эпистолярного стиля того времени: мы познакомимся и с другими примерами, которые раскроют нам элементы и характерные черты этого стиля. Но главный интерес подобных писем заключается в том, что они свободны от стандартизированного языка хронистов и позволяют лучше понять характер участвующих в переписке монархов, заглянуть в их

⁷ Спайзер выявил, что кутии играли лишь ограниченную роль в падении династии Саргона.

частную и даже интимную жизнь. Фигуры царей оживают, сбрасывая с себя типическое однообразие, в которое облакают их официальные хроники. К примеру, великий царь Ассирии Шамши-Адад так выражает свое мнение о разных способностях двух своих сыновей, притом что оба они являются правителями важных провинций. Один из них храбр и энергичен, другой вял и миролюбив. Последнему отец пишет:

Как долго должны мы еще руководить каждым твоим шагом? Ты все еще ребенок, ты не мужчина, лицо твое лишено бороды! Сколько еще будешь ты пренебрегать управлением в своем доме? Неужели не видишь, как твой брат командует великими армиями? Так управляй же сам своим дворцом и своим домом!

Иногда подобная корреспонденция непроизвольно обретает комический тон, как в случае с одним из чиновников царя Мари. Он обнаружил в амбаре льва и не знает, что делать, ведь царь строжайше запретил убивать львов, они нужны ему как объект охоты. Чиновник не придумал ничего лучшего, чем написать царю:

Лев был обнаружен в амбаре одного дома в Аккаке. Если этому льву надлежит оставаться в амбаре до прибытия моего господина, пусть мой господин напишет и прикажет мне; если же мне следует приказывать отвезти его к моему господину, пусть мой господин напишет и прикажет мне.

Царь не отвечает, растерянность чиновника растет. В конце концов он приходит к решению и снова пишет царю:

Так я ждал писем от моего господина, а лев оставался пять дней в амбаре. Собаку и свинью отправили внутрь к нему, чтобы он мог поесть. Я сказал себе: «Может быть, этот лев убежит!» Я боялся. Я приказал посадить льва в деревянную клетку, погрузил в лодку и отослал к моему господину.

В какой-то момент одно из многочисленных аморитских государств выходит в лидеры и объединяет под своей властью всю Месопотамию. Это Вавилонское царство; зенит его могущества приходится примерно на 1700 г. до н. э. в правление великого царя Хаммурапи. Хорошо известно, что этот царь знаменит в основном своим кодексом законов, в котором собраны и упорядочены законы его царства. Во многом кодекс Хаммурапи следует шумерским образцам; у него есть пролог и эпилог, в которых говорится о целях собрания законов.

Когда высокий Ану, царь ануннаков⁸, и Энлиль, владыка небес и земли, определяющий судьбу страны, определили Мардуку⁹, первейшему сыну Энки, владычество над всеми людьми... Тогда меня, Хаммурапи, заботливого государя, богобоязненного, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы подобно Шамашу восходить над черноголовыми и озарять страну, – Ану и Энлиль призвали меня для благоденствия населения.

Эпилог написан примерно в таком же высоком стиле:

Я искоренил междоусобицы, улучшил положение страны, поселил людей в

⁸ Ануннаки – божественные существа, слуги Анну.

⁹ Мардук – бог – покровитель династии Хаммурапи.

надежных местах и избавил их от страха. Великие боги меня призвали, и поэтому я – пастырь-миротворец, скипетр которого прям. Моя благая сень распростерта над моим городом, и я держу на своем лоне людей страны Шумера и Аккада. С помощью моей богини-покровительницы они стали преуспевать, я привел их к благополучию и укрыл их своей мудростью. Чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове... Угнетенный человек, который обретет судебное дело, пусть подойдет к моему, царя справедливости, изображению, пусть заставит прочитать мой написанный памятник, пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему его дело, пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце...¹⁰

Эти строки выражают древний идеал шумерских правителей: идеал нерушимого мира, основанного на законе и порядке. Слабых следует защитить, сироте и вдове оказать справедливость... При Хаммурапи две культуры, образующие месопотамскую цивилизацию, достигают полного и гармоничного слияния. Обожествление царей, характерное для 1-й семитской династии, здесь отсутствует. На протяжении нескольких следующих столетий надписи, оставленные правителями Вавилона, отличаются скудостью и краткостью сообщений о военных предприятиях и одновременно подробные рассказы о мирных трудах.

Династия Хаммурапи прекратилась около 1530 г. до н. э., после чего Вавилон вступает в долгий период упадка. Власть в это время находится в руках касситов, выходцев из недалеких иранских гор. Постепенно первенство в Междуречье все больше и больше переходит к северной державе, Ассирии. Вообще, Ассирия была сильным государством уже во времена Мари – можно вспомнить уже упоминавшегося нами царя Шамши-Адада, – но ее постепенный подъем к настоящему могуществу и первенству над другими государствами Ближнего Востока приходится на XIV в. до н. э. Около 110 г. до н. э. Тиглатпаласар I вторгается в Анатолию с севера, завоевывает окрестности Наири и доходит до Черного моря; на западе он проникает в Сирию и выходит сквозь нее к Средиземному морю:

[Я] Тиглатпаласар, законный царь, царь мира, царь Ассирии, царь четырех концов земли, отважный герой, ведомый пророчествами Ашура и Нинурты, великих богов его покровителей; тот, кто одолел врагов... По приказу моего господина Ашура моя рука захватила [земли] от нижнего течения реки Заб до верхнего моря на западе. Три раза ходил я походом против стран наири... Я заставил склониться к моим стопам тридцать царей стран наири и взял у них заложников. Я получил в качестве дани лошадей, приученных к ярму. Я наложил на них дань и взял дары. Затем я отправился в Ливан. Я нарубил кедровых бревен для храма Ану и Адад, великих богов моих покровителей, и вывез их. Я пошел на страну Амурру. Я завоевал всю страну Амурру. Я получил дань от Библоса, Сидона и Арвада.

Из этого «военного отчета» видно, что у Ассирии появился собственный характер, грубый и воинственный; этот характер отразился не только в общественной и политической жизни, но также в литературе, законах и искусстве. Ярче всего он проявляется в царских анналах – типичной и четко определенной литературной форме. Хроники представляют нам фигуру правителя, который, следуя скорее семитским, нежели шумерским традициям, концентрирует в своих руках абсолютную власть военного характера. Это не бог, скорее представитель бога войны; в его лице объединяется политическая и религиозная власть, так что дуализм снова разрешен через личность – единого главу бюрократического государства.

Мы не должны принимать все победы, перечисленные в анналах, за чистую монету. Имеются доказательства того, что эти военные бюллетени преувеличивали победы и старались поменьше говорить о поражениях, что случается в любом государстве и в любую

¹⁰ Перевод В.А. Яковсона.

эпоху. Но можно сказать наверняка: Ассирийская империя неумолимо расширялась, следуя основным направлениям военных походов. В VIII в. Тиглатпаласар III побеждает по всем направлениям. На севере он наносит поражение сильному государству Урарту, находившемуся на вершине своего могущества и пытавшемуся организовать против него военный союз; затем проникает в Малую Азию, Сирию и Палестину, а также на земли Вавилона. Под именем Пулу он принимает на себя управление Вавилоном, создавая тем самым необычайный прецедент, когда две короны возлагаются на одного человека, выступающего под двумя разными именами. Это мероприятие выдает в нем дальновидность и политическую тонкость – качества, не столь слишком часто встречающиеся в воинственной Ассирийской державе. Объяснение такому поступку следует искать в возвышенных культурных традициях Вавилона, которые ассирийцы тоже считают своими; поэтому, за редкими исключениями, они стараются представлять себя не завоевателями, а освободителями – они даже признают и почитают вавилонских богов.

Правление Саргона II (721–705 до н. э.) отмечено завоеванием множества сирийско-палестинских городов. В царских анналах мы читаем, что произошло с Ашдодом:

Азиру, царь Ашдода, задумал не платить больше дани и разослал соседним царям письма, враждебные Ассирии. За зло, которое он содеял, я отнял у него управление его народом и назвал Ахимити, его младшего брата, царем. Но хетты, всегда замышляющие дурное, ненавидели его правление и посадили над собой некоего грека, который, не обладая никакими правами на престол, имел не больше уважения к моей власти, чем они сами. В гневе я не стал ждать, собирать всю силу моей армии или готовить лагерь, но выступил на Ашдод только с теми солдатами, которые и в мирных краях никогда не оставляют меня. Тот грек, однако, узнал о приближении моей экспедиции и бежал в Египет, к границам Эфиопии, и найти его не удалось. Я осадил и взял города Ашдод, Гат, Асдудимму; я объявил добычей его богов, его жену, его детей, все имущество и сокровища его дворца, а также обитателей его земли.

Я перестроил эти города и поселил там людей с востока, которых когда-то завоевал. Я назначил своего офицера правителем над ними и объявил их ассирийскими гражданами...

Этот текст раскрывает одну из самых типичных черт ассирийского завоевания: массовую депортацию завоеванного населения. На страницах Библии, которые мы еще будем цитировать, описывается горе евреев, насильно переселяемых на земли Вавилона, далеко от родной земли.

Ассирийская экспансия достигает высшей точки в VII в. до н. э., когда армии царя Асархаддона проникают в Египет и захватывают страну. Произошло это в 671 г. до н. э. Этот год стоит отметить: впервые за несколько тысяч лет истории двух великих долин одна из них завоевала другую. Впервые, хотя и ненадолго, Древний Восток от Тигра до Нила объединился в единую империю; титулование владыки «четырех концов земли» из пожелания стало реальностью. Восторг, вызванный этим событием, ясно выражен в анналах Асархаддона:

От города Ишхупри до самого Мемфиса, царской резиденции, расстояние пятнадцати дневных переходов, я вел день за днем, без отдыха, кровавейшие сражения с Тирхакой (Тахарка), царем Египта и Эфиопии, проклятым всеми великими богами. Пять раз я нанес ему неизлечимые раны наконечниками моих стрел. Я обложил Мемфис, царскую резиденцию, и захватил его через подкопы, брешь и со штурмовых лестниц; я разрушил его, сровнял с землей его стены, сжег его огнем. Его жену и женщин его дворца, его наследника Ушанахуру и других его детей, его имущество, его коней и скот в безмерном количестве я вывез как добычу в Ассирию. Всех эфиопов я выселил из Египта, не оставил даже одного, чтобы мог поклониться мне. Везде в Египте я назначил новых царей, правителей, чиновников, морских смотрителей, офицеров и писцов. Я ввел жертвоприношения Ашпуру и

другим великим богам, владыкам моим, на все времена. Я наложил на них дань мне как высшему владыке, чтобы платили ежегодно без нарушений.

Эта оккупация Египта продолжалась менее двадцати лет. Затем, столь же стремительно, как поднялась, Ассирия рухнула под ударом нового кризиса: с тыла на империю навалилось иранское племя мидов в союзе с возрождающейся мощью Вавилона. В 612 г. до н. э. Ниневия, столица Ассирии, была разрушена. Империя пала.

За кризисом в Ассирии последовало возрождение Вавилона под властью халдейской династии – короткий стремительный эпизод. В начале VI в. до н. э. великий Навуходоносор вновь вступает на западную дорогу, разрушает Иерусалим и достигает египетской границы. Всего несколько лет назад мы вынуждены были за информацией о его военных предприятиях обращаться к чужеземным источникам, к царским надписям, представлявшим его, в лучших традициях его народа, за мирными трудами. Теперь ситуация изменилась: хроника, опубликованная Уайзманом в 1956 г., демонстрирует нам, что вавилоняне вели тщательные записи и войн тоже. Оказалось, что разительный контраст с ассирийцами основан был больше на ограниченности доступных материалов, нежели на реальных фактах. Тем не менее необходимо признать, что разница в акцентах действительно существует. Более того, в Вавилоне военные экспедиции нередко сочетаются с мирными трудами; иногда создается впечатление, что цель похода не победа над врагами, а сбор материала для храмов:

По приказу моих владык Набу¹¹ и Мардука я организовал поход моих войск в Ливан. Я принес в эту страну счастье, отовсюду выгнал моих врагов. Я собрал рассеянных жителей и вернул их в дома их; я сделал то, что не удавалось ни одному царю: я пробился через крутые горы, я рассек скалы, я открыл проходы и построил дорогу для перевозки кедров. Для господина моего Мардука я заставил могучие кедры, высокие и сильные, драгоценной красоты и великолепного темного качества, богатую добычу Ливана, плыть как тростинки по Арахту¹² до самых земель Вавилонских. Я заставил обитателей Ливана жить в безопасности вместе и не позволил никому тревожить их.

Сильное давление на Вавилон оказывает Иранская держава. В 538 г. персы под предводительством Кира вторгаются на его земли. На этом и заканчивается история древних месопотамских империй.

Религиозная структура

Нигде, наверное, не проявилась так ярко взаимосвязь между шумерами и семитами, как в религиозных верованиях и обрядах. В вавилонском и ассирийском пантеонах мы вновь встречаем трех великих космических богов, которых видели у шумеров: это боги небес, воздуха и земли. Даже имена остаются прежними: Анну, Энлиль и Эа (Энки). Присутствует и звездная троика: Луна, Солнце и Венера – утренняя звезда. Но имена уже другие: Син, Шамаш и Иштар. Мы вправе спросить: ограничились ли изменения только лишь именами? Ответить на этот вопрос не так просто. Так, мы не можем исключить возможность того, что особый акцент на воинственности Иштар, в отличие от ее астрального облика, – результат влияния семитской части населения. Но ее статус богини плодородия остается неизменным, и ее по-прежнему связывают с юным богом Таммузом (адаптация шумерского имени Думузи), который ежегодно умирает и воскресает, символизируя собой увядание и возрождение растительности.

¹¹ Набу – бог письма и мудрости, о котором мы еще будем говорить.

¹² Арахт – название канала.

Национальные боги выглядят иначе, поскольку по природе своей не могут переноситься с такой легкостью от одного народа к другому. И в Вавилоне, и в Ассирии есть свои боги, им воздают великие почести. Вавилонская династия Хаммурапи превыше всех почитает национального бога по имени Мардук, вследствие чего он сохраняет свое место во главе небесной иерархии и рассматривается как бог, создавший и упорядочивший Вселенную. В Ассирии национальный бог зовется так же, как его народ и столица: Ашур. Он обладает той же воинственностью и теми же характерными чертами, что и его народ.

Более того, поскольку длительная религиозная жизнь по природе своей динамична, мы можем установить независимые верования иным путем; отличительные черты вавилонских и ассирийских религиозных верований следует искать не только в различии происхождения, но в этом динамическом качестве. Здесь появляются божественные существа, до той поры почти или совсем неизвестные, – к примеру, бог письма и мудрости Набу, исполняющий при высших богах роль слуги и секретаря. Некоторые боги относятся лишь к отдельным группам населения – таков, например,

Адад, бог аморитов. Иногда их заимствуют у соседних народов – Амурру, бог запада. Кроме того, в иерархической структуре пантеона, которая по мере централизации государства становится все более подробной и сложной, многое определяется конкретными обстоятельствами: так, восхождение Мардука, которому приписывали даже атрибуты, положенные другим богам, было связано с политическим взлетом вавилонской династии.

Помимо качественных различий, религиозные документальные материалы, оставленные нам Вавилоном и Ассирией, различаются – помимо всего прочего и в первую очередь – по количеству. Не следует забывать, что семитские тексты намного превосходят шумерские как по количеству, так и по возможности интерпретаций. Вследствие этого мы имеем гораздо более обширную и подробную картину религиозной жизни; категории, на которые во времена шумеров можно отыскать лишь туманные намеки, приобретают более четкие очертания и более внятные характеристики.

Одновременно с верой в богов бытует не менее искренняя вера в демонов. Это зловредные духи – как правило, души тех умерших, кто не был надлежащим образом погребен. У них частью человеческие, частью животные тела. Подобно призракам наших собственных легенд, чаще всего они появляются в темных пустынных местах. Хуже того, они обладают властью делаться невидимыми и облекаться в самые разные формы. Поэтому избежать встречи с ними невозможно. Вот как сказано об этом в одном тексте:

Двери и засовы их не останавливают;
Высокие стены и толстые стены они проходят, как волны;
Они прыгают из дома в дом...
Под дверями они проползают подобно змеям.

Характерной чертой месопотамского религиозного мировоззрения (и не только его, следует заметить) является то, что все беды и несчастья, выпадающие на долю человечества, приписываются действиям демонов. Вот, к примеру, описание демона, называемого Ашакку, носителя одной из болезней, которых больше всего боялись люди Междуречья, – а именно головной боли:

Злобный Ашакку появляется подобно урагану,
Облаченный в сияние, он наполняет собой широкую землю,
Обернутый в жуткий шум, он распространяет ужас,
Он бродит по путям, он заваливает дороги;
Он стоит рядом с человеком, и никто его не видит,
Он сидит рядом с человеком и остается незамеченным;
Когда он входит в дом, никто не знает его замыслов,

Он выходит из дома по-прежнему незамеченным.

В свою очередь, демоническое вмешательство рассматривается как наказание человеку за грехи его. Подобные идеи встречаются и в более поздние исторические периоды; но для религии Древней Месопотамии характерно представление о том, что даже добрые дела не обязательно уберегут человека от демонов: всегда существует вероятность, что демон завладеет телом человека в результате заклятия – или просто по ошибке.

Так что демонов необходимо изгонять. Эта задача поручена целому жреческому сословию, которое в своей деятельности прибегает к самым разным методам. Вот пример заклинания против демонов:

Ты не должен приближаться к моему телу,
Ты не должен идти впереди меня,
Ты не должен следовать за мной,
Где я останавливаюсь, ты не должен останавливаться,
Где я нахожусь, ты не должен сидеть,
В мой дом ты не должен входить,
Мой кров ты не должен тревожить,
Ты не должен ставить свою ногу в отпечаток моей ноги,
Куда я иду, ты не должен идти,
Куда я вхожу, ты не должен входить.

Эту формулу дополняет тщательно разработанный ритуал; религия здесь идет рука об руку с магией, привлекается и медицина. Одна из надписей предписывает от головной боли следующее средство:

Когда солнце возвращается в свою обитель, накрой голову свою одеждой и накрой также дикий огурец, который сам по себе вырос в пустыне. Затем окружи его кругом из муки. На следующее утро перед рассветом сорви его и возьми его корень. Затем возьми руно яловой козы и повяжи его на голову больному, повяжи его на шею больному, чтобы боль головная, угнездившаяся в его теле, вышла из него и не могла вернуться, как солома, разметанная ветром. Да изгонят из тебя демона небеса! Да изгонит из тебя демона земля!

Один из самых значительных вавилонско-ассирийских ритуалов – замена больного человека каким-нибудь животным. Чтобы обмануть демонов, это животное кладут сначала сверху на пациента; демоны переходят в это животное, и человек избавляется от них. Указания к этому ритуалу выглядят так:

Возьми молочного поросенка и положи его вровень с головой больного. Вырви его сердце и положи его сверху на сердце больного. Обрызгай постель по бокам его кровью. Разруби поросенка на части и положи части его на члены больного. Затем очисти человека чистой водой... Предложи вместо него молочного поросенка. Пусть плоть его будет как плоть больного, кровь как кровь больного!

Тексты, имеющие отношение к магии, поражают своим количеством. То же можно сказать о текстах, посвященных гаданию, что представляет еще одну сторону религиозной жизни. Гаданием и предсказаниями занимался отдельный класс жрецов.

Самый распространенный метод гадания основывался на внимательном изучении печени животных. Найдено огромное количество глиняных моделей печени, на каждой из которых тщательно отмечены различные части и подписано значение каждой из них. Но знамения тогда видели практически во всем. Вот, к примеру, некоторые приметы, связанные с собаками:

Если собака встанет на пути человека: ему вскоре встретится препятствие.
Если собака встанет сбоку от человека: покровительство богов пребудет с ним.

Если собака ляжет на постель человека: на него обрушится гнев богов.
Если собака ляжет на его стуле: его жену вслед за ним ожидают бедствия...
Если белая собака войдет в храм: основание этого храма будет прочным.
Если черная собака войдет в храм: основание этого храма не будет прочным.
Если коричневая собака войдет в храм: храм этот ожидает процветание.
Если желтая собака войдет в храм: храм этот ожидает процветание.
Если пестрая собака войдет в храм: храм этот ожидает милость богов.

Муравьи тоже имеют значение. К примеру, если у ворот города появляются муравьи, то их количество и направление движения указывают на судьбу этого города. Даже по собственным страданиям больной может сделать вывод о том, что ждет его в будущем.

Если у него болит нерв слева на губе: у него будет хороший сын.
Если болит нерв на левой ступне: он разбогатеет.

И так далее: нарыв на лбу указывает на опасность; нарыв на нижней губе справа – бедность; слева – богатство. Подобные вещи перечисляются в сотнях текстов, что указывает на жгучий интерес народа к этой стороне религиозной жизни.

Пророчества внесли немалый вклад в успех науки, которая сделала остальной мир должником Вавилона, а именно астрономии. Положение звезд в момент рождения ребенка, их движение и совпадения, даже точный оттенок их свечения рассматривались как указания на будущее ребенка – и потому усердно изучались. На верхушках храмовых башен устраивались обсерватории, и астрономы тщательно фиксировали движение звезд; они умели даже предсказывать затмения. Вместе с астрономией и в связи с ней развивалась математика – ведь без нее невозможны точные измерения и вычисления. Вавилоняне умели пользоваться всеми четырьмя правилами арифметики, умели возводить в степень, извлекать корни и решать уравнения; в геометрии они умели измерять площади и объемы. Но вся эта научная деятельность имела очень ограниченные масштабы, поскольку подчинялась требованиям религии и прорицания будущего. Поэтому астрономия и астрология совершенно не различались между собой.

Если луна закрывает Юпитер: в течение следующего года умрет царь или случится затмение Луны и Солнца...

Если кажется, что Юпитер входит в центр луны: цены в стране будут низкими.

Если Юпитер выходит из-за луны: страну ожидают волнения...

Если Марс виден в месяце Таммуза: постели воинов будут пустовать.

Если Меркурий лежит к северу: будут трупы; царь Аккада вторгнется в чужую страну.

Если Марс приближается к Близнецам: царь умрет, и будет вражда.

Была у вавилонян и пророческая литература, связанная с гаданием и предсказаниями. Прежде чем выступать в военный поход, царь обязательно консультировался с оракулом и корректировал свое поведение в зависимости от полученного предсказания. К примеру, ассирийский царь Асархаддон получил одобрение своим планам в следующем послании:

Асархаддон, царь многих стран, не бойся!.. Я великая госпожа, я Иштар из Арбелы, уничтожившая всех твоих врагов перед тобой. Какие из слов, сказанных мною тебе, не исполнились? Я Иштар из Арбелы, я буду ждать твоих врагов в засаде и передам их в твои руки. Я, Иштар из Арбелы, буду идти впереди тебя и

позади тебя. Не бойся!..

Асархаддон, не бойся! Я, бог Бел, говорю с тобой. Балки твоего сердца я укрепляю, подобно твоей матери, которая дала тебе жизнь. Шестьдесят великих богов стоят рядом со мной и защищают тебя. Бог Син – стоит от тебя по правую руку, бог Шамаш – по левую. Шестьдесят великих богов выстроились вокруг тебя, готовые к битве.

Вавилонская и ассирийская ритуальная практика чрезвычайно разнообразна и очень полно документирована. Подробнейшие многословные описания безошибочно указывают на тенденцию к формализму и одновременно на доминирующую роль, которую играют религиозные обряды в повседневной жизни. Как мы уже видели, жречество разделено на несколько отдельных категорий, продолжающих и развивающих те, что существовали уже у шумеров. Религиозный календарь повторяет шумерские священные сезоны, тоже с некоторым развитием и дополнениями. День Нового года – по-прежнему центральная точка религиозного года, и празднование Нового года в Вавилоне, подробное описание которого у нас имеется, подчеркивает природу празднования. Двенадцать дней подряд в святилищах идут ритуальные очистительные обряды, жертвоприношения и молитвы; главное событие праздника – клятва царя богам, великолепная процессия с множеством статуй и гадание о судьбе страны на следующий год; судьбу эту боги решают именно в этот период. Основой жизни по-прежнему является древняя шумерская концепция порядка; предугадывание событий заранее – обязательное условие того, что жизнь и дальше будет идти своим чередом. Но вавилонский Новый год несет в себе и другой, более древний смысл: празднование воскрешения Мардука – выражение первобытного культа, связанного с жизненным циклом земли. Так, одновременно с постоянным добавлением новых религиозных элементов сохраняются и обретают новую жизнь и древние черты.

Описание великолепных вавилонских праздников может создать у нас совершенно неверное представление о религии, высшим выражением которой они являются. По этим описаниям можно представить себе народ, спокойно и радостно возделывающий свою плодородную землю и почитающий своих богов-покровителей. Но мы не должны забывать о громадном количестве магических и пророческих текстов, о непрерывных и таких ненадежных попытках предвидеть судьбу, внушающую суеверный страх, и повлиять на нее, избежать всевозможных бед, которые угрожают всякому существованию. Мы должны помнить о мрачной перспективе жалкой жизни за гробом, когда душа будет вынуждена скитаться устало в поисках памяти о себе. Для вавилонян, как и для шумеров, вера в загробную жизнь никак не связана с воздаянием за добро и зло, совершенные в этой жизни. Обитель мертвых расположена под землей и окутана мраком. Тамошние обитатели влачат жалкое существование, едят пыль и пьют грязную воду. Только приношения живых могут иногда облегчить их существование; а когда живые забывают о мертвых или – еще хуже – если их тела остаются непохороненными, то мертвые беспокойно бродят вокруг и возвращаются в виде демонов, чтобы досаждают живым.

Так что религиозная жизнь вавилонян в основе своей чрезвычайно мрачна. Нет никакой гарантии, что человек сможет избежать нападения зла; нет никакой надежды на то, что когда-нибудь зло будет окончательно побеждено, а добро восторжествует; нет веры в то, что добрые дела будут вознаграждены в другой жизни. Это настоящая трагедия для цивилизации, которая при всем том была очень крупной и мощной. Мы увидим, как трагедия эта отражалась в темах обширной и успешной литературы, которая раз за разом задается вопросом и не видит на него ответа: какой смысл имеет сегодняшний день и какова природа грядущего?

Литературные жанры

Вавилонская и ассирийская литература охватывает широкий и насыщенный спектр вопросов, включая фундаментальные проблемы человечества и их решение в рамках

преобладающей религии. По крайней мере, это можно сказать наверняка. В отношении сюжетной оригинальности, обсуждения и решения проблем мы вновь сталкиваемся с вечным вопросом месопотамской цивилизации – учитывая тот дополнительный фактор, что зависимость вавилонской и ассирийской культуры от шумерской можно лучше всего оценить и проверить именно на примере литературы. Нас не должна удивлять уже знакомая анонимность авторов, то же старательное подражание древним образцам и, вследствие этого, уменьшение исторической перспективы – короче говоря, то же коллективное и практичное искусство, отражающее религию и светскую власть.

Так что нам достаточно будет рассмотреть знакомое уже культурное пространство и, распределив новый материал по прежним категориям, отметить, где возможно, вклад, сделанный семитскими пришельцами.

В жанре мифологической поэзии мы видим одну поэму непреходящего значения – ведь рассказывается в ней о сотворении мира. Называется она по первым словам *Энума элиш* («Когда наверху»). Сюжет поэмы, вероятно, базируется на шумерских источниках, но единство ей придает восхваление Мардука, бога 1-й вавилонской династии; оригинальная версия поэмы, вероятно, восходит к периоду этой династии – началу 2-го тысячелетия до н. э. Текст, очень длинный и хорошо сохранившийся, рассказывает о конфликте между первобытным хаосом, олицетворением которого выступает богиня Тиамат, и космическим порядком, который воплощает в себе бог Мардук. Борьба между ними описана в одном из самых убедительных и значимых эпических описаний, дошедших до нас.

Он лук избрал оружием в битве,
Изготовил стрелы, тетиву приладил.
Булаву схватил он своею десницей,
Лук и колчан на боку повесил.
Выпустил молнию перед собою,
Сверкающим пламенем наполнил тело.
Он сделал сеть: уловить изнутри Тиамат,
Он четыре ветра поставил, ничто из нее чтоб не вышло...
Взревела, вверх взвиваясь, Тиамат,
От подножья до верха сотряслась ее туша:
Чары швыряет, заклинанья бормочет.
А боги к сраженью оружие точат.
Друг на друга пошли Тиамат и Мардук, из богов он
мудрейший,
Ринулись в битву, сошлись в сражение.
Сеть Владыка раскинул, сетью ее опутал.
Злой Вихрь, что был позади, он пустил пред собою,
Пасть Тиамат раскрыла – поглотить его хочет,
Он вогнал в нее Вихрь – сомкнуть губы она не может.
Ей буйные ветры заполнили чрево,
Ее тело раздулось, ее пасть раскрылась.
Он пустил стрелу и рассек ей чрево,
Он нутро ей взрезал, завладел ее сердцем.
Ее он осилил, ей жизнь оборвал он.

Бог-победитель делит тело мертвой богини надвое: из одной половины он делает небо, из второй землю. Это выражение и хороший пример ментальности Древнего Востока: слияние божественной персоны и космической стихии, причем и то и другое питает одна и та же жизнь, – ведь Тиамат одновременно и богиня, и часть Вселенной.

С устройства неба и земли Мардук начал свой акт творения; следует отметить, что это

творение в шумерском и аккадском смысле этого слова. Это не производство совершенно новой материи, но упорядочение мира и преобразование его из хаоса в космос. Вообще, эта концепция пронизывает всю остальную часть поэмы, где после сотворения неба и земли следует описание происхождения звезд:

Он устроил стоянки богам великим.
Звезды-планеты, подобья богов, он сделал.
Он год разделил – начертил рисунок:
Двенадцать месяцев звездных расставил он по три.
Когда ж начертил он на небе рисунок дней года,
Закрепил он стоянку Неберу, дабы центр указать всем
звездам.
Никто бы не погрешил, не стал бы небрежен!
По сторонам Неберу он сделал стоянки Энлилю и Эйе.
С обеих небесных сторон открыл он ворота.
Он затворы поставил справа и слева.

Итак, акт творения заключается в придании формы и упорядочении. От звезд повествование переходит к растениям и животным (по крайней мере, так считается, поскольку эта часть текста повреждена) и, наконец, к человеку. Предназначение человека, сама причина его создания, формулируется очень четко. Это важная причина: человек призван служить богам. Поэма заканчивается триумфом всепобеждающего Мардука, которого остальные боги возносят на вершину небесной иерархии. Таким образом, попутно вавилонская династия получила восхваление собственного бога в традиционном сюжете. Но можно сказать и еще кое-что: конфликт между хаосом и космосом – всего лишь иное прочтение годичного цикла Вселенной, благодаря которому природа, побежденная зимними бурями, оживает и расцветает вновь. Так древний восточный миф находит новое выражение, оживает и начинает восприниматься как реальность. Декламируя эту поэму каждый Новый год, вавилоняне выражали свою веру в обновление Природы; жизнь придет на смену смерти, а порядок, приравняемый к существованию, сменит хаос, синонимичный несуществованию.

Следуя от одного полюса божественной мифологии к другому, от легенд, связанных с началом вещей, к тем, в которых говорится о загробном существовании, мы обнаруживаем в аккадской форме уже знакомую поэму о нисхождении Инанны (теперь Иштар) в нижний мир. Нет смысла долго говорить о ней, достаточно упомянуть, что это пример характерной переработки древних сюжетов, которую мы уже обсуждали. Вместо этого мы рассмотрим еще один миф о нижнем мире, до тех пор известный только в семитском варианте, хотя шумерский прототип его, возможно, еще появится. Мы имеем в виду миф о Нергале и Эрешки-галь. Последнее божество мы уже встречали в шумерской мифологии в роли богини нижнего мира. В поэме говорится, что Эрешкигаль, которой дела не позволяют появиться на пире богов, должна прислать туда вместо себя своего слугу. Она так и делает, причем поручает ему увлечь с собой в нижний мир всякого бога, который не поднимется в почтении ему навстречу. Бог Нергал отказывается приветствовать его стоя – и попадает в нижний мир; но, оказавшись там, он набрасывается на стражников и побеждает их, а затем набрасывается и на саму богиню:

В ее жилище он схватил Эрешкигаль
За волосы и стащил ее с трона
На землю, чтоб отрубить главу ей.
«Не убивай меня, брат мой! Дай мне вымолвить
слово!» Как услышал Нергал, опустил свои руки.
Она плачет, рыдает.

«Ты – супруг мой! Я – твоя супруга!
Да возьмешь ты
Царство всей Земли Обширной! Я вложу таблицы
Судеб в твои руки! Господин – ты!
Я – госпожа!» Как услышал Нергал эти речи ее,
Схватил, расцеловал, утер ее слезы.
«Все, что ни пожелаешь, с месяцев тех прошедших
И доныне – так!»

Судя по всему, этот миф призван оправдать воцарение Нергала в нижнем мире. Ничего не может быть естественнее: описанная здесь процедура обычна для всего Древнего мира.

Среди поэм, посвященных героям, мы вновь обнаруживаем в центре событий Гильгамеша – только теперь он обряжен в семитские одежды. Кроме того, здесь есть четкая связь между различными эпизодами и последовательность, чего откровенно не хватает в шумерских источниках. И конечно, здесь имеются эпизоды, которые – по крайней мере, в настоящий момент – представляются новыми в этой истории.

Гильгамеш, герой, все видевший и знающий тайну мудрости, шествует от подвига к подвигу. Сама богиня Иштар проникается восхищением и предлагает ему стать ее возлюбленным. Следующий диалог воплощает в себе литературную тему, которую можно найти и в других восточных мифологиях. Человеку предлагают поднять его до уровня богов, а он отказывается, потому что знает: это невозможно, а попытка может привести лишь к несчастьям:

Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!
Ты лишь будешь мне мужем, я буду женою!
Приготовлю для тебя золотую колесницу,
С золотыми колесами, с янтарными рогами,
А впрягут в нее бури – могучих мулов.
Войди в наш дом в благоухании кедра!
Как входить ты в дом наш станешь,
И порог и престол да целуют твои ноги,
Да преклонят колени государи, цари и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов и равнины...

Богиня подробно описывает счастливые перспективы, которые откроются перед героем. Но он хорошо знает, что у этой картины есть и другая сторона: Иштар ветрена и скоро оставит его. Поэтому он отвечает:

Зачем ты хочешь, чтоб я взял тебя в жены?
Я дам тебе платье, еля для тела,
Я дам тебе мяса в пропитанье и в пищу,
Накормлю я тебя хлебом, достойным богини,
Вином напою, достойным царицы,
Твое жилище пышно украшу,
Твои амбары зерном засыплю,
Твои кумиры одену в одежды, —
Но в жены себе тебя не возьму я!
Ты – жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, обвалившийся на голову герою...

Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!..
И льва ты любила, совершенного силой, —
Семь и семь ему ты вырыла ловушек.
И коня ты любила, славного в битве, —
Кнут, узду и плеть ты ему судила,
Семь поприщ скакать ты ему судила...
И еще ты любила пастуха-козопаса,
Что тебе постоянно носил зольные хлебцы,
Каждый день сосунков тебе резал;
Ты его ударила, превратила в волка, —
Гоняют его свои же подпаски,
И собаки его за ляжки кусают...
И со мной, полюбив, ты так же поступишь!

Трагедия героя в том, что он не может избежать смерти. Во всех подвигах это знание преследует и мучит его. Мы уже видели, что именно эта тема доминирует в шумерском тексте поэмы; теперь мы видим то же и в семитском тексте. Чувства героя выражены поразительными образными стихами:

Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку, —
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омойся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!

И еще:

Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Пленный и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?¹³

¹³ Отрывки из поэмы о Гильгамеше приводятся в переводе И.М. Дьяконова.

Возвышенный тон этого описания человеческих несчастий придает поэме о Гильгамеше жизненность, которую мы могли бы счесть почти современной, и ставит ее в первый ряд богатой и обширной вавилоно-ассирийской литературы.

Кроме мифов о богах и героях в этой литературе присутствует и богатая лирическая поэзия, где полностью доминируют религиозные темы. Как и у шумеров, преобладают здесь гимны с восхвалением богов и правителей. Так, в гимне солнечному богу Шамашу говорится:

Шамаш, суд небес и земли,
господин преисподних и горних,
светоч богов,
водитель людей,
разгоняющий сумрак,
зажигающий свет,
разрушитель оков,
воскреситель людей.

.....
Царь, которого сердце
совершенно и чисто,
кедр, по собственной воле
произросший в горах,
отрасль доброго корня,
основание царства,
государь государей,
самодержец страны¹⁴.

В дополнение к гимнам есть еще покаянные псалмы и просто молитвы; они не составляют отдельного литературного жанра, но являются выражением единой в своей основе религиозной жизни. Мы можем процитировать прекрасную вечернюю молитву. Идет некая церемония, жертвоприношение. В храме царит молчание. Великие боги дня спят. К звездам, сияющим в небесах, возносится песнопение:

Они ложатся, ложатся великие;
Молнии упали, скрепы укреплены;
Шумные толпы утихли,
Распахнутые врата закрыты.
Боги и богини нашей земли,
Шамаш, Син, Адад и Иштар,
Удалились почивать на небо.
Они не вершат суда,
Не разрешают споров.
Ночь укутана тьмой.
Дворец и поля темны и тихи...
Великие боги, боги ночи...
Встают...
Да откроется мне в гадании,
В ягненке, которого приношу в жертву,
Мне истина.

¹⁴ Перевод В.К. Шилейко.

Назидательная и учебная литература воспроизводит те же формы, какие мы уже видели у шумеров. Некоторые поговорки очень точны.

«Мой резервуар не пересох, так что я не очень хочу пить» – имеется в виду, что мы не ценим блага, пока не лишимся их.

«Сеть ослабла, да путы прочны». Похоже, эта пословица перекликается с нашей «Из огня да в полымя».

«Если бы я сам не пошел, то кто бы пошел со мной?» Сравните с вариантом: «Если хочешь, чтобы сделано было как надо, делай сам».

«Освятил дом, не построив». Мы, наверное, сказали бы: «Делит шкуру неубитого медведя».

«Ты идешь захватывать поле врага, враг приходит и захватывает твое» – размышления о бессмысленности войны.

В мудрых советах также нет недостатка:

Как человек мудрый, не выпячивай свои знания,
Пусть уста твои будут сдержанны, а речь осторожна.
Подобно богатству человеческому, пусть будут губы твои
драгоценны.
Пусть вражда и хула будут тебе отвратительны,
Не говори дерзко, не давай неверных советов...
Противнику своему зла не делай,
Плати за зло добром,
Поступай с врагом своим справедливо...
Ежедневно обращай к своему богу,
С жертвой, с молитвой, с возжиганием благовоний...
Почтительность приносит благополучие,
Жертвоприношение продлевает жизнь,
Молитва искупает грех.

Теперь мы обратимся к басням – диалогам между животными, возрождающим древний шумерский жанр. Здесь тоже, как и в шумерских баснях, дошедшие до нас материалы немногочисленны и отрывочны – но не настолько, чтобы нам нечего было процитировать в качестве примера. Вот очаровательная история о быке и лошади. Начинается она бодрящей картиной весны:

Пустоши в цвету, поля зеленеют,
Взгорья водой напитались, каналы водою полны;
По склонам и по ущельям несутся с гор потоки
Те, что каналы питают, орошая поля.
Почва необработанная становится диким лесом,
Травы встают высоко в лесах и в лугах,
Щедрая утроба земли раскрыта, приносит
Она достаток в дом человека и дает корм для скота.
Бык и конь завязали дружбу,
Богатое пастбище обоих насытило,
Легли отдохнуть со спокойным сердцем.
Бык открыл рот и сказал лошади, великолепной в сраженье:
«Кажется, я родился под счастливой звездой:
Круглый год я способен добывать пищу;
Фуража у меня полно, и весенней воды в избытке...
Откажись от привычной жизни, и бежим скорее со мной!»

Но лошади не нравится спокойная жизнь:

Прочную бронзу, защиту для тела,
На меня возложили, подобно одеянию.
Без меня, без горячего скакуна,
Ни царь, ни принц, ни господин благородный в путь
не отправится...
Конь подобен богу, ступает величаво,
А ты и коровы твои отмечены печатью рабства.

Диалог продолжается в том же ключе, аргумент следует за аргументом, но мы можем проследить нить разговора лишь в очень малой степени, поскольку текст поврежден. Мы не знаем, чем завершилось дело, кто – конь или бык – вышел победителем в споре. Важно, что эта поэма представляет собой басню и снабжена моралью; в ней мирная жизнь противопоставляется воинственной, скромное спокойствие труженика – опасной славе воина. Позже эту литературную форму представлял грек Эзоп, и мы имеем полное право предположить, что вдохновение свое он черпал на Востоке, хотя из-за немногочисленности и фрагментарности наших материалов разрешить этот вопрос в настоящее время невозможно.

Среди поучительной литературы мы вновь встречаемся с темой страданий праведника, которую мы уже отмечали в шумерской литературе. Теперь она тоже нарядилась в аккадские одежды. Вот жалоба месопотамского Иова:

Только жить я начал – прошло мое время!
Куда ни гляну – злое да злое!
Растут невзгоды, а истины нету!..
А ведь я постоянно возносил молитвы!
Мне молитва – закон, мне жертва – обычай,
День почтения бога – мне радость сердца,
День шествий богини – и благо, и польза.
Славить царя – мое блаженство,
Песнопенья святые – мое наслаждение!

В поэме сформулирована проблема и далее предпринимается попытка найти решение. Почему праведный страдает? Для начала необходимо ответить на принципиальный вопрос: как различить добро и зло? Человек – хрупкое и непостоянное создание:

Но что мило тебе, угодно ли богу?
Не любезно ли богу, что тебя отвращает?
Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познает ли смертный?
Кто был жив вчера, умирает сегодня.
Кто вчера дрожал, сегодня весел.
Одно мгновенье он поет и ликует,
Оно прошло – он горько рыдает!
Как день и ночь, их меняются лики:
Когда голодны, лежат, как трупы,
Наелись – равняют себя с богами!
В счастья мнят себя на небе,

Здесь мы видим новый по отношению к шумерскому подход к рассмотрению этого вопроса (по крайней мере, такой вывод можно сделать на основании доступных сего дня данных). Вывод, однако, остается прежним: боги вытащат добродетельного страдальца из глубин его несчастий, он вернется из могилы к жизни и будет свободен от разрушения.

Но даже эта последняя надежда непостоянна. В великолепном диалоге о несчастьях человеческого существования хозяин и его раб обсуждают аргументы за и против жизни. Хозяин делает некое заявление, и раб хвалит его положительные стороны; затем хозяин отвергает ту же идею, а раб критикует ее за отрицательные моменты. Вывод: на этом свете невозможно никакое твердое суждение.

- Послушай, раб!
- Да, мой господин, да!
- Я полюблю женщину.
- Да, люби, мой господин, люби. Человек, любящий женщину, забывает боль и страдания.
- Нет, раб, я не буду любить женщину.
- Нет, не люби, мой господин, не люби: женщина – это колодец, женщина – железный кинжал, и преострый, что может перерезать мужчине горло.
- Послушай, раб!
- Да, мой господин, да!
- Я сделаю что-нибудь на благо страны.
- Да, сделай, мой господин, сделай. Если человек делает что-то на благо страны, деяние его ложится в чашу Мардука.
- Нет, раб, я не буду ничего делать на благо страны.
- Нет, не делай, мой господин, не делай: взберись на холмы древних руин и поброди там; взгляни на черепа людей, умерших давным-давно или совсем недавно: кто из них был злодеем, а кто благодетелем?

Так диалог продолжается, наглядно демонстрируя бессмысленность всякой человеческой деятельности, – и наконец драматическое заключение:

Что же тогда есть добро? Сломать шею тебе и мне и выбросить нас обоих в реку – вот и будет добро!

Но нет, даже это заявление не бесспорно. Господин снова передумывает: сначала он убьет раба, пошлет его вперед. В этот момент раб оборачивает урок всего вышеизложенного в свою пользу. Он умрет первым? Хорошо, прекрасно! Но если жизнь бессмысленна, если все в ней суета, зачем вообще ждать?

«Значит, мой господин захочет прожить еще целых три дня после меня?»

Это произведение отражает упадочное состояние общества. Много уже создано, многое построено, а теперь его удел – сомнения, разочарование, кризис.

Помимо поэтических произведений, до нас дошло и множество прозаических текстов. В первую очередь это исторические хроники – анналы, которые мы уже упоминали. Кроме того, это записи, отчеты и памятные стелы; тексты лингвистического характера, от перечня знаков языка до словарей; научные труды, преимущественно по математике и астрономии. Самая многочисленная группа документов состоит из писем, экономических текстов и

¹⁵ Отрывки из поэмы о месопотамском Иове приводятся в переводе В.К. Афанасьевой.

юридических документов, которые позволяют воочию увидеть характер и структуру вавилонского и ассирийского общества.

Мы не можем разобрать здесь все эти материалы, но и совершенно обойти их вниманием тоже нельзя. В первую очередь, рассмотрения, хотя бы краткого, заслуживают юридические документы, которые иллюстрируют одну из самых типичных черт месопотамского менталитета, пронизывающую к тому же все без исключения стороны жизни. В этом Месопотамия полностью противоположна Египту: в Египте вообще не было кодекса законов, а в Месопотамии закон – это все, и в общественной, и в частной жизни. Притом это религиозный закон, ибо невыполнение обрядов стоит в перечне преступлений на одном уровне с кражей или убийством, – ведь мысли и действия месопотамцев неразрывно переплетены с религией.

В качестве примера можно привести кодекс царя Хаммурапи. Как нам теперь известно, этот кодекс не является ни единственным, ни даже древнейшим в Месопотамии, и мы уже не можем считать его полностью оригинальным; но он по-прежнему остается самым полным и органичным собранием законов из всех, какие имеются в нашем распоряжении, и потому наиболее полно отражает свою эпоху и мир.

По своей литературной форме этот кодекс продолжает традицию шумерских времен: пролог, сами законы, эпилог.

Сами законы представляют собой сборник отдельных случаев, что тоже характерно для шумеров. Здесь нет общих принципов, а только конкретные ситуации и соответствующие им решения. Но в содержании законов заметны значительные отличия от шумерских вариантов. Из законов, посвященных конкретным людям, можно понять, что общество было разделено на три класса, которые в современных терминах можно обозначить приблизительно так: аристократы, плебеи и рабы. Аристократы и рабы соответствуют тем двум классам, которые мы видели у шумеров, но плебеи – новая концепция; их отличительная черта не зависимость от дворца, как это было в случае «частично свободных» шумеров, а иной юридический статус:

Если аристократ выбьет другому аристократу глаз, он будет лишен глаза.
Если он сломает другому кость, его кость тоже будет сломана. Если он выбьет глаз или сломает кость плебею, он заплатит одну мину серебра.

Из законов, где речь идет о семье, ясно, что главой семьи является отец. Браку предшествует обручение и подарок жениха невесте, так называемая «цена невесты», чему в шумерском законодательстве нет никаких свидетельств. Еще одно нововведение – или, по крайней мере, черта, которую мы пока не в состоянии проследить до шумерских времен, – это письменный брачный договор:

Если аристократ взял себе жену, но не заключил с ней договор, эта женщина ему не жена.

Дозволяется многоженство, тогда как шумерский брак был моногамным. Развод допустим, если причина достаточно серьезна. К примеру:

Если аристократ был взят в плен, а в его доме нет пропитания и его жена вступит в дом другого, то эта женщина не имеет вины.

Законы наследования основаны на понятии о законных детях. Имущество делится между сыновьями, а дочери участвуют в наследовании только при отсутствии сыновей; однако они имеют право на пользование этим имуществом и на приданое. Завещаний нет, но вместо них часто используются договоры об усыновлении.

Право собственности очень развито и четко организовано, как и следует ожидать в развитом оседлом обществе. Составляются договоры о купле и продаже, найме и сдаче

вняем, о торговом партнерстве, денежных займах под процент и т. д.

В уголовном законодательстве – там, где речь идет о патрициях, – доминирует принцип равного воздаяния. Мы уже видели пример такого закона: око за око. Кроме того, мы уже отмечали, что последние исследования указывают на семитское происхождение этого принципа; во всяком случае, в более древних шумерских кодексах он неизвестен (там, как правило, речь идет о материальном возмещении ущерба). Интересная особенность кодекса Хаммурапи – наказание, которое полагается медикам за вред, нанесенный их действиями:

Если лекарь оперировал аристократа бронзовым ножом и убил его... ему должны отрубить кисть руки.

Наказание архитектору за небрежность больше соответствует нашим современным представлениям о законе:

«Если строитель построил человеку дом и работу свою не укрепил и стена обрушилась, то этот строитель должен укрепить стену из собственных средств».

Судебное разбирательство проводится в присутствии судей, к которым тяжущиеся обращаются, если не могут разрешить свой спор самостоятельно. Таким образом, закон имеет субъективный, а не объективный характер: если нет истца, нет и суда. Во время слушаний рассматриваются как документальные, так и устные свидетельства. При отсутствии доказательств прибегают к испытанию рекой, известному еще шумерам: обвиняемый погружается в воду; если он остается жив, то признается невиновным; если тонет, виновным.

Если человек (аристократ. – *Пер.*) бросил на человека обвинение в колдовстве и не доказал этого, то тот, на которого было брошено обвинение в колдовстве, должен пойти к Божеству Реки и в Реку погрузиться; если Река схватит его, его обвинитель сможет забрать его дом. Если же Река очистит этого человека и он останется невредим, тогда тот, кто бросил на него обвинение в колдовстве, должен быть убит, а тот, кто погружался в Реку, может забрать дом его обвинителя.

Кодекс Хаммурапи – всего лишь ступенька в месопотамской юридической традиции, но ступенька очень значительная. В Вавилоне во времена великих царей, под эгидой процветающего и могущественного государства получили небывалое прежде развитие литература, искусство, экономическая и социальная организация. Как никогда прежде, в гармоническом единстве слились шумерское наследие и семитский вклад. Именно поэтому время Хаммурапи считается кульминацией вавилонско-ассирийской цивилизации; а великий царь, воин и дипломат, строитель храмов и каналов, как никто другой олицетворяет эту цивилизацию.

Художественные типы

На прочном шумерском основании вавилоняне и ассирийцы дали жизнь новому искусству, верно сохранившему взгляды и общие черты прежней традиции. Но более длительный период развития и более обширное географическое распространение позволили появиться новым независимым элементам – особенно в практической реализации различных художественных форм. Эти элементы, по крайней мере до некоторой степени, уже можно расставить в порядке исторического развития. Вообще, это относится преимущественно не к крупным формам (что мы уже отмечали в отношении шумеров), а к малым, что однозначно указывает на постепенные изменения в представлениях об искусстве. Более того, мы можем установить хронологию смены типов, то есть указать, когда именно возникли и получили

распространение те или иные конкретные художественные типы.

География также вмешивается в художественную жизнь. Искусство Вавилона и Ассирии, двух составных частей месопотамского блока, достаточно четко различается по характеристикам. Ассирийская культура моложе, и ее отношения с вавилонской культурой можно определить примерно так же, как отношения между вавилонской и шумерской культурами: более грубая неразвитая культура берет в качестве образца более развитую культуру, ассимилирует и осваивает ее элементы, а затем воспроизводит и развивает их в рамках собственных природных и исторических условий. Здесь снова вполне допустимо сравнение с Грецией и Римом.

Так, для самого раннего ассирийского периода характерно достаточно неразборчивое подражание вавилонским образцам. Позже, с началом имперской фазы, в игру постепенно вступают местные особенности. Некоторые из них носят материальный характер – так, наличие запасов камня позволяет использовать колонны как функциональный элемент архитектурных сооружений. Есть тематические особенности, к примеру преобладание воинственных сцен. Есть и концептуальные – такие, как еще более серьезное отдаление человека от божества, результатом которого становится полное отсутствие изображений божеств или замена их символами. История ассирийского искусства еще не написана, но предварительные наблюдения и те, что еще будут сделаны в нашем исследовании, указывают на то, что такая история с элементами независимого культурного стиля, безусловно, может быть написана.

В области архитектуры, как и прежде, продолжается строительство храмов и храмовых башен; последние даже становятся еще ярче и выше. Но с тематической точки зрения наибольшее развитие получил иной тип здания – царский дворец; везде, где такой дворец имеется, он становится определяющей и господствующей чертой большого города. Шумерская схема устройства здания получает дальнейшее развитие; внутренние дворы дворца множатся, а в окружающих комнатах размещаются не только монарх и его двор, но и множество чиновников, писцов, слуг и жрецов.

Самая значительная из всех – последняя категория, в первую очередь потому, что некоторые дворцовые помещения, несомненно, использовались как святилища. Так отразилось в архитектуре постепенное смещение центра, к которому тяготеет общество: первоначально это был храм и его священный квартал; теперь это дворец, органичной частью которого стали святилища.

У всех великих царей Ассирии в столицах были такие дворцы, и нам не нужно обращаться в своих поисках к более поздним временам. Уже в начале 2-го тысячелетия до н. э. в Мари во дворце насчитывалось более двухсот шестидесяти комнат и внутренних дворов, занимавших все вместе площадь более шести акров (рис. 2). Город Мари возник в самом начале развития в Месопотамии семитской цивилизации: возможно, дальнейшие раскопки в этой области обнаружат и шумерские образцы той же степени развития, которую мы только что отметили у семитов.

Одна из характерных черт ассирийской архитектуры, хотя и получившая очень ограниченное распространение, – это использование колонн, о чем мы уже упоминали. В Северной Месопотамии камень был гораздо более доступным материалом, чем в Южной, и использовался, естественно, чаще. Обычно колонны использовались для устройства портиков и крытых галерей; ассирийцы называли такой тип здания *бит-хилани*. Можно ли рассматривать эту черту как оригинальную? Вероятно, нет; позже мы увидим, что происхождением она обязана другим народам. Вообще, это очень характерно для ассирийской цивилизации: ее собственные черты не новы, а новые – принадлежат не ей.

Вавилонские и ассирийские статуи воспроизводят статичные, торжественные, почти безличные фигуры богов, царей и чиновников, которые мы видели и в шумерском искусстве; но число и размеры их уменьшились, что указывает на не слишком широкое распространение этой художественной формы. Однако при раскопках в Мари было найдено

множество статуй, что отчасти опровергает эту точку зрения. В качестве примера мы выбрали статуэтку смотрящего Эбих-Иля (фото 10), которая явно демонстрирует распространенность характерных шумерских черт в ранний период развития семитского искусства Месопотамии. На другом конце аккадской цивилизации, ближе к ее падению, непрерывность традиции видна в чудеснейшей из всех ассирийских статуй – статуе Ашшурнасирапала II: в пропорциях частей тела можно различить следы некоторого развития, но общие характеристики остались неизменными.

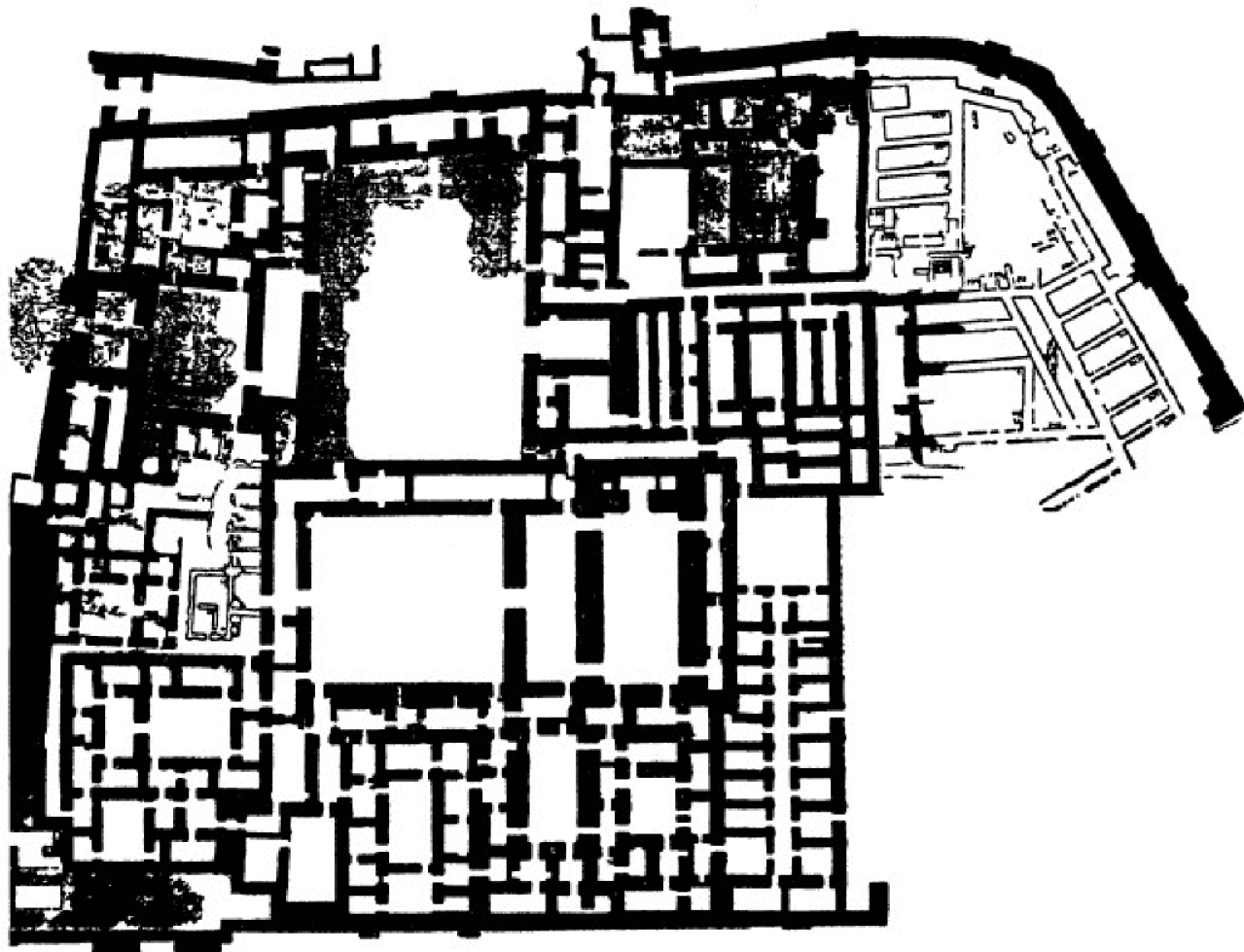

Рис. 2. План дворца в Мари

С другой стороны, статуи животных претерпели значительное развитие. Большой реализм нечеловеческих фигур, по сравнению с человеческими, сохранился, но появился и новый тип памятника, получивший распространение преимущественно в Ассирии. Это ортостат, представляющий собой статую, встроенную в боковую стену парадных дворцовых ворот и соединяющую в себе таким образом черты статуи и рельефа. У ортостата есть свой ряд традиционных тем: это львы, быки и особенно фантастические крылатые быки с человеческими головами. Это преобладающий вид для больших ворот; в его великолепных формах сочетается реалистическая точность деталей и нереальность композиции в целом (фото 11). Эта фигура, бесспорно, имеет религиозное значение и является стражем ворот; таким образом, как обычно в Месопотамии, религия творит и утверждает высшую реальность.

Однако триумф вавилонско-ассирийского искусства, форма, в которой это искусство достигло наиболее полного и высокого развития, – это рельеф. Шумеры тоже любили этот вид искусства, но у вавилонян и ассирийцев он стал преобладающей формой; к старым

типам добавились новые, и все вместе поднялось до высот истинного художественного совершенства.

По-прежнему встречаются памятные стелы. Некоторые из них заняли достойное место в истории искусства. В качестве примера можно назвать стелу аккадского царя Нарам-Сина, жившего в 3-м тысячелетии до н. э.; человеческая фигура на ней изображена с живостью и чувством движения, совершенно незнакомыми шумерам. Один из вариантов стелы – обелиск – становится в Ассирии отдельной формой. Лучшее ее выражение – знаменитый черный обелиск Салманасара III, четыре стороны которого покрыты рельефами и надписями, посвященными военным экспедициям царя.

Печати тоже по-прежнему в ходу. Особенности тонкой работы и выбор тем позволяют нам не только проследить в подробностях историю этого вида искусства, но и дополнить с его помощью историю соответствующего искусства в целом. Мы не можем здесь провести полный анализ особенностей стиля и тематики, но важно отметить особую и значительную функцию, которую они выполняют.

Единственный тип рельефа, который не встречается у вавилонян и ассирийцев и может поэтому считаться чисто шумерским, – это рельеф на квадратной каменной плите с отверстием. С другой стороны, в Ассирии возникает и получает распространение новый тип, превосходящий все остальные по частоте встречаемости и художественному значению. Он тесно связан с эпохой, регионом и даже с конкретным менталитетом, а потому может быть определен с большой точностью. Речь идет о настенных украшениях.

Стены царских дворцов украшались длинными рядами каменных плит с барельефами, на которых можно было найти все подвиги владыки, в первую очередь военные и охотничьи. Барельефное изображение последовательно переходило с плиты на плиту и составляло единое изображение. Подобных плит с барельефами уцелело много, и этот факт вместе с конкретностью изображения указывает на то, что это были не просто украшения, а документальные свидетельства прошлого. Похоже, что настенный рельеф служил своеобразным изобразительным аналогом письменных annales; то и другое призвано подробно рассказать современникам и потомкам о деяниях соответствующего царя.

Надо отметить, что и деяния ассирийских царей уже не укладываются в традицию шумерских или даже вавилонских правителей: мирного строителя храмов сменил воин; сражение, которое раньше рассматривалось как необходимое зло, теперь стало поводом для упоения и хвастовства – и даже любимым занятием монарха в часы досуга.

Как мы уже сказали, главные темы этих барельефов – сражения и охота, хотя можно встретить и пиры, и жертвоприношения. Многие сцены изображают целые толпы фигур, сложным образом составленных и наложенных друг на друга, а отсутствие перспективы лишь усиливает ощущение тесноты и смятения. На барельефах имеются фигуры и людей, и животных, причем первые, по общей месопотамской традиции, изображены в гораздо более жестких неестественных позах, – а вот фигуры животных поражают естественностью и живостью. Наиболее совершенные образцы подобных произведений – охотничьи сцены из дворца Ашшурбанипала (фото 12). Сюжетом целой серии картин здесь служит жизнь диких кабанов, птиц в тростниках, рыбы и крабов в воде и диких зверей в полях. Царь верхом, с луком и стрелами в руках, несется галопом впереди своих придворных, преследуя львов, антилоп и диких ослов. Звери, пронзенные стрелами, замертво падают на землю. В этих сюжетах гармония композиции, по крайней мере, успешно сочетается с высокой степенью субъективизма в деталях. Каждая фигура живет собственной жизнью. Автор этих барельефов, подобно всем великим художникам, намного опередил свое время.

На стенах ассирийских дворцов можно было найти и другие сюжеты: крылатый бык с человеческой головой уже не стоит ортостатом в парадных воротах, а изображается на стенах; древнейшая тема победы человека над дикими животными – значимое свидетельство консервативной силы традиции; и еще одна старая тема с новыми элементами – поклонение крылатых духов с орлиными головами священному дереву, источнику жизни. Религиозное значение последнего сюжета связано с общей концепцией возрождающегося плодородия,

которая нашла самое полное выражение в вавилонской литературе.

Характерная черта изображения священного дерева – его подчеркнутая стилизация; на это стоит обратить внимание, поскольку стилизация в разных формах пронизывает с неумолимой настойчивостью все искусство барельефа. Говорилось, что в месопотамском искусстве царит стиль и что против него бессильны даже самые сильные потуги реальности. Мы уже видели, что в скульптуре это именно так; но это же явление заметно и в барельефах. Типичные примеры – маленькие завитки, изображающие воду, и кучка из трех камней как обозначение горы. Это традиционные мотивы, и художник не делает попытки освободиться от них – точно так же, как не пытается выйти за пределы той смеси фантазии и реальности, которая для него представляет самую что ни на есть настоящую реальность.

У ассирийского типа настенных рельефов есть вавилонская параллель времен последней, халдейской династии, точно так же прочно зафиксированная во времени и пространстве. Это цветной рельеф из глазурованного кирпича (фото 13). Но этот тип рельефа по природе своей больше подходит для внешней отделки дворца: в Вавилоне он украшает ворота и улицы. Более того, он исполняет чисто декоративную функцию, поэтому вместо сцен с изображением нескольких фигур мы видим здесь фигуру некоего животного – льва, быка или фантастического дракона, повторенную через правильные интервалы и окруженную каймой из геометрического орнамента. На голубом кирпичном фоне ярко выделяются животные и орнамент белого, желтого или красного цвета. Это утонченное и элегантное искусство, великолепный пример высших достижений месопотамской цивилизации.

Таким образом, рисунок здесь дополняет рельеф; рисунок, однако, существовал и отдельно, но из-за недолговечности материалов до нас дошли лишь отдельные свидетельства этого – настолько бедные и немногочисленные, что невозможно получить по ним хоть какое-нибудь общее представление о стиле или сюжетах. Однако вавилонский и ассирийский рисунок все же сохранился чуть лучше, чем шумерский, и кое-какие выводы можно сделать. Судя по всему, живопись использовалась для отделки стен в комнатах больших дворцов и выполняла примерно те же функции, что и рельефы. Сюжеты, вероятно, тоже были схожими. Лучший до сих пор образец (далеко не идеальный, кстати говоря) найден в Мари. Это большая картина, изображающая коронование царя (фото 14). По крайней мере, такова наиболее вероятная интерпретация: царь стоя принимает священные знаки власти из рук богини Иштар; сцена помещена в фантастическую раму из пальм, крылатых зверей и переполненных ваз – символов плодородия.

Наконец, малые формы в Ассирии также достигли расцвета; встречаются статуэтки и металлические пластинки с рельефами (к примеру, на великолепных мемориальных воротах ассирийского царя Салманасара III на таких пластинках воспроизводятся все те же сюжеты настенных барельефов, только в ином материале); драгоценности и украшения великолепной работы; резная и гравированная слоновая кость – форма, появившаяся еще у шумеров, но именно у ассирийцев достигшая величайшего расцвета. Примером наших слов может послужить богатая коллекция изделий из слоновой кости, найденная в Нимруде: она включает чрезвычайно живые рельефы женских фигур, подобных «даме у окна» (фото 15) или лицу, названному из-за приятной и загадочной улыбки «Моной Лизой»; замечательно реалистичные и точные фигурки животных (здесь хорошим примером может послужить инкрустация из слоновой кости, золота, лазурита и сердолика, на которой лев убивает негра на поле цветущих лотосов).

Так, накануне последнего для месопотамской цивилизации политического кризиса искусство, впечатляющее и масштабами распространения, и уровнем мастерства, достигло вершины. Плодотворный союз аккадцев и шумеров, связанных тремя тысячелетиями общей истории, породил одну из величайших культур, какие знало человечество. Географические условия, благоприятные для процветающей и организованной экономической жизни, и мирное объединение племен разного происхождения и разных рас, вскормленное

политической силой, постоянно стремившейся выйти за пределы собственных границ, вместе породили месопотамскую культуру, которая чудесно воплотилась в самых разных своих проявлениях: вере и религии, письменности и законах, науках и искусстве. Всепроникающее единство религиозных верований обеспечивало равновесие и гармонию. Очень важный в культуре субъективизм еще не появился, а философская, научная и эстетическая мысль еще не разделилась на твое и существовала как единое целое; но породить такое глубокое всеохватное единство, каким отмечена эта культура, оказалось под силу очень немногим будущим цивилизациям.

Глава 4 Египтяне

Цивилизация оазиса

«Слава тебе, Нил, выходящий из земли, идущий, чтоб Египет оживить!»

Это начальные слова древнего египетского гимна, которые – вполне можно так сказать – выражают существо истории и культуры этой страны. Ибо, как выразительно писал Геродот, Египет – дар Нила (со времен Геродота слова эти превратились в банальность, но не перестали быть удачным определением). Эта река спускается с гор Эфиопии и прокладывает себе путь сквозь многие сотни миль африканских песков, пока не добирается наконец до Средиземного моря. На обоих берегах Нила кипит жизнь.

Это и есть Черная земля, как называли свою страну сами египтяне: ежегодные разливы Нила, обузданные неустанным трудом людей, одаряют землю плодородием, которое давно уже вошло в поговорку. Египтяне снимали ни много ни мало три урожая в год. Но все это относится только непосредственно к долине – куда доходит вода, и не больше: за этой отметкой лежит Красная земля – безводные пески.

Египетскую цивилизацию часто и не без оснований сравнивают с оазисными цивилизациями: громадный оазис, сильно вытянутый в длину, окруженный и защищенный со всех сторон пустыней. Его история разворачивается независимо и органично, а его обитатели на протяжении многих столетий практически не меняются. В этом оазисе мы наблюдаем самый длинный культурный период в истории человечества: три тысячи лет письменной истории, которым предшествовали неисчислимые века доисторической культуры; непрерывная культурная традиция без резких изменений и наслоений, характерных для других цивилизаций Древнего Востока.

Возможно, именно поэтому Древний Египет представляет собой более спокойный, более радостный и живой человеческий опыт, чем любая другая из цивилизаций, которые мы уже рассматривали или еще будем рассматривать в этом исследовании. После месопотамских цивилизаций с их мрачной торжественностью мы просто не можем не ощутить серьезнейшего изменения психологического климата. Не то чтобы добавилось или убавилось что-то определенное; тем не менее все расцвечено ощущением свободы от страха, позитивным и уверенным взглядом на жизнь.

Один из наиболее проницательных современных египтологов Дж. Уилсон замечательно уловил и просуммировал некоторые аспекты этого общества: «Один из элементов психологии египтян, который хотелось бы подчеркнуть, – это надежность, чувство уверенности и особого подъема, которые способствовали уверенности каждого египтянина в себе, учили наслаждаться жизнью такой, какая она есть, и проявлять терпимость к различным отклонениям от жесткой и негибкой нормы. Египтянин не был интроспективен и никогда не проявлял жесткой требовательности к себе и к другим, потому что был свободен от страха. И при этом он был творцом собственной судьбы, создал гордую, богатую и успешную культуру и сумел пережить период внутренних беспорядков, вернувшись затем к полной, спокойной жизни. Возможно, этим ощущением безопасности и чистой судьбы

египтяне обязаны своей географической изоляции; возможно, его корни – в плодородной черной почве; прогрето оно добрым африканским солнцем, а усилено контрастом между жизнью в долине и тяжелой, скудной жизнью окружающих пустынь. Или, возможно, нам уже не понять, откуда на самом деле возникло это чувство. Тем не менее оно несомненно существовало и придавало египетской цивилизации характерную жизнерадостность. Догматически это выражалось в убеждении, что только Египтом правит настоящий бог, что реальный сын солнечного бога будет вечно властвовать в Египте и защищать его. Чего же, в таком случае, было бояться египтянам?»

Какое же отношение к смерти соответствует подобной жизненной концепции? Это очень важный вопрос, и именно здесь наиболее ясно видна разница между египетским образом мыслей и месопотамским; более того, в этом они противоположны. Египетское мышление основано на том, что за могилой знакомое земное существование возобновляется, только в более совершенных формах. Вспомните на мгновение, как представляла своих мертвых Месопотамия: эти несчастные живут в вечном сумраке, вынуждены есть прах и пить грязную воду; эти всеми брошенные неуспокоенные духи заняты лишь тем, что тревожат живущих. А теперь представьте соответствующую египетскую картину, оставленную нам художниками на стенах древних гробниц. Мы видим умершего за столом среди близких, в окружении слуг и друзей. Его туалетом занимаются умелые слуги. Он с женой играет во что-то, напоминающее наши шашки. Его развлекают прекрасные музыканты и танцовщицы. В других сценах он ловит рыбу с челна или охотится на антилоп с луком и стрелами. Круг повседневной жизни продолжается: крестьяне пахут и собирают урожай, ремесленники занимаются своим делом, художники высекают статуи или режут драгоценные украшения. В сценах на стенах гробниц присутствует даже доля юмора: вот пастух отвлекся, и вор потихоньку уводит одну из коров; обезьянка хватается за руку слугу, потянувшегося к корзине с фигами; а вот крокодил терпеливо ждет рождения малыша гиппопотама, чтобы им полакомиться. Сцена за сценой наглядно демонстрируют нам, что египтянин проецировал на загробный мир радостную и благополучную жизнь собственного мира.

Исторический очерк

На протяжении всего своего длинного пути египетская история демонстрирует одновременное существование двух противоположных тенденций: центробежной (она легко объясняется чрезвычайной длиной территории страны) и центростремительной (вся она располагается вдоль одной реки, в одинаковых условиях природы и хозяйствования).

Насколько мы можем установить, самая древняя фаза египетской истории отмечена движением от разнообразия к единству. Еще до появления письменных документов весь этот регион был разделен на сельскохозяйственные районы. В дальнейшем эти районы играют значительную роль во всех событиях: с одной стороны, они активно стремятся к автономии, но одновременно проявляют тенденцию к объединению в группы-конфедерации. Так, около 3000 г. до н. э., на пороге письменной истории, мы видим две такие конфедерации, два соперничающих царства: одно на севере, в громадной Дельте, разделяющей нильские воды на рукава перед впадением в море; второе на юге, на узкой полоске земли вдоль реки до первого порога. Это разделение также очень важно для египетской истории и всегда будет оставаться одним из решающих факторов. Дело в том, что эти два региона различаются по географическим и историческим условиям: север, обращенный к Средиземному морю, открыт для общения и обмена с другими великими культурами, располагавшимися вдоль моря; юг, обращенный к Африканскому континенту, больше замкнут в нем и больше вовлечен в его цивилизацию.

Более того, когда царства объединяются, разница между двумя частями не просто превращается в историческую особенность; она сохраняется и в сознании людей, и во внешних проявлениях власти. Двойная царская корона представляет собой сочетание красной короны северного царства и белой – южного; а официальный титул фараона звучит

как «властелин Верхнего и Нижнего Египта».

Это титулование заслуживает нашего внимания еще и по другой причине. Оно сохраняется на протяжении всей истории Египта, даже во времена его максимальной экспансии, и представляет принципиальный контраст по отношению к месопотамскому титулу «властелин четырех концов земли»; это разница между решительным утверждением всеобщей монархии и власти, нацеленной в первую очередь на усиление и безопасность границ. Конечно, при этом тоже подразумевалось верховенство над соседними странами, но скорее в смысле верховного господства, нежели владычества и присоединения. В этой разнице взглядов – ключ к пониманию политики, которую Египет проводил на протяжении всей своей долгой истории.

Принято различать в египетской истории три крупных периода: Древнее, Среднее и Новое царства. Такую периодизацию нельзя назвать чисто формальной, поскольку каждое из трех царств соответствует определенному периоду процветания; эти периоды перемежаются более или менее короткими периодами кризиса и в конце концов сменяются жестоким упадком. Можно сохранить и хронологическое разделение на династии, введенное древним историком Мането: несмотря на неточность и несовершенство, это деление указывает на некую смену фаз, которую, безусловно, принимали современники.

На заре истории два египетских царства объединяются под властью великого монарха, которого Мането называет Менесом. Личность этого человека до сих пор вызывает определенные сомнения. Единственный бесспорный факт – это достигнутое им единство, положившее начало Древнему царству (ок. 2850–2320 до н. э.). Начиная с этого момента в Египте существует только одна столица: это Мемфис, в северной части страны.

В этот период обретает форму концепция монархии; рассмотрим же ее характерные черты и сравним их с тем, что считалось верным в Месопотамии. В Месопотамии суверен считался представителем бога на земле и лишь в исключительных случаях получал божественные атрибуты; в Египте фараон сам был богом, воплотившимся, чтобы править миром. Вследствие этого диалог между богом и царем, такой оживленный и порой мучительный в Древней Месопотамии, смолкает и заменяется единением более высокого уровня. Теперь, чтобы узнать волю небес, уже не нужно спрашивать; эту волю естественным образом изрекают уста фараона, всем прочим остается лишь повиноваться ей.

Правление, основанное на подобных принципах, не может не быть абсолютным и централизованным. Фараон располагается на верхушке бюрократической пирамиды, а самый высокопоставленный член бюрократического аппарата – визирь, фигура активная и весьма внушительная, исполнитель воли воплощенного бога. От фараона, кроме всего прочего, берет начало и значение жизнь всего общества. Типичная для Месопотамии картина – строители каналов и храмов, возглавляемые самим царем. В Египте картина одновременно похожая и иная: похожая в том, что рытье каналов также имеет принципиальное значение для сельскохозяйственной жизни; а вот храму здесь нашелся соперник – другое сооружение, тоже религиозного характера, но с совершенно иной функцией, а именно пирамида.

Это усыпальница бога-царя, в которой он будет продолжать свою вечную жизнь; таким образом, царь – не только строитель, но и объект строительной деятельности. Наиболее знаменита своими пирамидами 4-я династия; в этот период они становятся настолько величественными и грандиозными, что совершенно буквально представляют собой результат труда целых поколений. Для греков вид этих громадных масс ассоциировался с тяжким принудительным трудом под властью ненавистного тирана. Но считать так – значит неверно понимать менталитет того времени. Гробница была неотделима от культа фараона, вернувшегося в круг богов, и ее величие должно было соответствовать его божественному достоинству. Какой благочестивый египтянин захотел бы уклониться от участия в таком деле?

Богатство письменных источников, оставленных ранними династиями, не соответствует богатству их же материальных памятников. Дошедшие до нас фрагменты

анналов доказывают, что такой жанр существовал, но почти ничего не рассказывают о тогдашних событиях. Мы можем, правда, определить три основных направления военной активности: на юг в Нубию, на запад в Ливию и на восток в Палестину. В последнем направлении египтяне оставили после себя многочисленные археологические следы; уже во времена 2-й династии в одной из надписей упоминается фараон Перибсен, который «разорил Азию». Однако самую подробную информацию мы получили не из царских надписей, а из длинной надписи на стенах гробницы одного из военачальников фараона Пепи I из 6-й династии, в которой этот офицер описывает свои деяния. Этот документ интересен не только своей замечательной информативностью, но и тем, что это документ нового типа. Здесь не царь пишет о своих свершениях, стремясь донести свою славу до потомков, а один из его подданных подробно описывает свою жизнь и дела – событие неслыханное в Месопотамии. Делает он это с двойной целью: он хочет обеспечить себе достойное место не только в памяти потомков, но и, самое главное, в жизни грядущей. Наш военачальник пишет:

Его величество пожелал наказать азиатов, обитателей песков, и созвал армию из многих десятков тысяч воинов со всего Египта... Его величество послал меня во главе этой армии...

Именно я составлял планы, хотя служба моя была смотрителем дворцового хозяйства, но я был настолько искусен, что никто не поссорился с соседом, никто не украл даже куска теста или сандалий путника, никто не взял даже кусочка ни из одного города, никто не увел чужой козы...

Итак, целью этого предприятия было наказание бунтовщиков, то есть тех, кто сопротивлялся власти фараона. В истории Египта такая цель будет возникать вновь и вновь, как выражение политики, рассматривавшей экспансию как средство обезопасить границы.

Начиная с 5-й династии в структуре Древнего царства замечен медленно развивающийся кризис. Жречество Гелиополиса, «города Солнца», расположенного неподалеку от Мемфиса, медленно увеличивает свое влияние; в религиозной области это ведет к возвышению солнечного бога Ра, а в политической – к множеству налоговых льгот и богатых даров в пользу соответствующих храмов, что, в свою очередь, не могло не отразиться на верховной власти фараона. Следует отметить также тенденцию к передаче титула правителя района, или нома, по наследству, что вело к возникновению структуры, известной как «феодальное государство». Эти процессы, совпавшие по времени с началом 6-й династии, тоже способствовали падению авторитета царской власти. Таким образом, около 2200 г. до н. э. мы видим первый в истории Египта период упадка, переходный период, период «первой болезни», как его иногда называют, который продолжался примерно до 2000 г. до н. э. Единство разорвано, империя распадается на множество мелких государств; расцветают страх перед будущим и бедность; сложившиеся классы перемешиваются. Живую картину подобного состояния дел дают литературные произведения того периода, в особенности так называемые «пророчества» Ипувера, в которых мы читаем:

Воистину! Бедные стали владельцами сокровищ. Тот, кто не мог сделать себе даже сандалий, теперь владеет богатствами...

Воистину! Пустыня распространилась по земле. Провинции разрушены. Варвары пришли в Египет извне...

Воистину! Смех исчез навсегда. Причитания наполняют землю, смешиваясь с жалобами...

Воистину! Дороги больше не охраняются. Люди прячутся в кустах, подкарауливая запоздавшего путника, чтобы забрать его груз и украсть все, что у него есть. Его встречают колотушками и убивают незаконно... Ах, если бы это был конец рода человеческого, если бы не было больше ни зачатия, ни рождения! Тогда не было бы больше на земле ни беспорядков, ни ссор.

Государственное единство и царская власть были восстановлены около 2000 г. до н. э.

фараонами 11-й династии. Этим начинается Среднее царство и закладываются основы великого внутреннего и внешнего расцвета, которого Египет достигнет при фараонах 12-й династии. Надо признать, что фараоны этой династии приложили огромные усилия к возвращению Фаюма, болотистого района к югу от Мемфиса; это событие стало практическим результатом долгосрочной внутренней политики, нацеленной на восстановление системы сельского хозяйства – главного достояния страны. Эти фараоны проводили также активную военную политику, в результате которой египетские войска появились в Северной Нубии и Сирии. Еще один чиновник, Ху-Себек, оставил погребальную стелу с записью своих достижений в свите фараона Сесостриса III:

Когда его величество царь Верхнего и Нижнего Египта Сесострис Победоносный явился с коронами Верхнего и Нижнего Египта на троне Хора среди живущих, я следовал за его величеством и рядом с ним в качестве воина, имея в подчинении шесть человек. Я проявил доблесть в его присутствии, и он сделал меня своим спутником и дал мне шестьдесят человек. Его величество двинулся на юг, чтобы опрокинуть кочевников Нубии... Его величество двинулся на север, чтобы опрокинуть азиатов, и достиг региона, называемого Секмем... Он пал, вместе с несчастными сирийцами.

Археологические открытия подтверждают, что египетское владычество простиралось вдоль всего сирийско-финикийского побережья: даже в таких городах, как Библос и Угарит, на самом севере региона, обнаружены статуи фараонов, скарабеи и соответствующая керамика. Но следует различать способ, которым осуществлялось в разных местах это владычество. В Нубии политикой Египта с самого начала была аннексия, поскольку эта земля является логичным географическим продолжением Египта, обладает многими богатствами и, что тоже немаловажно, практически не может похвастать независимой культурной традицией. С другой стороны, в Сирии Египет удовлетворяется назначением чиновников для наблюдения за местными мелкими владыками и получения с них периодической дани.

Процветания, наработанного 12-й династией, хватает ненадолго. Около 1800 г. до н. э. начинается второй переходный период, вторая «болезнь», осложненная к тому же величайшим унижением, какое может выпасть на долю Египта: страна оказалась во власти иностранных захватчиков, гиксосов.

Возвышение гиксосов около 1700 г. до н. э. представляет собой часть общей картины волнения и движения, которая наблюдается в истории древнего Ближнего Востока после вторжения горских племен. Происхождение и этнический состав гиксосов все еще вызывают споры; ясно лишь, что были они кочевниками и пришли из азиатских регионов и что по уровню культуры племена гиксосов значительно уступали населению захваченных стран. Захват Египта – величайший успех гиксосов и одновременно величайшее унижение Египта, величайший удар по национальной гордости египтян. Реакция была очень резкой: в Фивах сразу же возникла новая национальная династия, первой задачей которой становится освобождение страны. Историческая надпись, оставленная фараоном Камосом, рассказывает о том, как он приступил к восстановлению власти. Эта надпись сохранилась в упражнении для учеников, на школьной табличке – еще одном из распространенных видов документов, содержащих самую разную информацию, иногда важную, иногда совершенно бессмысленную. Надпись гласит:

Могучий царь в Фивах, Камос, живущий вечно, был благодетельный царь. Сам Ра сделал его царем и дал ему силу в истине. Его величество говорил в своем дворце перед советом благородных из его свиты: «Хотел бы я знать, что проку мне в моей силе! Один принц правит в Аварисе, другой в Эфиопии, а я здесь связан с азиатом и с негром. Каждый владеет кусочком Египта, каждый делит со мной

землю... Никто не может жить в мире, все разорены поборами азиатов. Я сражусь с ними и вспорю им животы! Я спасу Египет и одолею азиатов!»

Затем нам рассказывают о результатах этого предприятия:

Я двинулся на север победно, чтобы выгнать азиатов по воле Амона, справедливого в совете. Моя доблестная армия двигалась передо мной подобно пылающему огню... На восходе дня я набросился на врага подобно соколу; когда наступило время утренней трапезы, я атаковал его, я разрушил его стены, я убил его людей, я захватил его женщин. Мои солдаты были как львы с вражеской добычей: рабы, скот, масло и мед. Они делили имущество их с веселым сердцем.

Снова Египет поднимается из бездны несчастий и вступает в период наибольшего в своей истории могущества: Новое царство продолжается примерно с 1600 по 1100 г. до н. э. Прошлый опыт заставляет фараонов вторгнуться в Палестину и Сирию, чтобы установить прочное владычество над этими странами. А поскольку в этот же период там концентрируются силы горских племен и государств Междуречья, история Ближнего Востока перестает быть историей отдельных изолированных блоков и превращается в гигантскую схватку соперничающих держав. Никто из них не в состоянии получить долговременного преимущества, в результате чего возникает неустойчивое равновесие и следуют несколько столетий разнообразного плодотворного общения и обмена культурными элементами.

Строителями Египетской империи в Азии стали фараоны 18-й династии: продолжая на юге завоевание Нубии, Тутмос I одновременно проникает в Сирию и доходит до Евфрата. Его успех закрепляет Тутмос III; в ходе семнадцати военных кампаний он покоряет всю сирийско-палестинскую прибрежную полосу и даже пересекает Евфрат, нанося месопотамским государствам поражение за поражением. У нас имеются достаточные документальные свидетельства царской деятельности в виде анналов, которые этот фараон, пытаясь увековечить свою память, приказал высечь на стенах храма в Карнаке. У нас имеются также биографии его офицеров и несколько значительных стел, как, например, стела в Баркале, на которых можно прочесть краткое описание побед этого монарха:

Слушайте, люди! [Бог] передал мне страны Сирии в первый поход, когда они пришли встретиться с моим величеством в количестве миллионов и сотен тысяч из лучших, [которые только имелись] во всех чужеземных странах, стоя на своих упряжках и в [количестве] 330 владетелей, причем каждый был со своим войском.

И вот, [находились] они в долине Кина, разбив стан у нее... и произошло обстоятельство удачное для меня среди них. Мое величество напал на них, и они тотчас бежали, и были немедленно повержены. Они вошли в Мегиддо, и мое величество запер их сроком на 7 месяцев, пока они не вышли наружу, моля мое величество, со словами: «Дай нам твое дыхание, наш владыка. Не восстанут на тебя вновь другой раз страны Сирии!»

Тогда тот супостат и владетели, что были с ним, отправили к моему величеству детей их всех с обильной данью золотом и серебром, всеми их лошадьми и тех, кто с ними, их колесницами, колесницами из золота и серебра и теми, что пестро расписаны, всеми их бронями, их луками, их стрелами, всем их боевым оружием. Это [было] то, с чем они пришли, будучи готовы биться против моего величества. И они доставили это в виде дани моему величеству. И они стояли на своих стенах, воздавая славу моему величеству, дабы было дано им дыхание жизни¹⁶.

¹⁶ Перевод Н.С. Петровского.

Мы можем дополнить рассказ о различных видах исторической литературы, дошедших до нас от периода правления этого великого царя, – а среди них есть прекрасные образцы древнеегипетской литературы такого рода, – при помощи цитаты из победного гимна. Этот гимн послужил прототипом для многих и многих последующих гимнов. Бог говорит фараону:

Я здесь, мой сын, и дарую тебе раздавить князей Сирии,
я через всю их страну бросаю их тебе под ноги;
я являю им Твое Величество повелителем лучезарного света,
когда ты сверкаешь у них над головой, как мой лик солнца.
Я здесь, я дарую тебе раздавить азиатских варваров,
увести в плен вождей сирийцев;
я являю им Твое Величество в боевых доспехах,
когда ты берешься за оружие, стоя на колеснице...

Далее следует список завоеванных народов и царских побед. На момент смерти Тутмоса III его империя простирается от Нубии до Евфрата. От края и до края она находится под управлением египетских чиновников. В стратегических точках воздвигнуты крепости с постоянными гарнизонами. Мелкие правители платят дань, их наследники живут в Египте, их принцессы пополняют собой гарем фараона. Повсюду воздвигаются храмы, посвященные египетским богам. Эта империя – высшее развитие царства «двух земель» за всю историю его существования. Но рука фараона, несмотря на длину, не слишком прижимает его иностранных подданных. Египет правит мягко, особенно по сравнению с тем, что пришлось позже вынести этим же землям под властью ассирийцев. Местные династии не уничтожаются, и – самое главное – нет никакой массовой депортации завоеванных народов, снискавшей месопотамским державам такую мрачную известность.

В момент максимального расцвета и триумфа империи вдруг возникает внутренний кризис, и достигнутое процветание рушится на несколько десятилетий; это странный кризис, ибо монарх здесь не жертва, а причина происходящего. Кризис возникает в результате того, что фараон Аменхотеп IV – человек, несомненно, талантливый – решает провести религиозную реформу. В противовес могуществу фиванского жречества и их богу Амону, Аменхотеп восстанавливает древний культ солнца; практическое выражение этот культ находит в поклонении солнечному диску, Атону. Более того, фараон настаивает, что поклоняться следует исключительно Атону, и отвергает остальных богов и их храмы. Это поразительный и трудный шаг; но можно ли рассматривать его как подлинный монотеизм? И повлияла ли новая религия на монотеизм соседнего народа Израилева? Как бы то ни было, египетская религия, политеистическая по природе, подверглась мощному объединяющему и одухотворяющему воздействию. Фараон меняет свое имя на Эхнатон, «Угодный Атону», и воспекает единственного своего бога в следующих строках:

Ты сияешь прекрасно на небосклоне неба,
живой солнечный диск, положивший начало жизни!
Ты восходишь на восточном небосклоне,
и ты наполняешь всю землю своей красотой!
Ты прекрасен, велик, светозарен и высок над всей землей!
Твои лучи объемлют страны вплоть до предела всего того,
что ты создал!..
Обе Земли торжествуют.
Просыпаются и встают на ноги,
поднимаются они [люди] из-за тебя.
Омывают свои тела и берут одежду.

Руки их славят твое воссияние,
[и затем] они совершают работу свою.
Весь скот вкушает свои травы.
Деревья и травы зеленеют.
Птицы вылетают из своих гнезд,
и их крылья славят твое ка...
Рыбы в реке выходят на лик твой.
Лучи твои [проникают] внутрь моря...
Ты в моем сердце, и нет другого, который познал бы тебя,
кроме твоего сына Неферхепрура, единственного для Ра.
Ты даешь, чтобы он был сведущим в твоих помыслах и в
твоей силе.

Жрецы сопротивляются реформе, миряне не понимают ее. Всего через несколько лет после смерти Эхнатона его имя проклято, а основанная им столица разрушена. Тем временем внутренний кризис миновал, и в Азии возобновляется сильная военная политика. Около 1300 г. до н. э. на трон восходит фараон Рамсес II, известный долгим правлением и многочисленными памятниками. В Сирии египетским завоеваниям угрожают надвигающиеся из Малой Азии хетты. Рамсес вторгается в Сирию с мощным войском, встречает хеттов возле Кадеша и вынуждает их заключить мирный договор, сохранившийся как в египетских, так и в хеттских текстах. Это важный документ нарождающегося международного законодательства, основанный в первую очередь на хеттском историческом мировоззрении, поэтому мы подробнее рассмотрим его позже, когда будем говорить об этом народе. Фараон берет в жены дочь вражеского царя, и это событие радостно описано на одной египетской стеле:

Дочь великого властителя хеттов приехала в Египет в сопровождении пеших воинов, колесниц с воинами и офицеров его величества, вместе с хеттскими воинами и колесницами... Хетты смешались с египтянами, вместе они ели и пили, с единым сердцем, как братья, не обижая друг друга, потому что мир и братство возобладали... Затем они ввели дочь великого властителя хеттов, приехавшую в Египет, к его величеству, и величайшие дары следовали за ней, без конца... Его величество увидел, что она прекрасна лицом, как богиня... Поэтому его величество был рад ей и возлюбил ее превыше всего.

Перемирие, установившееся в мире Востока после этого договора между двумя главными соперничающими державами, продержалось недолго. Около 1200 г. до н. э., после многочисленных бессистемных стычек, на берега Восточного Средиземноморья обрушивается новое вторжение, на этот раз «людей моря», которые навсегда покончили с хеттской империей и подвергли смертельной опасности весь египетский мир. Фараоны отразили атаку, но их владычество в Азии пошатнулось; одновременно их собственная империя лишилась жизненных сил и уже не смогла восстановиться. С этого момента Египет – всего лишь «сломанная тростинка», если воспользоваться презрительным выражением ассирийцев.

Эта «сломанная тростинка» на протяжении еще нескольких столетий раскачивалась, то восстанавливаясь, то падая в пропасть очередного кризиса, но с влиянием Египта покончено навсегда. Чиновник по имени Венамон, отправленный около 110 г. до н. э. в Сирию на поиски особого леса для священной ладьи Амона, оставил описание своих неприятных приключений – и особенно неуважительного отношения к себе со стороны сирийских властителей, которые открыто заявляли о своей независимости:

Если бы правитель Египта был владыкой мне, а я был бы его слугой, разве послал бы он мне золото и серебро со словами: «Выполни поручение Амона»?..

Разве я слуга тебе? Разве я слуга тому, кто послал тебя?

Сравните это с языком властителей, которые менее трех столетий назад писали фараону, что «простирают себя семь раз и еще семь у его ног», что являются «пылью под его ногами»¹⁷. И как унижена гордость Египта, которая в этот период упадка пытается утвердиться в древней славе и не может адаптироваться к изменившимся условиям. Как только позволяют обстоятельства, фараоны – в качестве примера можно назвать фараонов Шешонка и Нехо – вновь идут походом на Палестину в попытке оживить прежнюю экспансионистскую политику и создать противовес средиземноморским державам; но их усилия бесплодны, а успехи кратковременны. В любом случае с этого времени Египет замыкается в себе и в одиночку сражается с собственным кризисом. Религиозные власти отходят от политических и противостоят им; в номах восстанавливается феодальная автономия; вновь проявляются и берут верх прежние структурные слабости. Группы наемников властвуют над людьми и даже основывают собственные династии. Затем в Египет приходят завоеватели: сначала ассирийцы, которые в VII в. до н. э. объединяют под своей рукой весь Ближний Восток от Евфрата до Нила и несколько лет удерживают владычество над Египтом; затем персы, которые одержали победу над фараонами в 525 г. до н. э. и оставались в Египте более века. Через некоторое время они возвращаются второй раз, незадолго до того, как в 332 г. до н. э. Александр Великий окончательно покончил с древней египетской цивилизацией.

Религиозная структура

Египтяне – чрезвычайно религиозные люди, значительно более религиозные, чем остальное человечество, – писал Геродот, побывавший в Египте в эпоху упадка цивилизации фараонов. Таким было первое впечатление отца европейской истории от египетской религии; можно вполне согласиться с его суждением, ибо в Египте мы находим воистину безграничный и богатый мир религиозных представлений – а кроме того, глубокую и интенсивную религиозную жизнь.

Однако стоит нам рассмотреть этот религиозный мир повнимательнее, стоит взглянуть на него с позиций современности и попытаться различить его основные черты, и мы обнаружим, что он отталкивает и путает нас бесконечным разнообразием, характерной для многих форм непонятностью и многочисленными противоречиями. Этот мир можно сравнить с калейдоскопом, где громадное количество цветовых оттенков непрерывно движется и вращается, выстраиваясь все в новые узоры. Нет ничего сложнее, чем описывать и определять составные части этого рисунка. Современный американский египтолог Дж. Уилсон, которого мы уже цитировали, пишет: «Но вернемся к представлениям египтянина о мире, в котором он жил. Мы попытаемся представить его взгляд на мир в виде единой картины, которая будет лишь частично оправданной. Во-первых, мы говорим о примерно трех тысячах лет письменной истории, в которой кое-где заметны еще следы доисторического периода; естественно, все это время происходили медленные изменения. Во-вторых, древний египтянин не оставил нам единого описания своих представлений, которое мы могли бы использовать как основу для нашей картины. Собирая воедино обрывки идей из всевозможных источников, мы удовлетворяем собственное стремление видеть перед собой комплексную схему. То есть мы, современные люди, хотим видеть перед собой фотографию – статичную картинку, тогда как древнеегипетские представления напоминали скорее кино – они были подвижны и текучи. К примеру, нам непременно захочется узнать, опиралось ли египетское небо на столбы, или его держал на плечах какой-нибудь бог. А египтянин ответил бы на это: «Да, небо опирается на столбы или его

¹⁷ Эти выражения можно найти в письмах из Амарны, о которых речь пойдет позже.

держит бог, – а может, оно опирается на стены или похоже на корову, или небо – это богиня, чьи руки и ноги опираются на землю». Его, судя по всему, устроила бы любая из этих картинок».

Так что мы встречаем замечательное разнообразие представлений даже в отношении одних и тех же богов или явлений. Древнему египтянину не казалось странным, что все эти варианты могут существовать одновременно, он не видел в этом никакого противоречия. Он даже проявлял изобретательность, пытаясь совместить их, вместо того чтобы какие-то принять, а какие-то исключить. На заре истории в каждом регионе Египта был свой бог, а в каждом городе – свой. Позже, в процессе объединения, если некий вождь захватывал несколько городов, то он не отвергал соответствующие божества, а предпочитал соединять их со своими узами родства – как правило, в тройки, состоящие из отца, матери и сына. Иногда божества сливались в одно: так, когда к власти пришла фиванская династия, ее бог Амон присоединился к прежнему верховному владыке Ра; результат – единый бог Амон-Ра. Есть примеры еще более тонкого слияния, возникшие благодаря теологическим построениям жрецов; с ними мы познакомимся позже.

За всем происходящим стоял дух благожелательной толерантности, который, как мы уже отмечали, был характерен для египетского менталитета, – дух совершенно противоположный яростной непреклонности, отличавшей другие народы Древнего Востока, особенно ассирийцев. Из-за этой черты египетского характера мир египтян был менее однообразным и гармоничным в своих формах – и менее агрессивным в своих достижениях, но гораздо более человечным и цивилизованным.

Более того, единство, которого нет в египетских верованиях, легко находится в египетском культе. Здесь, даже в самых архаичных формах религиозной жизни, присутствуют и замечательная гармония, и органичная цельность. От устройства храмов до религиозных церемоний, от молитвенных формул до категорий жречества, – очевидно, ни громадные расстояния, ни тысячелетия не могли серьезно изменить общество, бережно хранившее и оберегавшее общее наследие.

Характерная черта месопотамских религиозных верований – их фундаментальная статичность; египетских – напротив, откровенная динамичность. Это само по себе глубокая разница, даже без учета разницы составляющих: в Месопотамии лишь несколько богов поддаются хронологической датировке, да и то сомнительной: в Египте все – история, и даже к религии можно относиться лишь исторически.

Поэтому давайте попробуем взглянуть на Египет с позиции иностранца – как правило, наиболее объективной, хотя бы из-за свежести взгляда. Первое, что поражало древних путешественников в Египте, – это поклонение животным. С изумлением и иногда с насмешкой они сообщали, что быкам, овцам, собакам, кошкам и птицам воздают божественные почести и при этом не делают никаких различий между хорошими и дурными, домашними и дикими животными, – ведь в список внесены даже крокодилы и змеи.

До некоторой степени впечатления этих путешественников вполне корректны. Культ животных зародился в Египте в отдаленнейшие доисторические времена. В те дни у каждой группы людей, кормившейся на берегах Нила, должно быть, имелся свой тотем¹⁸: предмет, растение или – чаще всего – животное-покровитель. В доисторических археологических слоях обнаружены целые кладбища овец, буйволов, шакалов и газелей; тот факт, что трупы животных были завернуты в циновки или льняное полотно, указывает на культовость этих захоронений. Есть и другие доказательства: у каждого сельскохозяйственного района, на которые был разделен доисторический Египет до политического объединения, был свой штандарт, и изображения этих штандартов дошли до нас; эти штандарты поднимались на шестах и представляли собой в основном фигуры животных.

¹⁸ Это наиболее разумное, хотя и недоказанное объяснение.

С началом письменной истории штандарты начинают меняться, и в конце концов фигуры животных сменяются человеческими. Но древняя символика сохраняется: человеческая фигура изображается, как правило, с головой животного, а животное с человеческой головой. Так, Гор, бог Западной дельты, изображался с человеческим телом и головой сокола; Хатор, богиня Афродитополиса и Дендеры, представляла собой корову с женской головой; Сет, бог Омбоса, имел на мужском теле голову животного, которого не удастся точно идентифицировать; Анубис, бог Кинополиса, изображался в виде человека с головой шакала; Тот имел на человеческих плечах голову ибиса. Необходимо отметить, что изображения не всегда были одинаковыми; некоторых богов иногда изображали с полностью животными телами.

Помимо божеств частично или полностью зверообразных, начинают появляться и боги с полностью человеческими телами. Это указывает на завершившуюся эволюцию образов, а потому относится, скорее всего, к менее отдаленной эпохе. В эту категорию богов входит Мин, непристойный бог Коптоса, символизировавший оплодотворяющую силу; знаменитый Амон, бог Фив, поднявшийся во времена Среднего царства одновременно с политическим возвышением города на вершину небесной иерархии. Сюда же относятся Осирис и Исида – божества Дельты, главные действующие лица одного из самых знаменитых мифов.

Миф этот, даже в местных его вариантах, содержит очень узнаваемые элементы: Осирис – бог, научивший человека возделывать землю, а Исида – его верная жена. Уже упоминавшийся бог Сет здесь представлен как брат Осириса, который завидует его могуществу и предательски убивает его. В отчаянии Исида умоляет богов воскресить ее мертвого мужа; но свою новую жизнь он должен провести в царстве мертвых, в качестве их законного царя. Мы видим, что миф представляет собой еще одну версию древнего растительного цикла, цикла смерти и возрождения. Более того, Гор, сын Осириса, сражается с Сетом и, после долгой серии приключений, убивает его. Гор снабжен солнечными атрибутами, так что его победа символизирует триумф солнца над враждебными силами. Наконец, в этой трогательной истории египетский народ видел победу самых дорогих идеалов: справедливости и верности, добра над злом, глубокую веру в вечную жизнь.

Наш беглый обзор египетского пантеона был бы неполон без упоминания космических божеств. Египтяне представляли себе землю, на которой жили, в виде блюда, причем их плодородная долина располагалась в центре, а приподнятые края блюда символизировали окружающие населенный мир бесплодные горы. Земное блюдо плавало в воде. Эта вода – первобытная среда жизни и Вселенной, элемент, из которого в начале начал появился первый земляной холм; из него же каждый день поднимается и в него опускается солнце. Нил вытекает из-под земли через многочисленные отверстия и оплодотворяет землю. Над земным блюдом находится воздух, на который опирается свод небес.

Менталитет Древнего Востока требовал, чтобы различные части Вселенной были персонифицированы в божествах. У египтян тоже были свои космические боги, хотя, возможно, не такие древние и наверняка не такие значительные, как у жителей Месопотамии и других ближневосточных народов. Землю они представляли в виде лежащего бога по имени Геб. Небеса – в виде богини Нут, стоящей выгнувшись над землей, опираясь на края руками и ногами; или в виде коровы, стоящей на четырех ногах. Воздух – это бог Шу, который стоит на земле и держит руками небо, чтобы не упало.

У звезд тоже был свой культ. Главная среди звезд – солнце, Ра. Каждое утро этот бог поднимается из океана и плывет по небу в своей великолепной ладье. Каждый вечер он вновь опускается в океан и пересекает его за ночь в другой ладье. Но этот период полон опасностей: на закате солнце подстерегает огромная змея, жаждущая опрокинуть ладью и проглотить бога; только после кровавой схватки Ра одерживает над ней верх.

На время своего отсутствия солнце оставляет на небе заместителя – луну. Это не кто иной, как бог Тот – тот самый, с головой ибиса. Стоит отметить, что здесь, в отличие от всего, что мы видели прежде, луна занимает в небесной иерархии подчиненное положение и откровенно уступает солнцу. В древнем египетском тексте рассказывается, как бог солнца

поручает луне свои обязанности:

Затем его величество бог сказал: «Позовите ко мне Тота!» И привели Тота к Ра. Его величество бог сказал Тоту: «Смотри, вот я на небе на своем месте. Но я собираюсь нести свет в нижний мир... и ты будешь на моем месте, как заместитель, и тебя будут называть заместителем Ра... Более того, я дам тебе власть над изначальными богами, хотя они выше тебя... Я сделаю так, что ты охватишь все небо красотой твоей и лучами... Ты будешь моим заместителем, и лица всех, кто посмотрит на тебя, будут видеть в твоём свете, и глаз каждого человека будет славить бога через тебя».

Образованная элита, жречество, пытается организовать пантеон и навести некоторый порядок в многообразии существующих верований. Жрецы вводят также упорядоченный рассказ о происхождении и законах Вселенной. Так возникают великие теологические системы. В Гелиополисе верховных богов организуют в порядке значимости и родства в так называемую эннеаду – девятку. Начинается она с океанских вод, за которыми следует солнце и другие божества супружескими парами. В Гермополисе, с другой стороны, жречество формирует огдоаду – восьмерку божеств, которые в конечном итоге порождают солнце. А в Мемфисе, скажем, местный бог Пта создает остальных, и те являются как бы отдельными его частями: языком, сердцем, мыслью.

Интересная особенность этих теологических построений – уровень абстракции и умозрительности, заметно превышающий все, что мы видим у других народов Древнего Востока, более привязанных к немедленному, практическому содержанию своих религиозных образов. Способность к абстракции видна также в появлении нескольких божеств, связанных с отвлеченными понятиями, и первая из них – богиня Маат (истина). Таким образом, мы видим, что Египет хотя и не освобождается от мифа, но выполняет некоторые необходимые для этого условия. Во многих отношениях это судьба Египта: он указывает путь к прогрессу и обретает некоторые его элементы; но затем, из-за присущего ему духа благожелательной терпимости, останавливается на этом пути и не может окончательно выделить и оформить эти элементы.

Если верхние слои жречества были заняты учеными рассуждениями, то на более низком уровне была ключом народная религиозная жизнь с культом более скромных местных полубогов и охраняющих духов. Здесь мы видим богиню Таурт с головой и телом беременной гиппопотамихи, человеческими руками и львиными ногами; это божество покровительствует беременным женщинам и отгоняет от них злых духов. В этом же ряду стоит Бес, уродливый карлик с великолепной бородой, леопардовым хвостом и кривыми ногами; он тоже наблюдает за рождением детей, а также покровительствует музыке, танцам и одежаниям.

Очень высоко у египтян была развита магия; ее основная цель, опять же, – отгонять зло. Так мать отгоняет духа, который мог бы потревожить сон ее ребенка:

Уходи прочь, ты, кто является в темноте и входит тайком, чей нос повернут назад и чье лицо повернуто назад, уходи, не добившись того, за чем пришел! Ты пришел поцеловать это дитя? Я не позволю тебе! Ты пришел успокоить его? Я не позволю тебе успокоить его! Я защитила его от тебя силой клевера, что отталкивает тебя, силой лука, что наносит тебе раны, силой меда, что сладок для людей, но горек для мертвых...

С магией связаны и проклятия, которые должны поразить тех, кто оскверняет гробницы. К примеру, в одной из гробниц городского чиновника времен Древнего царства есть следующая надпись:

Что до этой гробницы, которую я приготовил в некрополе Запада, я

приготовил ее в чистом месте в самом центре. Если кто из благородных, или чиновников, или простых людей возьмет хотя бы один камень или кирпич из стен этой гробницы, меня рассудит с этим человеком великий бог; я ухвачу его за шею, как птичку, и заставлю всех живущих на земле трепетать перед духами далекого Запада.

Интересным примером магических практик могут служить «тексты проклятий»: имена иностранных владык или названия государств надписывались на глиняных статуэтках, которые затем разбивались; таким образом, по подобию, должны были рухнуть и судьбы названных объектов.

Особое значение египтяне придавали именам; в этом отношении стоит еще раз вспомнить месопотамское представление о том, что назвать имя – значит создать, а обладание именем означает обладание жизнью. В одном египетском папирусе заклинанию против скорпионов предшествует рассказ о споре между Ра и Исидой, в котором Исида хочет любой ценой узнать имя верховного бога и безжалостно отравляет его, пока не добивается своего.

Однако даже такое волшебство несет на себе отпечаток египетской ментальности, а значит, иного, чем у других народов, образа мыслей. Неудивительно поэтому, что мы не слышим здесь доминирующей ноты скорби, столь характерной для Месопотамии. Более того, временами египетские заклинания даже забавны – может быть, намеренно, может быть, нет. Приведем одну подобную практику. Богатые бездельники опасались, что, когда они попадут в рай, Осирис приставит их к труду на небесных полях. Поэтому они прибегали к системе, хорошо служившей им на земле, – пытались заставить других за себя работать. С этой целью они заранее готовили и помещали в свои гробницы статуэтки в форме мумий с сельскохозяйственными инструментами и надписями вроде: «Когда меня призовут к трудам иного мира, к возделыванию полей, к орошению берегов, это будет твоим делом!»

Мы уже отмечали, что, какими бы разнообразными и иногда противоречивыми ни были верования египтян, основа их религиозной практики отмечена единством и цельностью. Эта практика сосредоточена вокруг храма, во внутреннем помещении которого находится статуя соответствующего бога. Храм – место обитания многочисленного высокоорганизованного жречества, по разнообразию и специализации не уступавшего своим месопотамским коллегам: отдельные классы жрецов занимались чтением, очищением, жертвоприношениями, пророчествами, музыкой. Были и женщины: певицы, музыкантши и «любовницы» бога. Жречество составляло своеобразную иерархию, а во времена Нового царства у него появился руководитель – первый пророк Амона, верховный жрец Египта. Но храм был центром не только религиозной, но и культурной жизни: именно здесь собирались писцы, чтобы составлять, копировать и толковать тексты. Фараон часто прибегал к их мудрости и спрашивал совета. Таким образом, жрецы и ученые делали храм центром равно религиозной и интеллектуальной деятельности, за что он получил выразительное наименование «дом жизни».

Для завершения картины необходимо добавить, что в храмах же находились склады вместе с обслуживающим их персоналом. Здесь возникает естественное сравнение с шумерским храмом, но есть и разница, тонкая, но существенная: шумерский храм был двигателем экономической активности горожан, тогда как египетский – лишь независимым и хорошо организованным экономическим центром, не игравшим централизующей и директивной роли, характерной для его шумерского эквивалента.

Обряды в храме начинались с ежедневной церемонии, которую мы можем восстановить в подробностях. Это действие проводил один только жрец, публика в нем не участвовала. После предварительного очищения жрец входил в святилище, размахивая кадильницей и распространяя вокруг аромат терпентинного дерева. Затем он вскрывал печати внутреннего святилища, входил туда и вставал перед статуей божества. После молитвы он умывал, умащивал и одевал статую; он предлагал божеству трапезу, которую

сжигали на огне. В конце концов он выходил из святилища, вновь запирает и опечатывает двери, и церемония на этом заканчивалась.

Кроме ежедневных обрядов, были и великие праздники, разные для разных центров и разных богов. Все их, однако, объединяла общая черта – сезонный и сельскохозяйственный характер и почитание плодородия земли. Во время таких праздников статую божества выносили из святилища и проносили торжественным шествием по городу и окрестностям. Торжества привлекали толпы народу со всей страны. Геродот видел, как ладьи, полные паломников, плыли по Нилу в Бубаст, где должен был состояться праздник богини-кошки Баст. Он оставил нам поразительное описание: «Когда египтяне едут в город Бубаст, то делают вот что. Плывут туда женщины и мужчины совместно, причем на каждой барке много тех и других. У некоторых женщин в руках трещотки, которыми они гремят. Иные мужчины весь путь играют на флейтах. Остальные же женщины и мужчины поют и хлопают в ладоши. Когда они подъезжают к какому-нибудь городу, то пристаю́т к берегу и делают вот что. Одни женщины продолжают трещать в трещотки, как я сказал, другие же вызывают женщин этого города и издеваются над ними, третьи пляшут, четвертые стоят и задирают [подолы] своей одежды. Это они делают в каждом приречном городе. Наконец, по прибытии в Бубаст они справляют праздник с пышными жертвоприношениями: на этом празднике выпивают виноградного вина больше, чем за весь остальной год. Собирается же здесь, по словам местных жителей, до 700 тысяч людей обоего пола, кроме детей».

Во время одного из таких праздников в номе Паптемис Геродот стал свидетелем примечательной сцены: одна группа верующих объединялась для защиты статуи божества, тогда как другая нападала на них с дубинками; он говорит, что в пылу сражения запросто проламывали голову, хотя египтяне уверяли его, что никто не был убит. С какой целью устраивалось такое представление? Оказывается, верующие разыгрывали эпизоды из жизни богов, особенно конфликт между Осирисом и Сетом, и изображали сцены их сражений. Они представляли убийство Осириса, плач Исиды и воскрешение убитого бога. Это описание отражает фундаментальное явление в истории культуры – священную пьесу, из которой, собственно, и родился театр. К несчастью, до нас дошли лишь немногочисленные короткие фрагменты таких пьес; однако этого достаточно, чтобы подтвердить факт их существования. Вообще говоря, значительная часть того, что мы называем литературой, на самом деле представляет собой драму, прямо или косвенно. Для представления пьес существовал отдельный класс актеров; это доказывается стелой, которую один из таких актеров оставил в Эдфу:

Я сопровождал моего господина в путешествиях и никогда не пропускал свой текст. Я всегда отзывался на реплики моего господина. Если он был богом, я был царем; если он убивал, я возвращал к жизни.

Если бы нам нужно было выбрать один памятник, который наиболее полно отразил бы в себе египетскую цивилизацию, наш выбор, безусловно, пал бы на гробницу. Великие пирамиды – это гробницы. С гробницами связаны заупокойные храмы. Именно в гробницах найдено большинство археологических памятников и документов, позволяющих нам реконструировать культуру Древнего Египта. Необходимо отметить еще и особое значение гробниц – а именно доминирующее значение, которое придавали будущей жизни древние египтяне. Именно о них гораздо увереннее, чем о представителях любого другого народа Древнего Востока, можно сказать, что все их мысли занимала проблема будущей жизни. Более того – и это еще важнее! – впервые эта проблема получила определенное, вполне гармоничное решение. Египтяне верили в будущее воздаяние за дела земной жизни и четко знали срок, в течение которого будет действовать это воздаяние.

Согласно представлениям египтян, после смерти человек предстает перед судом бога иного мира, Осириса. Он читает перед ним «отрицательное признание» в грехах, формула которого дошла до нас в знаменитой Книге мертвых:

Я не поступал несправедливо ни с кем;
Я не убивал людей.
Я не творил зла вместо справедливости.
Я не знаю ничего, что нечисто.
Я не притеснял бедного.
Я не делал того, что мерзко богам.
Не оскорблял я слугу перед хозяином.
Я не причинял никому страданий.
Никого не заставлял плакать.
Я не убивал
И не заставлял убивать.
Я никому не причинял боли.
Я не уменьшал жертвенную еду в храмах.
Я не уносил хлеба богов...
Я не уменьшал меры зерна...
Я не утяжелял гири весов...
Я не отнимал молока от уст младенца.
Я не уводил скот с его пастбищ.
Я не ловил птиц богов,
Не удил рыбу в их водоемах.
Я не задерживал воду в ее время.
Я не строил запруд на текущей воде.
Я не гасил огонь в его время.
Я не удалял скот от имущества Бога.
Я не задерживал Бога при его выходах.
Я чист, я чист, я чист, я чист!

После зачитывания этой декларации сердце умершего взвешивалось на весах перед Осирисом. Если выяснялось, что он безгрешен, его допускали в царство благословенных; но если за ним обнаруживалась какая-то вина, его передавали сорока двум судьям, чьи имена позволяют представить, что его могло ждать: Тот-кто-пожирает-внутренности, Тот-кто-поедает-тени, Тот-кто-ломает-кости и т. п.

В египетской религии мы обнаруживаем, как обычно, не одну, а несколько концепций благословенного царства: иногда говорится, что оно расположено в подземных пещерах в центре пустыни; иногда – чаще – оно располагается в небесах, там есть плодородные поля, которые можно возделывать, а по ночам каждый из обитателей зажигает лампу – это звезды.

Куль мертвых берет начало и объясняется именно взглядами на будущую жизнь. Египтяне обладали вполне четкими представлениями о разнице между телесным и духовным в человеке. В самом деле, духовная часть его делится на душу, дух, имя, тень и, самое главное, неперебиваемое *ка*, божественное и неуничтожимое жизненное начало. Духовная часть человека хотя и покидает тело в момент смерти, но может и хочет время от времени туда возвращаться. Чтобы она имела возможность это делать, тело необходимо сохранить от разложения. Отсюда бальзамирование, одна из самых характерных египетских традиций. Геродот дает нам описание этого процесса: «Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг... Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренностей. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми благовониями. Наконец наполняют чрево чистой растертой миррой, кассией и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью... После этого родственники берут тело назад, изготавливают деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника. Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпальнице, где ставят гроб стоймя к стене».

Довольно грубая картина, согласитесь; но здесь рассказывается о том, как возникает еще один характерный элемент египетской цивилизации – мумия.

В усыпальницу помещают, помимо саркофага, всевозможные подношения. Так умерший сможет продолжать жизнь в спокойствии, ему не захочется возвращаться на землю и преследовать живых: ибо даже в этой цивилизации, самой спокойной и жизнерадостной из всех цивилизаций Древнего Востока, присутствовал определенный страх перед загадочными силами мертвых. Живые обращаются к ним с просьбами, напоминаниями и мольбами о справедливости. Письмо к умершему – типичный жанр египетской литературы. Один из самых поразительных образцов этого жанра – письмо высокопоставленного чиновника к жене, дух которой не дает ему покоя.

Что плохого я тебе сделал? Что я сделал такого, что надо было бы скрывать? Я женился на тебе, когда ты была молодой. Я был с тобой во всех моих делах. Я не пренебрегал тобой, я не причинял тебе страданий. Я всегда делал все так, как ты хотела. Я дарил тебе всяческие подарки. Я заботился о тебе, когда ты болела. Я рыдал над твоей гробницей. Нет, ты не в состоянии отличить добро от зла!

Литературные жанры

Египетская литература дошла до нас частью в форме монументальных надписей – в храмах и гробницах, на статуях и стелах, а частью на глиняных черепках (остраконах) и папирусе. Понятно, что в исторической области преобладают монументальные надписи, а в собственно литературе – остраконы и папирусы, что, кстати говоря, определяет состояние этой литературы. Дело в том, что тексты дошли до нас по большей части в единственном фрагментарном экземпляре, а находили их практически всегда случайно. Есть основания предполагать, что мы знакомы лишь с небольшой частью египетской литературы и наша реконструкция – всего лишь коллекция отдельных элементов, окруженных практически непроницаемой тайной.

Можно было бы сказать, что это же относится и к литературе Месопотамии; но ситуация там не вполне такая же. Во-первых, в Месопотамии копирование и адаптация древних текстов были распространены гораздо шире, чем в Египте, поэтому вероятность того, что важные тексты сохранились, значительно выше. Более того, в Месопотамии, особенно касситского периода, религиозная литература была в какой-то степени «канонизирована», ее собирали в большие библиотеки и тщательно хранили. Поэтому у нас есть все основания считать, что из древнемесопотамской литературы не дошла до нас меньшая и менее важная часть, чем из египетской.

При первом взгляде на египетскую литературу в сравнении с другими литературами Древнего Востока создается впечатление богатства и разнообразия. Мы встречаем новые литературные жанры – к примеру, любовные и застольные песни, любовные истории и сказки; все они дополняют религиозную литературу литературой чисто мирской по содержанию и назначению. С другой стороны, некоторые жанры здесь гораздо менее обширны и независимы, чем в Месопотамии. Это относится, в частности, к мифологической литературе, элементы которой, короткие, фрагментарные и непоследовательные, приходится выискивать среди произведений другого жанра – погребальных текстов. Этот жанр типичен для Древнего Египта и при всем разнообразии форм и содержания отличается завидным единством назначения.

Еще одно впечатление от сравнения египетской и месопотамской литературы – то, что первая менее однородна и менее статична. Начнем с того, что нам известны имена некоторых, хотя и немногих, египетских авторов; кроме того, мы видим, как со временем одни литературные жанры расцветали, другие приходили в упадок, видим развитие новых тем и концепций.

Из этих наблюдений можно сделать общий вывод: в Египте, судя по всему,

существовали прорехи в прочной религиозной ткани, единство и непрерывность которой характерны не только для Месопотамии, но и для всех литератур Древнего Востока. Это явление не результат каких-то позитивных размышлений; причина скорее кроется в более широкой и разнообразной ментальности египтян, богатой даже в самых нелепых своих элементах, все из которых невозможно свести к религиозным представлениям.

Мифологическая литература, как мы уже сказали, в основном включена в погребальные тексты, где встречаются самые несопоставимые темы – все для того, чтобы помочь умершему. В качестве примера можно рассмотреть знаменитую Книгу мертвых – собрание гимнов, молитв и магических заклинаний, в которое включены сказания о происхождении Вселенной и деяниях богов.

Это произведение вполне соответствует состоянию египетской религиозной мысли, хотя в нем нет единого рассказа о происхождении мира, а есть несколько разных версий, причем все они существуют одновременно и не видно ни малейшей попытки как-то согласовать их между собой. Но одна тема появляется с особенной частотой и заслуживает особого упоминания, поскольку уходит корнями глубоко в жизнь Древнего Египта. Это тема первичного холма, который появляется из водного хаоса и порождает солнечного бога – а ему, в свою очередь, суждено дать жизнь остальным богам. Трудно не провести аналогию с природой. Во время разлива Нила древний египтянин видел, как бурлящие воды скрывают под собой землю, а потом медленно отступают; над водой появляется первый маленький холмик, покрытый плодородным илом – залогом будущего урожая. Затем солнце согревает своим живительным теплом только народившиеся растения. Мистико-религиозное воображение египтян отразило этот важный этап в жизни природы на космическое начало и отождествило с картиной первого, начального этапа существования мира.

Самый поразительный миф о богах – несомненно, миф об Исиде и Осирисе, и не только из-за его значительности в религиозном контексте, но и потому, что он послужил источником нескольких драматических произведений, записи о которых дошли до нас. Но здесь возникает та же проблема: у нас нет полной версии мифа. В самом деле, уцелевшие отрывки настолько фрагментарны, что для соединения их в единую картину нам приходится обратиться к рассказу греческого историка Плутарха. По крайней мере, у него есть цельная версия мифа, из которой можно понять, как растительный цикл у египтян закрепился в определенных формах, а также сравнить эти формы с другими известными нам вариантами. Осирис – царь, который устанавливает на земле мир и учит людей возделывать землю; Исида – его жена; Сет – его завистливый брат. Сет прибег к хитрости: он приказал изготовить великолепный саркофаг по точным меркам Осириса; на пиру он показал всем присутствующим этот саркофаг и пообещал отдать его тому, кому он придется точно по мерке. Гости пробуют ложиться в саркофаг, но безуспешно; Осирис, в свою очередь, тоже ложится, и саркофаг оказывается ему точно по мерке. Тут в зал врываются сторонники Сета, закрывают саркофаг и бросают его в реку. Согласно греческой версии, река уносит саркофаг в море, а затем в Библос. Жена убитого, в страшном горе, пускается на поиски тела и после долгих странствий находит его; тогда она обращается к богам. Боги тронуты ее мольбой. Тело Осириса укладывают и обертывают пеленами. Его супруга, превратившись в хищную птицу, летает над ним, овеивая его взмахами крыльев. Неподвижное тело начинает шевелиться, дыхание медленно возвращается. Но Осирис не сможет провести свою новую жизнь среди живых: ему предстоит править царством мертвых и нести им справедливость, которую он прежде установил на земле.

У мифа об Осирисе есть продолжение, известное нам из хорошего египетского источника. Уже после смерти Осириса у Исиды рождается сын, бог-сокол Гор. Повзрослев, он отправляется на поиски убийцы отца, стремясь отомстить за него. Битва между Гором и Сетом продолжается десятки лет и рассказывается как серия эпизодов столкновения ловкости и ярости перед трибуналом богов. Вот, к примеру, описание одного из эпизодов схватки:

Сет поклялся богам великой клятвой, говоря: «Нельзя отдавать ему власть, пока он не победит меня в состязании: мы построим каменные ладьи и поплывем, и тот, кто победит в гонке, получит власть». Тогда Гор построил себе ладью из кедра и покрыл его шпукатуркой и спустил ее на воду вечером, так что никто этого не заметил. Сет увидел ладью Гора и подумал, что она из камня, и он пошел на вершину горы и срезал себе пик и сделал себе каменную ладью в 138 кубитов¹⁹. Затем они отплыли на своих ладьях в присутствии эннеады, и ладья Сета затонула.

При помощи этой и других подобных хитростей Гор в конце концов одерживает верх над противником, и боги объявляют его достойным занять отцовский трон.

Невозможно отрицать, что этот текст грубоват и лишь формально связан с мифом об Осирисе, вдохновленным гораздо более возвышенными религиозными концепциями. Невозможно даже понять, всерьез рассказывает все это автор или иронизирует. Очевидно, что его боги сильно уступают по уровню богам Месопотамии.

Прежде чем закончить рассказ о египетской мифологии, отметим, что в ней совершенно отсутствует фигура героя-полубога, столь характерная для месопотамской, а затем и для греческой эпической поэзии. Еще более интересно отсутствие бесплодной погони за бессмертием, которая движет подобную фигуру. Но как могло быть иначе, если египтяне были совершенно уверены в том, что после смерти возобновят свое существование и будут жить в том мире примерно так же, как в этом?

В Египте времен Нового царства процветала лирическая поэзия, как религиозная, так и мирская. Как и в Месопотамии, религиозную лирику представляют здесь гимны богам и царям. Мы, когда говорили об истории Египта, уже цитировали великолепный гимн Аменхотепа IV. Новая черта этого гимна – в том, что он не ограничивается обычными религиозными формулами, а передает живое впечатление от природы: можно даже сказать, что народам Месопотамии незнакомо было такое полное и радостное восприятие природы. Этот литературный жанр не ограничен, разумеется, рамками правления фараона-реформатора: его черты можно заметить и в более ранних произведениях, как, например, в этом гимне Амону-Ра:

Начало всего сущего, единый,
Единственный, творящий всякую плоть.
Все люди произошли от взора очей Твоих,
А боги от слова уст Твоих.
Ты починаешь рост трав,
Жизнь рыбам речным и птицам небесным...
Все сферы приветствуют Тебя:
В вышине небес,
На поверхности земли,
В глубине морей.
Боги поверглись во прах перед величием Твоим,
Они прославляют душу Творца своего,
Ликут перед лицом зачавшего их и поют:
«Гряди в мире, отче отцов всех богов,
Утвердивший свод небесный над землею,
Начало сущего, Творец всякой плоти,
Владыка Всевышний, Глава богов!»²⁰

¹⁹ Кубит – мера длины, около 50 см.

²⁰ Перевод А.Н. Львова.

Мы уже приводили цитаты из царских гимнов, когда писали о Тутмосе III; имеются также покаянные псалмы и молитвы. Но мы должны двигаться дальше и рассмотреть самый характерный, даже уникальный вид египетской лирики: светскую поэзию. Для начала отметим, что в египетской поэзии имеются свежие и очень нежные любовные песни. Слушая голос этой девицы, трудно поверить, что находишься на Древнем Востоке:

Раза в четыре быстрее колотится сердце,
Когда о любви помышляю.
Шагу ступить по-людски не дает,
Торопливо на привязи скачет.
Ни тебе платье надеть,
Ни тебе взять опахало,
Ни глаза подвести,
Ни душистой смолой умаститься!
О милом подумаю – под руку так и толкает:
«Не медли, не мешкай! Желанной мечты добивайся!»
Ты опрометчиво, сердце мое!
Угомонись и не мучай меня сумасбродством.
Любимый придет к тебе сам,
А с ним – любопытные взоры.
Не допускай, чтобы мне в осуждение сказали:
«Женщина эта сама не своя от любви!»
При мысли о милом терпеливее будь, мое сердце:
Бейся, по крайности, медленней раза в четыре!²¹

А вот жалоба молодого человека, который не видел своей возлюбленной уже целую неделю:

Семь дней не видал я любимой.
Болезнь одолела меня.
Наполнилось тяжестью тело.
Я словно в беспамятство впал.
Ученые лекари ходят —
Что пользы больному в их зелье?
В тупик заклинатели стали:
Нельзя распознать мою хворь.
Шепните мне имя Сестры —
И с ложа болезни я встану.
Посланец приди от нее —
И сердце мое оживет.
Лечебные побоку книги,
Целебные снадобья прочь!
Любимая – мой амулет:
При ней становлюсь я здоров.
От взглядов ее – молодею,
В речах ее – черпаю силу,
В объятиях – неуязвимость.

²¹ Перевод А. Ахматовой.

Семь дней глаз не кажет она!²²

Столь же оригинальна и пиршественная поэзия. Неверное будущее только усиливает стремление веселиться: *carpe diem!*²³ Следующая песня была обнаружена на стене гробницы Нового царства:

Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовониями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство...
Свершай дела свои на земле
По велению своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакивания,
Утомленный сердцем не слышит их криков и воплей.
Причитания никого не спасают от могилы.
А потому празднуй прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно²⁴.

Такие слова вызывают в памяти страдания Гильгамеша; но насколько другой тон, насколько другая обстановка! Даже психологический фон иной: в шумерской поэме Гильгамеш отчаянно цепляется за жизнь; здесь же мы видим отстраненное ожидание смерти.

Завершим мы краткий обзор египетской лирики еще одним замечанием: жалобы или плачи по разрушенному городу, которые в Месопотамии представляли собой отдельный литературный жанр (и снова будут представлять в Израиле), в Египте совершенно отсутствуют. Некоторые ученые пытались отнести к этой категории диалог разочарованного человека с его собственной душой, который мы будем обсуждать позже. Но сходство это поверхностное, поскольку диалог разочарованного человека с душой субъективен, это всего лишь поэтическое выражение человеческой грусти, тогда как плач основан на конкретном объективном факте: разрушении города. Нам кажется, что с месопотамскими и еврейскими жалобами в Египте можно сравнить скорее «пророчества» Ипувера, которые мы цитировали в разделе «Исторический очерк». Собственно, это вовсе не пророчества, скорее рассказ о бедствиях – и неудивительно, что рассказ этот относится к одному из немногочисленных в истории Египта периодов кризиса и разрушения, после которого страна вновь триумфально поднялась. Вообще, у египетской цивилизации было мало времени для воплей и причитаний о бедствиях: в периоды величия их почти не было, а когда наступала катастрофа, было уже поздно.

Поучительная литература практиковалась в Египте с древнейших времен. Коллекции афоризмов разбросаны по всему периоду существования египетской цивилизации, а имена авторов – реальные или выдуманные – передавались из поколения в поколение как символ

²² Перевод А. Ахматовой.

²³ Латинское выражение, означающее «наслаждайся моментом», дословно «лови день».

²⁴ Перевод А. Ахматовой.

мудрости.

Со времен Древнего царства, к примеру, дошли до нас поучения Птахотепа – старого визиря, который просит фараона отпустить его на покой и заменить сыном, которого он, Птахотепа, воспитывал при помощи следующих речений. Вот некоторые из них в разных переводах:

Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых —
И неискушенных совета ищи.
Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть вершин мастерства?
Как изумруд, скрыто под спудом разумное слово.
Находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно...

Если тебе случится быть гостем за столом человека выше тебя, принимай то, что дают тебе, и тогда, когда поставят это перед тобой... Держи взгляд долу, пока он не обратится к тебе, и говори, только когда тебя спрашивают. Смейся, когда он смеется, и это будет приятно его сердцу, и, все что ты делаешь, будет хорошо для него...

Если кто-то обратится к тебе с петицией, выслушай спокойно слова этого человека. Не отталкивай его, прежде чем он скажет все, что пришел сказать. Проситель хочет, чтобы на сказанное им обратили внимание, даже больше, чем получить просимое...

Если ты склонен к добру, заведи себе дом.
Как подобает, его госпожу возлюби.
Чрево ее насыщай, одевай ее тело,
Кожу ее умащай благовонным бальзамом,
Сердце ее услаждай, поколе ты жив!
Она – превосходная пашня для своего господина...

Кланяйся своему начальнику, тому, кто стоит выше тебя среди царских чиновников: твой дом и твое имущество это выдержат, и вознаграждение твое будет надлежащим. Плохо идти против вышестоящего: человек жив, пока он на хорошем месте.

В более поздний период египетской цивилизации, уже на закате, еще одна коллекция афоризмов добавляет к этим полезным советам дополнительную мораль. Это поучения

Аменемопета; их значение подчеркивается еще и тем, что в какой-то степени они послужили образцом для автора библейской Книги притчей:

Если находишь долг бедняка,
Раздели его на три части:
Прости две из них, а третью оставь.
Ты поймешь многое в жизни:
Ты ляжешь и будешь сладко спать,
А утро принесет хорошие новости.

Лучше добрая слава человеколюбца,
Чем полный амбар богатств;
Лучше хлеб с радостным сердцем,
Чем богатства в печали...
Не смейся над слепцом, не дразни карлика,
Не задирай хромого.
Не дразни человека, ведь он в руке Господа,
Не будь суров к нему, если он ошибается,
Ибо человек – глина и солома,
А Бог – строитель:
Он ежедневно сносит строения и возводит новые.

На существование басни в древнеегипетской литературе указывает множество следов; их настолько же много, насколько мало конкретных документальных свидетельств. Единственный уцелевший пример, однако, весьма значителен: это спор между головой и телом. Несложно заметить, что именно это произведение послужило прототипом для одной из басен Эзопа и знаменитой аллегории Менения Агриппы. В эллинистическую эпоху ситуация меняется: мы видим египетские басни в греческом переводе и можем глубже разобраться в вопросе о влиянии Египта на Грецию.

Разговор о поучительной литературе следует закончить грустной поэзией, поэзией уставшей от мира души. Высшее выражение этот жанр поэзии нашел в уже упоминавшемся диалоге – разговоре разочарованного человека со своей душой. Вероятно, он был написан в период кризиса, предшествовавший Среднему царству. Во многом он напоминает месопотамский и еврейский варианты разработки темы страданий праведника, но в египетском тексте страдания эти только подразумеваются, но не подчеркиваются, так что в этом смысле нет и проблемы, которая требовала бы решения. Вместо этого акцент делается на духовные страдания, на тягу к самоубийству – и на сомнение в том, что хотя бы это имеет смысл:

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели.
Кому мне открыться сегодня?
Алчны сердца,
На чужое зарится каждый.
Кому мне открыться сегодня?
Раздолье насильнику.
Вывелись добрые люди.
Кому мне открыться сегодня?
Худу мирволят повсюду,
Благу везде поруганье...
Кому мне открыться сегодня?
В сердцах воцарилась корысть.
Что толку – искать в них опоры?
Кому мне открыться сегодня?
Нет справедливых,
Земля отдана криводушным.
Кому мне открыться сегодня?
Нет закадычных друзей,
С незнакомцами душу отводят...
Кому мне открыться сегодня?
Зло наводнило землю,

Нет ему ни конца, ни края.

Затем автор возносит хвалу смерти:

Мне смерть представляется ныне
Исцеленьем больного,
Исходом из плена страдания.
Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сиденьем в тени паруса, полного ветром.
Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем.
Безмятежностью на берегу опьянения.
Мне смерть представляется ныне
Торной дорогой.
Возвращеньем домой из похода...
Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.

Но правда ли, что хотя бы смерть хороша? А может быть, смерть тоже мучение и тщета? Это сомнение, сформулированное в разговоре разочарованного человека со своей душой, вызывает в памяти другой разговор – месопотамский диалог хозяина и раба. В заключение – еще одна параллель: доля обоих собеседников, какой бы она ни была, будет для них общей.

Повествовательный жанр был широко распространен в Египте, как в форме романтической истории на историческом фоне, так и в форме сказки. К первой категории можно отнести произведение времен Среднего царства, классическое по языку и стилю; оно справедливо считается важнейшим и значительнейшим произведением этого жанра в древнеегипетской литературе. Это история Синухе.

Синухе – аристократ, вынужденный из-за дворцовых интриг бежать от двора и искать прибежище у племени бедуинов в Азии. Автор явно обладает первоклассным даром рассказчика:

Это красная земля, имя ей – Иаа. Там росли фиги и виноград, и вина было больше, чем воды, и мед в изобилии, И много оливкового масла; на деревьях всевозможные плоды; ячмень, и пшеница, и бесчисленные стада скота. Велики были выгоды мои из-за любви его ко мне.

Синухе выбирают вождем племени, он завоевывает уважение и любовь кочевников. Но вождь другого племени, человек, которого все боятся, вызывает его на битву. Следует поистине эпическое описание:

Пришел силач Ретену. Вызвал он меня в патре моем на поединок. Это был смельчак, и не было равного ему. Покорил он страну Ретену от края до края. Сказал он, что хочет биться со мной. Думал он убить меня. Задумал взять в добычу стада мои... С наступлением ночи натянул я тетиву лука моего, уложил стрелы мои в колчан, дал легкий ход мечу моему в ножнах, начистил оружие мое. Когда озарилась земля, народ Ретену пришел, собрались племена его и соседние народы, – силач изготовился биться. И вот двинулся он на меня. Мужчины и женщины зашептали – каждое сердце болело за меня. Думали люди: «Кто может сразиться с ним?» Щит его, топор его и все дротики его выпали из рук его, – я принудил его выпустить из рук все оружие. И колчан его заставил я опорожнить – все стрелы до последней, одна за другой, пролетели мимо. И тогда бросился он на

меня. И я застрелил его – стрела моя застряла в шее его. Закричал он и упал ниц. Я прикончил его топором и издал клич победы на спине его.

Эта победа закрепила положение Синухе. Но шли годы, и его охватила тоска по родине. В рассказе возникает элегическая нота:

О бог, предначертавший мое бегство, кто бы ни был ты, будь милосерд, приведи меня в царское подворье! Быть может, ты дашь мне узреть края, где сердце мое бывает что ни день. Что желаннее погребения в той стране, где я родился? Приди мне на помощь! Прошедшее – прекрасно: даровал мне бог милость свою. Ныне вновь да будет милость его, да украсит он кончину того, кого прежде унизил. Сердце его болело за изгнанника на чужбине. И сегодня он полон милости и внимает мольбе издалека.

Мечта Синухе исполняется. Фараон призывает его и встречает великими почестями. Он вновь пользуется всеми преимуществами жизни в Египте:

Стерли следы годов с тела моего, побрили меня, причесали волосы, пустыне оставил я мерзость, ветошь – скитающимся в песках. Одет я в тонкое полотно, умащен самолучшим умщением и лежу на кровати. Оставил я пески живущим в них и деревянное масло – умащающимся им. Дали мне дом владельца сада, он был царским другом. Множество мастеров строили дом, и каждое дерево посажено заново. Кушанья приносили мне из дворца три и четыре раза в день, не считая того, что давали царские дети, и не было ни в чем промедления. Построили мне пирамиду из камня среди пирамид. Начальник над строителями измерил место для постройки. Начальник над художниками писал изображения, начальник над ваятелями работал резцом. Начальник над зодчим города Вечности следил за пирамидой. Все, что кладут обычно в гробницу, было наготове. Назначили жрецов для посмертных священнослужений. Отвели посмертный надел с полями в должном месте, как подобает царскому другу первой близости. Изваяние мое украшено золотом, набедренник из тонкого золота. Его величество повелели сделать так. Нет человека толпы, которому сотворили подобные благодеяния! И был я в милости у царя по день смерти²⁵.

На этом повествование заканчивается. Синухе выполнил высочайшую задачу любого египтянина: умереть в мире в своей земле, приготовив заранее достойную усыпальницу. Цель достигнута, египетские идеалы утверждены; неудивительно, что эта история стала национальным эпосом.

Одна из самых древних и занимательных выдуманных историй – сказка о моряке, потерпевшем крушение. Она интересна во многих отношениях. Неизвестный египтянин так описывает свои приключения:

Спустился я к морю, и вот – судно: сто двадцать локтей в длину и сорок в ширину и сто двадцать отборных моряков из Египта. Озирают ли они небо, озирают ли землю – сердце их неустрашимее, чем у льва.

Но разразилась буря, и судно разбилось. Один только рассказчик целым и невредимым достигает какого-то острова, где находит всевозможные чудесные цветы и плоды. Вдруг раздается страшный шум, будто удар грома; деревья скрипят, и земля дрожит:

Когда же раскрыл я лицо свое, то увидел, что это змей приближается ко мне. Длина его – тридцать локтей. Борода его – больше двух локтей. Чешуя его – из

²⁵ Отрывки из истории о Синухе приведены в переводе М.А. Коростовцева.

золота, брови его – из лазурита, тело его изогнуто кверху. Он разверз уста свои предо мной, я же лежал распростершись ниц. Сказал он мне: «Кто принес тебя сюда, кто принес тебя, малыш? Кто принес тебя? Если замедлишь назвать мне его, то гляди, изведешь превращение в золу, исчезнешь, и никто тебя не увидит». Отвечал я ему: «Вот, ты говоришь со мной, а я не понимаю. Ниц распростерт я перед тобой». И я обмер от страха. Тогда забрал он меня в пасть свою, и отнес в жилище свое, и положил на землю, невредимого, ибо я был цел и члены мои не оторваны от туловища. И отвел он уста свои, я же простерся на чреве ниц перед ним. Сказал он мне: «Кто принес тебя сюда, кто принес тебя, малыш? Кто принес тебя на этот остров средь моря, берега которого – волны?»

Моряк рассказал змею о своих злоключениях, и тот отвечает:

Не бойся, не бойся, малыш, не закрывай от страха лица своего здесь, предо мною. Вот бог даровал тебе жизнь, он принес тебя на этот остров ка. Нет такого, чего бы на нем не было, он полон всяким добром. Вот ты проведешь, месяц за месяцем, четыре месяца на этом острове, пока не придет из царского подворья судно, и люди на нем – твои знакомцы. С ними ты вернешься в царское подворье и умрешь в городе своем. Как радуется повествующий о былых горестях, ибо страдание миновало!

В благодарность потерпевший кораблекрушение обещает прислать змею богатые дары из Египта; но змей только смеется: все эти дары происходят с его острова; именно он снабжает ими Египет. Нет, в дарах нет нужды, единственное, что потерпевший кораблекрушение может сделать для змея, – это позаботиться о том, чтобы имя его стало известным и почитаемым.

Распростерся я ниц перед ним, сложив почтительно руки. Он даровал мне груз мирры, иби, хекену, нуденба, хесанта, даровал черни для глаз, хвосты жирафов, большую грудку ладана, слоновьи клыки, охотничьих собак, обезьян и всякое прекрасное добро. Погрузил я все на судно и распростерся ниц, чтобы воздать ему хвалу. Тогда сказал он мне: «Вот достигнешь ты царского подворья через два месяца. Обнимешь ты детей своих и помолодеешь в царском подворье и там же будешь погребен». Тогда спустился я к берегу, туда, где стояло судно, и окликнул людей, которые были на нем. И воздал я хвалу владыке этого острова, и моряки на судне – также²⁶.

Так потерпевший кораблекрушение, подобно Синухе, смог вернуться на родную землю и там приготовить для себя достойную усыпальницу.

Как мы уже сказали, в этой истории много интересного. Во-первых, она рассказана не сама по себе, как изолированная история, а имеет обрамление: некий капитан вернулся из путешествия, не выполнив поручения фараона, и боится предстать перед ним; потерпевший кораблекрушение рассказывает ему свою историю как пример того, что разумные речи могут спасти человека. Вероятно, это была не единственная рассказанная история, поскольку капитан, услышав ее, все еще был в печали; вполне возможно, что в том же обрамлении была целая цепочка подобных рассказов. Эту технику позаимствуют другие рассказчики Востока, а позже – и западные авторы.

Еще один интересный момент в рассказе моряка – последовательность и прямота, даже при изложении совершенно фантастических элементов. В других историях часто не так, погоня за волшебным и грандиозным побеждает всякое правдоподобие. Возьмите, к примеру, знаменитую сказку о двух братьях Анупу и Бата, написанную во времена Нового

²⁶ Отрывки сказки о моряке приведены в переводе М.А. Коростовцева.

царства. Это сложная история о чудесах и превращениях, оказавшая, похоже, некоторое влияние на романистов позднейших эпох. Пересказать ее в подробностях было бы очень трудно, но мы можем взглянуть на ее первую часть, самую последовательную и наименее фантастичную. Это древнейший образец темы, которая со временем распространилась невероятно широко:

Рассказывают, что были два брата, родившиеся от одной матери и одного отца. Анупу – так звали старшего, звали меньшего Бата. Были у Анупу и дом и жена, а меньшой брат был ему наместо сына.

Но жена Анупу снедаема вожделением к Бате. Пользуясь отсутствием мужа, она пытается соблазнить его:

Она встала, и обняла его, и сказала ему: «Идем полежим вместе час. На пользу будет это тебе – я сделаю тебе красивую одежду». Тогда юноша стал подобен южной пантере в гневе [...] из-за скверных слов, которые она произнесла, и она испугалась весьма. И он заговорил с ней и сказал: «Как же это? Ведь ты мне наместо матери, а твой муж наместо отца, ведь он старший брат, он вырастил меня. Что за мерзость ты мне сказала! Не повторяй ее мне никогда, и я не скажу никому, и замкну уста свои, чтобы не услышал об этом никто из людей».

Дурная женщина планирует страшную месть за этот отказ:

И вот, когда наступил вечер, старший брат пошел в дом свой, а меньшой погнал скот, нагрузившись всяческим полевым добром. В селение погнал он скот свой, чтобы спал скот в хлеве своем ночью. И вот жена старшего брата была в страхе из-за слов, которые она сказала. Взяла она жир и натерлась им, словно бы перенесла побои, – чтобы сказать своему мужу: «Это брат твой меньшой избил меня». А муж возвратился вечером, как и всякий день, по заведенному порядку. Вошел он в дом свой и застал жену свою лежащей и якобы больной. Не полила она воды ему на руки, как обычно. Не зажгла света перед ним, и дом был во мраке. Она лежала, жалуясь на тошноту. Муж сказал ей: «Кто обидел тебя?» Она сказала ему: «Никто не обижал меня, кроме твоего брата меньшого. Пришел он взять для тебя зерно, и застал меня одну, и сказал мне: «Идем полежим вместе час...» Так он сказал. Но я не стала слушать его. «Разве я не мать тебе? Разве твой брат тебе не наместо твоего отца?» Так я сказала ему. Он испугался и избил меня, чтобы я не рассказывала тебе»²⁷.

Анупу решает убить брата, но коровы – друзья Баты – вовремя предупреждают его, и он успевает бежать. Его ждут чудесные и совершенно невероятные приключения, о которых мы уже говорили.

Помимо чисто литературных текстов, существует и множество других, о которых мы не будем говорить подробно. Существуют уже упоминавшиеся исторические хроники. Есть списки имен и предметов, но нет более глубоких лингвистических работ, какие мы видели в Месопотамии, – знаковых таблиц и словарей. Есть школьные упражнения, важные для нас, ибо в них сохраняются тексты, которые иначе оказались бы утеряны. Есть письма, позволяющие нам заглянуть в частную и семейную жизнь египтян. Есть научные труды, среди них – труды по астрономии и математике (не достигшие, кстати говоря, таких высот, как в Месопотамии), а также по медицине. В них, среди магических формул, можно встретить достаточно интересные диагнозы:

²⁷ Отрывки сказки о двух братьях приведены в переводе М.А. Коростовцева.

Если ты осматриваешь человека, страдающего запором, с бледным лицом и сильно бьющимся сердцем, а при осмотре обнаруживаешь, что у него горячее сердце и раздутый живот... он съел разогревающую пищу. Приготовь микстуру, чтобы вымыть из его тела разогревающие вещи и освободить внутренности...

Наконец, есть юридические документы, о которых мы немного поговорим; мы считаем, что они демонстрируют нам самый поразительный контраст между Египтом и остальным ближневосточным миром. В Месопотамии, как мы уже видели, закон основывался на «кодексе», который царь получает от бога и объявляет народу. В Египте до сих пор не найдено ни одного кодекса законов. Если это не совершеннейшая случайность – а такое маловероятно, – мы должны предположить, что суд в Египте основывался на личных решениях фараона и традициях. У нас есть документы, имеющие отношение к юридической практике, – можно упомянуть, к примеру, привилегии, дарованные храмам и их служителям. Вот образец периода 5-й династии:

Я не позволяю никому брать никого из проповедников в номе на барщину или на другие работы в номе, за исключением служения непосредственно богу в храме, в котором он находится, и работ по сохранению храма, в котором находятся пророки.

Есть также записи о судебных процессах – к примеру, над группой заговорщиков во времена Рамсеса III. Обвиняемые один за другим предстают перед судьями:

Тяжкий преступник Пабекикамен, который был главой помещения. Он был приведен из-за заговора, который он сделал вместе с Ти и женщинами гарема. Он объединился с ними. Он стал передавать их речи вовне, их матерям и их братьям и сестрам, говоря: «Волнуйте народ! Поднимайте возмущение, чтобы сделать восстание против их владыки». Он был поставлен перед великими чиновниками залы допроса. Они рассмотрели его преступления. Они нашли, что он говорил их. Его преступления схватили его. Чиновники, которые допрашивали его, дали его наказанию постигнуть его.

Очевидно, таким образом, что сама по себе судебная процедура не была чем-то исключительным; но если задаться вопросом, на каком основании судьи выносили свои решения, то мы не обнаружим никаких признаков объективной кодификации, которая помогла бы им работать независимо от монарха. Фараон, как воплощенный бог, является постоянным и единственным источником закона, и без него закон не имеет ни силы, ни значения.

Итак, в заключение нашего обзора египетской литературы мы вновь возвращаемся к тем чертам, которые мы признали принципиально важными для древнеегипетской цивилизации. Из трех составных частей космоса – боги, царь и народ – вторая часть поднимается до уровня первой. Противоречия между первыми двумя категориями нет и быть не может, поэтому третьей составной части – народу – остается одно: повиноваться единственному высшему приказу.

Художественные типы

Египетское искусство, как и все искусство Древнего Востока, преследовало в основном сугубо практические цели – в рамках религиозных представлений, разумеется: если речь шла о строительстве, то строились жилища или гробницы для богов и царей; статуи высекались для того, чтобы душа умершего могла вернуться на землю в привычной форме; рельефы и рисунки в усыпальницах должны были помочь человеку воочию увидеть картины загробной жизни. Более того, в Египте искусство тоже рассматривается как ремесло – а потому, как

правило, коллективно и анонимно. К примеру, если бы художнику позволено было поместить свое имя или портрет на стену гробницы, то магические силы задействованных заклинаний передали бы ему незаслуженную долю погребальных приношений и всего, что в новой жизни предназначалось для умершего, – в том числе удобств и развлечений.

Таким образом, в принципе египетское искусство вполне укладывается в общую схему древне-восточного окружения; но только в принципе – за пределами самых общих положений эта параллель не работает. Так, если искусство остальных древне-восточных цивилизаций практически не рассматривает частную и семейную жизнь людей, то египетские художники находят в частной жизни постоянный и чрезвычайно богатый источник вдохновения. Но самое главное, египтяне обладали инстинктивным художественным чутьем, которое часто позволяло им выйти за пределы традиционных схем и достичь немедленного живого эффекта – очень субъективного, глубоко и элегантно гармоничного. Реализм и динамизм художественных произведений Египта таковы, что сравнивать их с неуклюжими и статичными творениями остальных цивилизаций Востока можно только по контрасту. Французский ученый Дерош-Нобль-кур удачно сказала, что в процессе выполнения заказа скромный египетский художник умел выходить за пределы ограничений, налагаемых на него подчиненным положением и средой: «Только в очень редких, исключительных случаях знаем мы имя автора: профессиональная гордость была ему совершенно недоступна; но художник самым благородным образом преодолевал тот факт, что он не в состоянии был заявить о себе. Даже если заказчик хотел, чтобы статуя была неподвижна, как мумия, он умудрялся вдохнуть в свои творения жизнь, которая действует на нас еще сильнее благодаря тому, что глубока и потому раскрывает перед нами самые потаенные чувства автора и красоту его души. Именно богатство внутренних чувств позволяет художнику, несмотря на однообразие тем и традиционность приемов, придать своим рельефам неожиданный реализм движения и жеста, очень точно изобразить все подробности и оттенки повседневной жизни, включая ее комические и радостные черты. В рисунках же возникают новые темы, полные спонтанности, рожденные свежим и ничем не связанным вдохновением, – до такой степени, что частное искусство в конце едва ли не начинает оказывать влияние на официальное искусство».

Даже статичность, характерная для искусства остального Востока, пропадает в порыве спонтанного и реалистичного вдохновения. Несомненно, существует египетский стиль, четкий и безошибочно узнаваемый, а в нем – связность и гармония как продолжение традиции, для которой долгий и почти неизменный ход египетской истории служил практически идеальной средой. Но в пределах этого органичного обрамления художественные формы и объекты развивались и сменяли друг друга в ходе ясно различимого исторического процесса; в самом деле, египетское искусство можно обсуждать только в его историческом развитии.

В египетском искусстве два заметных пика: Древнее царство – эра пирамид, когда искусство расцвело, можно сказать, неожиданно, но было уже монументальным по форме, зрелым и утонченным в деталях; и Новое царство – эра величественных фиванских храмов, когда традиционное наследие обогатилось широким спектром свежих мотивов.

Так что в египетском искусстве нет эволюции как таковой – нет развития от низших форм к высшим, от простоты к сложности; зато есть история, где цивилизация проявляется во всей своей силе и факторы которой изменяются и сменяют друг друга в рамках органичного традиционного обрамления.

Если в Месопотамии главной задачей архитектуры было строительство храма, то в Египте – это гробница, которая должна обеспечить умершему, в особенности богу-царю, полное и радостное существование в загробном мире. Давайте посмотрим, как формировалась и менялась со временем структура гробницы. Древнейший ее тип, из которого постепенно развились остальные, – это мастаба, невысокая усеченная пирамида, под которой вертикальная шахта вела в глубь земли, к погребальной камере с саркофагом. В

самой пирамиде также устраивалось одно или несколько помещений, в том числе молельня с нишей для статуи умершего. На одной из внешних стен из камня высекался контур ложной двери со столом для приношений перед ней; считалось, что жизненная сущность умершего выходит на зов тех, кто пришел с подношением. С самого начала внутренние стены мастабы богато украшались рисунками и барельефами, изображающими жизнь умершего в загробном мире.

При наложении друг на друга нескольких мастаб постепенно уменьшающегося размера получилась ступенчатая пирамида; самый известный пример такой пирамиды находится в Саккаре и относится к времени фараона Джосера из 3-й династии. Внешне ступенчатая пирамида выглядит точно так же, как месопотамский зиккурат. Обсуждая шумеров, мы уже отмечали, что взаимное влияние этих двух архитектурных форм несомненно, хотя сказать что-нибудь более определенное трудно; кроме того, влияние, вполне возможно, касалось скорее формы, нежели содержания и функции сооружения.

Однако развитие этих двух архитектурных типов не было одинаковым. Если месопотамский зиккурат на протяжении тысяч лет оставался практически неизменным, его формы лишь оттачивались и доводились до совершенства, то ступенчатая пирамида в период 4-й династии решительно изменяется, порождая новый тип, который затем уже остается неизменным: это настоящая пирамида с гладкими, ровными стенами из равнобедренных треугольников на квадратном основании. Самый знаменитый пример такой пирамиды, которую мы можем рассмотреть в качестве образца, – это пирамида Хеопса: ее основание имеет стороны длиной 130 м, а высота составляет 145 м. Погребальная камера встроена в пирамиду, и к ней ведет сложная система коридоров. Как правило, пирамиды входят в архитектурную группу, включающую в себя заупокойный храм и крытую галерею, которая ведет вниз, к долине реки, и заканчивается вестибюлем.

С течением времени пирамида уменьшается в размерах и значении. Так, во времена Нового царства преимущественным типом царской усыпальницы становится подземный склеп, высеченный в сплошной скальной породе. Тщательно спрятанный вход и настоящий лабиринт коридоров подтверждают мысль, которая возникает при первом же взгляде на новый тип гробницы: своим происхождением он обязан страху перед расхитителями гробниц. Из древних текстов ясно, что и тогда случаи воровства были нередки. Эти же соображения заставляют выбирать для гробниц отдаленные места, куда трудно добраться. Одно из таких мест – Долина царей к западу от Фив, где была обнаружена богатейшая гробница Тутанхамона и множество других царских усыпальниц. Еще одно такое место – Долина цариц, чуть дальше к югу, где расположены гробницы жен и детей фараонов.

Уже в первых египетских гробницах мы видим новую черту: масштабное использование камня в качестве строительного материала. Это первые на Древнем Востоке каменные строения. Использование камня по самой природе своей противопоставляет египетское искусство ранним формам искусства Месопотамии. Камень выполняет в египетском храме и дворце самые разные функции. Вообще, и в Месопотамии, и в Египте существовала тяга к масштабным и грандиозным сооружениям; но в Месопотамии не строили из камня и, соответственно, не делали настоящих опорных колонн; поэтому там преобладали непрерывные массивные стены. В то же время активное использование в архитектуре несущих колонн позволяло египтянам строить здания стройных и легких очертаний; свободное пространство внутри их тоже весьма искусно использовалось.

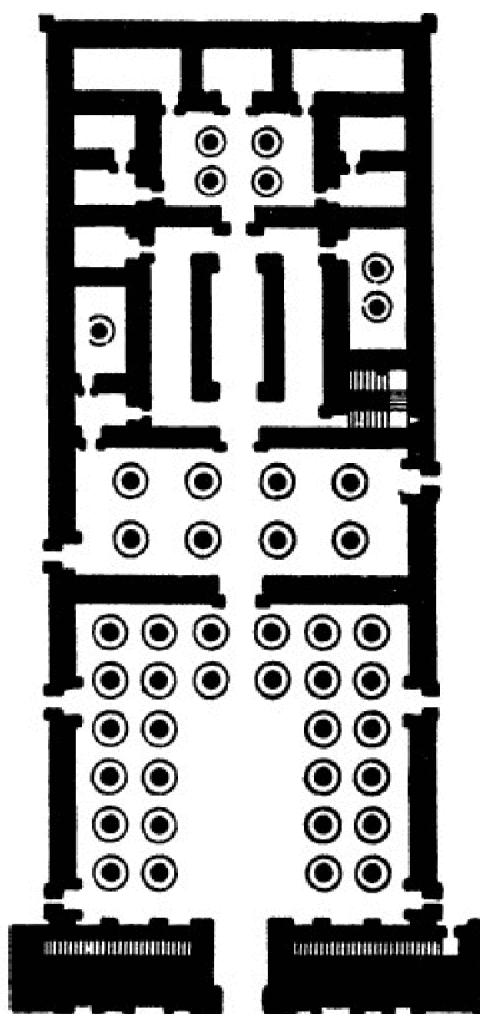

Рис. 3. План египетского храма

Эволюционный процесс, элементы которого можно различить лишь частично, приводит храм к его классической форме времен Нового царства (рис. 3). Как правило, подход к храму осуществляется по аллее, обрамленной сфинксами. Перед воротами стоят два обелиска и по башне с каждой стороны. Ворота ведут на большой открытый двор, окруженный портиком с одинарным или двойным рядом колонн. Затем, на более высоком уровне, идет большой зал с колоннами; параллельные ряды колонн делят его на пять нефов (фото 26). За ним, на еще более высоком уровне, – третья секция храма, которая содержит святилище бога с его статуей; вокруг него располагаются другие комнаты для различных божеств и жрецов. Как мы уже указывали, по мере приближения к трону бога уровень храма неизменно повышается; параллельно идет переход от ярко освещенного открытого двора к почти полному сумраку святилища.

С только что описанной архитектурной схемой связаны несколько дополнительных элементов. Во-первых, это сфинксы, о которых мы поговорим в разделе, посвященном скульптуре. Затем обелиски – характерный тип гранитной четырехгранной колонны с высеченными на всех четырех гранях надписями; мы знакомы с этими обелисками по образцам, вывезенным в Европу и украшающим теперь европейские города. Колонны в храмах были, как правило, двух основных типов: пальмовидные колонны с гладкой поверхностью и капителью в виде раскидистых пальмовых листьев; и лотосовидные колонны с желобчатой поверхностью и капителью в виде более или менее раскрытых цветков лотоса. Наконец, и стены храма, и колонны украшены рельефами с изображением подвигов фараона и историческими надписями с их описанием.

Мы уже упоминали заупокойный храм, строившийся в комплексе с пирамидой еще со времен Древнего царства; в период Нового царства он тоже достигает высшей точки развития. Красивейший из таких храмов – который, однако, нельзя принять за образец – это храм в Дейр-эль-Бахри, построенный по приказу царицы Хатшепсут. В естественном скальном амфитеатре перед вами встают две крытые галереи, а над ними – святилище, которое представляет собой несколько молельных залов, высеченных в горном склоне.

В гражданской архитектуре мы имеем лишь разрозненные остатки царских дворцов; но, насколько нам известно, они строились по тому же принципу, что и крупные загородные особняки, примеров которых у нас довольно много. Они состоят из трех основных секций: входного зала с колоннами; центральной приемной, тоже с колоннами, с приподнятой платформой с каждой стороны и очагом в центре; третья часть включала личные покои, ванные комнаты и кухни. Кроме того, там имелись помещения для слуг и сад перед входом. Городские дома, очевидно, были менее просторными; реконструкции показывают, что в Египте, в отличие от Месопотамии, имелись дома высотой больше одного этажа.

Если в Месопотамии искусство скульптуры было развито в очень ограниченной степени, то в Египте оно расцвело безмерно. Здесь не было никаких ограничений по материалу, – и, кстати говоря, египетские скульпторы не боялись использовать и другие материалы (к примеру, дерево, в котором они достигли превосходных результатов). Человеческие фигуры преобладают в рамках четко определенного стиля, который тем не менее не сковывает и не искажает работу художника.

В египетской скульптуре, несомненно, имеются собственные каноны, включая как геометрический принцип, который мы уже отмечали в искусстве Месопотамии (с необходимыми изменениями), так и закон фронтального изображения, вообще характерный для Древнего мира. К этим принципам следует добавить тот факт, что целью художника является изображение не факта или события, а человека, личности. В особенности это относится к статуям богов и фараонов, в которых даже поза жестко задана и ограничена несколькими каноническими типами (сидящий на троне или стоящий прямо с одной ногой впереди, но в совершенно статичной позе).

Однако в противовес сравнительному стилистическому единству позы в изображении черт лица наблюдается большое разнообразие. Справедливо замечено, что за этим стоит, в частности, религиозный мотив: поскольку статуя должна служить прибежищем духу умершего при возвращении его в этот мир, сходство должно быть безошибочным и вообще наилучшим. Древним египтянам художественных способностей было не занимать, поэтому лица их статуй живо свидетельствуют о наблюдательности, о чудесном многообразии тем, о силе самовыражения. И это не все: судя по всему, художник пытается через физические черты выразить глубинную сущность личности человека, иногда намеренно сглаживая яркие черты и организуя их в благородном спокойствии, иногда, наоборот, заостряя их в тревожном беспокойстве. Так, в истории египетской скульптуры мы находим сочетание и чередование двух тенденций: с одной стороны, сдержанной и спокойной, почти идеалистичной; с другой – отмеченной подчеркнутым реализмом. Но в обоих случаях мы далеки от застывшего и однообразного традиционализма и стилизованного символизма, характерных для месопотамского искусства.

В Египте художественное совершенство, как мы уже знаем, возникло не в результате эволюции. Даже Древнее царство может похвастать первоклассными достижениями. Одно из них – произведение этого периода, в котором наилучшим образом проявилось сочетание канонической геометричности, с одной стороны, и совершенно субъективного выражения – с другой. Это луврский писец (фото 17). Писец сидит скрестив ноги, с развернутым свитком папируса на коленях; все части скульптуры идеально пропорциональны и согласованы. Но стоит взглянуть на резкие черты, выдающиеся скулы, длинные, подвижные, чуть поджатые губы и живые глаза, – и мы видим человека, личность во всей ее полноте и выразительности. В очерке, посвященном искусству Египта, Донадони пишет: «Самая абстрактная

геометрическая схема реализуется самыми очевидно натуралистичными средствами. Художник думает кубами, или сферическими поверхностями, или цилиндрами и создает композицию в соответствии с математически пропорциональной схемой. Эта фигура легко могла бы послужить иллюстрацией к геометрическим теоремам, если бы мы могли хоть на мгновение абстрагироваться от ее настоящего значения. Но абстрагироваться нам не дано, это совершенно невозможно. Вера скульптора в изобразительные возможности его геометрии так точно совпадает с его египетской верой в реальность и египетским отвращением к украшательству, что ошибка невозможна. Он заново создал человеческую натуру, свою собственную, придав новый порядок эмпирической случайности того, что неживая природа поставила перед ним; он придал своему творению значение и ценность. Точно так же, как физический закон не меняет мир явлений, но упорядочивает его для нас, так и эта статуя организует бесформенную и неопределенную действительность печатью человечности».

Вообще говоря, противостояние между идеалистической и реалистической тенденциями в египетском искусстве не проявляется явно до периода Нового царства. Здесь же мы видим, с одной стороны, изящные гармоничные линии и спокойное выражение лица, смягченное легкой улыбкой; в качестве примера можно привести статуэтку генерала, хранящуюся в Каирском музее (фото 18). С другой стороны, мы видим также яростную жажду реализма, за которой стоит религиозный кризис, находящий выражение в таких работах, как статуя Менофиса IV, также из Каирского музея (фото 19). В этом костистом лице с пухлыми губами и острым подбородком художник пошел дальше самой реальности.

Видя, что характерной чертой египетской скульптуры было правдивое отображение природы, мы не должны делать вывод, что эта верность истине исключает в произведениях египтян фантастические элементы, тем более те, что относятся к сфере религиозных представлений и верований.

Напротив, нигде, возможно, воображение не переплеталось так тесно с реальностью или, скорее, не принималось как некая высшая реальность. В скульптуре примером такого слияния может служить такой типично египетский памятник, как сфинкс. Древнейший и монументальнейший из всех, сфинкс из Гизы (фото 20) первоначально был скалой, напоминавшей своими очертаниями лежащего льва. Человеческие руки усилили и подчеркнули это сходство, высекли из камня человеческую голову, – и в результате возник величественный символ могущества фараонов. Позже сфинкс стал отдельным видом статуи, вход в храмы охраняли уже целые аллеи сфинксов; в каком-то смысле сфинкс стал египетским эквивалентом тех гигантских фантастических животных, которые устанавливались в воротах месопотамских святилищ.

В Египте барельеф и роспись составляют практически один художественный жанр с общими техниками (ибо рельефы часто разрисовывались) и темами. И то и другое получило очень широкое развитие; и если по количеству рельефов Месопотамия еще может выдержать сравнение с Египтом, то в отношении росписи все совсем не так: от месопотамских росписей до нас дошли лишь отдельные фрагменты, причем очень плохо сохранившиеся, а образцы египетской живописи многочисленны и в прекрасном состоянии.

В отношении теоретических принципов египетское искусство очень похоже на остальной мир Востока, в их практическом применении – оно уникально. Египетский художник, как и его месопотамский собрат, подходит к проблеме изображения объективно, а не субъективно и рисует фигуры людей и предметы такими, какие они на самом деле, а не какими кажутся. Тем не менее внутренне присущее художественное чувство помогает ему избежать механического наложения планов; он предпочитает выдерживать единый план изображения, в котором может найти решение своих проблем, не создавая очевидного противоречия с реальностью. В египетском искусстве тоже имеется множество традиций, определяющих изображение человеческой фигуры. В основном правила здесь те же, что и в Месопотамии: лицо изображается в профиль, но глаз показывается фронтально; плечи и таз

изображаются фронтально, руки и ноги – в профиль. Но все элементы объединяет гармоничная свобода, которая уменьшает или совсем устраняет впечатление неподвижности. Более того, движение присутствует; то самое движение, которого не хватает месопотамским фигурам, здесь утверждается с полнотой, которой совершенно не мешает сдержанность стиля.

Барельеф и рисунок находят практическое выражение в двух типах памятников: на храмовых рельефах преобладают военные сцены, а рельефы и росписи на стенах гробниц черпают сюжеты преимущественно из частной и семейной жизни. В этих сюжетах – первое и главное отличие от искусства остального Древнего Востока, где искусство всегда публично и официально. Как мы уже видели, египтяне не просто изображали частную жизнь отдельных людей, но изображали ее во всем разнообразии форм, вплоть до игр и танцев. В начале этой главы мы уже описывали изображения на стенах гробницы: в них не только красноречивый реализм статуй, но и элегантная свежесть громадного разнообразия тем, жизнерадостный и веселый взгляд на жизнь, любовь к смеху и шуткам, которые, можно смело сказать, были неизвестны остальным народам Древнего Востока.

Часто встречаются групповые сцены, так что мы можем – с необходимыми коррективами – повторить сказанное об ассирийских рельефах: они предназначены запечатлеть, а не украсить, они отражают жизнь, хотя и будущую, не хуже письменных рассказов. Но для иллюстрации сделанных замечаний нам удобнее взять отдельные изолированные фигуры. Возьмем портрет музыкантши из фиванской гробницы (фото 21): чистый и тонкий профиль лица, стройные и гибкие линии фигуры с намеком на чувственные удовольствия, легкое драпирующее одеяние, грация рук и пальцев, держащих инструмент, – все выражает спокойную радость и гармоничное наслаждение жизнью. Еще один пример – птица в ветвях из гробницы в Бени-Хасане (фото 22): та же верность натуре, та же простота и чистота линий, то же веселое спокойствие. Таково первое впечатление, которое производит на человека египетская цивилизация, и на этом мы закончим разговор о ней.

Из огромного количества произведений малых форм нам следует по крайней мере упомянуть резчиков по дереву, и в первую очередь мастеров-мебельщиков; у нас есть образцы египетской мебели, датируемые еще Древним царством; затем стекло, которое начали изготавливать в период Среднего царства; тщательно проработанные бронзовые изделия; и, конечно, украшения, которых тоже уцелело немало. Но в конце рассказа о Египте нам бы хотелось подвести некий итог, кратко сформулировать природу и задачу египетского искусства. Египет располагается на границе Древнего Востока и, несомненно, разделяет с другими цивилизациями принципы и характерные особенности этого мира. Однако египетский взгляд на человеческую жизнь и природу, способность к изображению этой жизни, классический, если так можно выразиться, ритм египетского стиля и, наконец, выражение чувств формируют прелюдию к тому, что позже станет достоянием Греции и западной цивилизации. Но была ли там подлинная преемственность? Была ли непосредственная передача опыта? Мы бы не взялись это утверждать, да это и не важно. Египетское искусство живет своей собственной жизнью, отражая жизнь «оазисной цивилизации», какой, собственно, и является цивилизация Египта. Если же мы зададим вопрос, в чем же тогда его значение и функция, то ответом на него могут стать слова Донадони, завершающие книгу, которую мы уже цитировали: «Египетское искусство не пережило арабского завоевания. Оно не осталось как живая действующая традиция, которая передается из поколения в поколение, несмотря на меняющиеся взгляды и ценности. Но это не дает нам права сказать, что египетское искусство – мертвое искусство: ибо искусство живет не только тогда, когда дает жизнь другому искусству, но и тогда, когда оно открыто для любого, кто пытается понять его проблемы и причины его существования. Тот факт, что хронологически жизнь египетского искусства закончилась в далеком прошлом, не мешает нам переживать его вновь и вновь и переносить в то вечное настоящее, в котором любой человеческий опыт может стать живым элементом нашего личного опыта».

Часть третья Катализаторы

Глава 5 Хетты и хурриты

Средние века Древнего Востока

Около 1500 г. до н. э. – эта дата очень приближительна – в истории древнего Ближнего Востока произошли глубокие структурные сдвиги. До этого момента историю этого региона двигали две великие силы – Египет и Месопотамия. Благодаря особым природным условиям в долинах больших рек цивилизация развивалась быстрее, а политические объединения возникли там значительно раньше, чем в других местах. Затем, достигнув внутреннего единства, каждая из двух держав в процессе расширения и завоеваний, естественно, обратилась против второй. Остальные регионы и народы вокруг, которым повезло меньше, оставались пассивными свидетелями событий, объектами, а не субъектами процессов, определявших, в частности, и их судьбу тоже. Теперь же картина начинает потихоньку меняться: среди людей гор, образующих изогнутую границу северо-восточной части Древнего Востока, а немного позже и среди племен пустыни, протянувшейся к югу от него, усиливается центростремительное движение. Формируются прочные государства, способные на равных конкурировать с державами великих речных долин. Пришельцы действуют как катализаторы истории: именно благодаря им встречаются и сливаются враждебные силы; в конце концов, именно с их появлением древний Ближний Восток занимает свое законное место на скрижалях истории – место более значительное и высокое, чем каждый из составляющих его элементов в отдельности.

Горцев, основавших около середины 2-го тысячелетия до н. э. несколько сильных государств на западе Азии, представляли три народа: касситы в Южной Месопотамии, хурриты в Северной Месопотамии и хетты в Анатолии. История всех трех народов началась задолго до описываемого времени. В наши дни их происхождение удалось проследить до 3-го тысячелетия до н. э., и это можно считать одним из серьезнейших научных достижений современности. Но если говорить об их появлении на политической арене, точкой отсчета нам может послужить все тот же 1500 г. до н. э. Примерно в это время касситы захватывают власть в Вавилоне, чтобы остаться там почти на четыреста лет; при этом они воспринимают язык и культуру местной цивилизации настолько полно, что сами становятся ее частью. Примерно в это же время хурриты дальше к северу основывают крупное государство Митанни, которое затем расширяется чуть ли не до Средиземного моря и неожиданно рушится, не просуществовав и 150 лет. Наконец, примерно в это же время хетты выходят из Анатолии и доходят походом почти до Вавилона, стремясь тоже сыграть свою роль на сцене международной политики. Они будут присутствовать на этой сцене около трех веков, и история их будет богата событиями; хетты сыграли значительную роль в истории Древнего Востока и оставили обширную документацию, поэтому мы достаточно подробно рассмотрим их историю. Пока же достаточно сказать, что период с 1500 по 1200 г. до н. э. – это те три века, характер и имя которым дали народы гор.

Необходимо задаться вопросом, законно ли – а если законно, то в какой степени – рассматривать эти народы как взаимосвязанные, оправдывая таким образом исторически их объединение в одну общую категорию. Несомненно, сходство среды первоначального обитания и примитивных условий – значительный фактор, но этого недостаточно. Их этническая связь важнее: хотя связь эта лишь частична, а характер ее менялся со временем, этот факт стоит отметить. Все горные племена включают в себя индоевропейский элемент, различный по чистоте и масштабности. У хеттов, к примеру, верхушка общества состояла из

индоевропейских иммигрантов, принесших с собой свой язык; у хурритов знать тоже составляли индоевропейцы, что очевидно из их имен; у касситов в пантеоне присутствовало несколько божеств предположительно индоевропейского происхождения, что позволяет предположить наличие соответствующего этнического элемента. Так на Ближнем Востоке появляется новая семья народов, роль которой в истории Средиземноморского бассейна хорошо известна; вместе с семитским населением, пришедшим из Аравийской пустыни, эти народы становятся главными действующими лицами новой фазы исторического процесса.

Интересную параллель можно провести между ситуацией на Древнем Востоке времен «горных людей» и ситуацией в Европе в начале Средних веков; сходство основано на особенностях и социальной организации новых народов, а также общей ситуации, возникшей в результате их действий.

Народы гор – варвары – приходят как кочевники и приносят с собой социальную структуру, основанную на господстве небольшого класса знати, который держит в своих руках средства, обеспечивающие военный успех: коня и колесницу. Царь – выдающийся представитель знати, первый среди равных в дни войны и мира, очень отличается от тех владык, которых мы прежде видели на Древнем Востоке. После завоевания знать делит между собой землю феодальным порядком, принимая на себя соответствующие права и обязанности; их голоса имеют решающее значение, а царь должен подчиняться общему решению, – по крайней мере, на самой ранней стадии.

Ситуация, сложившаяся после возникновения новых царств, может служить прототипом для другой ситуации – той, которая сложилась в Европе при возникновении римско-варварских государств. В игру вступают новые активные силы; ее географическая арена расширяется, политические организмы множатся. Центры тяготения смещаются и уходят от древних империй, оставляя после себя относительное равновесие, в котором новые и старые факторы работают вместе. Так, благодаря дифференциации сил и одновременно вопреки ей древний Ближний Восток, подобно средневековой Европе, становится органичной исторической единицей с определенными границами; ее элементы в ходе общего движения взаимодействуют и перетекают один в другой.

Новое равновесие не основано, как прежде, просто на равенстве противодействующих сторон. Очень важно, что, благодаря в первую очередь действиям горцев, возникли международные законы, основанные на множестве заключенных договоров с четко определенной юридической структурой. Параллельно развивается и дипломатическая активность; организуются посольства, идет обмен дарами, заключаются династические браки между членами правящих династий; и, самое главное, дипломатия по всему региону, от края и до края, кристаллизуется в единую форму и единую процедуру. Новая система основана на единственном языке, выбранном в качестве языка дипломатии, – а именно аккадском, поразительное свидетельство этого – тот факт, что переписка фараонов с их вассалами на сирийско-палестинском побережье ведется именно на этом языке, чуждом обеим сторонам.

Можно сделать и еще одно наблюдение по поводу этой фазы истории Востока. Новые народы в стремлении утвердиться старательно впитывают уже существующие на тот момент великие культурные традиции. При этом влияние Месопотамии, похоже, одолевает египетское; в самом деле, благодаря новым путям общения Месопотамия распространяется до самого Египта и даже утверждается над ним, о чем свидетельствует хотя бы выбор дипломатического языка. Но, очевидно, горцы испытывают это влияние гораздо сильнее и к тому же непосредственно. В результате те из них, кто был наиболее подвержен этому влиянию, – касситы – полностью ассимилируются; и, хотя об остальных этого сказать нельзя, они тоже в значительной мере принимают формы и содержание месопотамской цивилизации. Так клинопись распространяется по всему Ближнему Востоку вместе с божествами, религиозными верованиями и религиозной практикой Месопотамии; великие литературные произведения расходятся в переводах, пересказах и адаптациях, а вдохновляющие их художественные мотивы и концепции воспринимаются другими народами и вызывают многочисленные подражания.

Таким образом, новая цивилизация не побеждает и никого не покоряет. Культура Месопотамии в век горных народов, подобно римской в Средние века, торжествует, несмотря на политический упадок.

Параллель между европейским Средневековьем и этим периодом ближневосточной истории настолько поразительна, что существует опасность упустить из виду глубокие различия между ними. К этим различиям также следует привлечь внимание – не для того, чтобы ослабить аналогию, а чтобы сделать ее более точной и полной. Да, кризис великих держав на Ближнем Востоке соответствует распаду Римской империи; но это лишь временный кризис, державы продолжают существовать и, в отличие от европейского варианта, со временем восстанавливают свое лидерство. Более того, на Ближнем Востоке не было религиозного явления, сравнимого с христианством. Конечно, месопотамская религия оказывала влияние на окружающие народы, но влияние это было ограниченным, шло в контексте общекультурной экспансии и не было направлено на вселенское объединение. Кроме того, на ближневосточной сцене не появилось ничего похожего на Священную Римскую империю, тяга к равновесию не сменилась тягой к единству, да и эффективной централизующей силы не возникло, ни в политике, ни в духовной жизни. Таким образом, если в Европе происходящее стало этапом последовательного развития, то на Ближнем Востоке это лишь короткая интерлюдия, временная остановка; древние движущие силы скоро восстановят свое влияние и сохранят его до самого конца древне-восточной истории.

Исторический очерк

В истории хеттов можно выделить три основные фазы, каждая со своими характерными особенностями. Первая – старо-хеттское царство – соответствует созданию и консолидации государства Анатолии; вторая – ново-хеттское царство – характерно решительным вмешательством хеттов в международную политику, с успехом и затем внезапным крахом; третья фаза – поздне-хеттские царства – представляет собой, так сказать, потомков великой империи, когда ее этнические элементы продолжают занимать территорию прошлой экспансии, уже вне границ царства.

Разделение на фазы основано не только на поверхностных различиях; одновременно и в связи с ними идет развитие внутренних особенностей: если поначалу в политической структуре преобладают представители горских правящих родов, то позже там появляются и утверждаются элементы, соответствующие нынешнему окружению, а на последнем этапе эти элементы становятся преобладающими. Идет процесс ассимиляции и синтеза, вполне соответствующий ходу событий.

Таким образом, задача проследить историю хеттов сводится к тому, чтобы посмотреть, как шло развитие в двух направлениях: как сохранялись первоначальные особенности и как шло проникновение новых факторов, факторов окружающей среды. От начала и до конца эти две линии идут параллельно, независимая линия истории постепенно становится частью внутренней истории древнего Ближнего Востока.

Трудно сказать, когда именно аборигенные племена Анатолии познакомились с индоевропейскими элементами, когда именно начался процесс слияния, в результате которого возник народ хеттов. Вообще, вполне возможно, что в данном случае, в отличие от многих других, процесс проникновения шел медленно и постепенно – не было одномоментного решительного завоевания. Есть много указаний на то, что первоначальному делению пришельцев на племена соответствовало деление оккупированной территории на города-государства, которые лишь значительно позже оказались втянуты в центростремительное движение к политической организации. Если информация позднейших надписей точна, то начало этому процессу положили цари Питхана и Анитта из Куссары, покорившие около 1800 г. до н. э. (предположительно) несколько соседних городов-государств. Во всяком случае, завершился процесс позже, при другом царе, Лабарне,

которого хеттская традиция называет истинным основателем старо-хеттского царства. Говорят, что он покорил вражеские земли, раздвинул границы до моря и сделал своих сыновей правителями великих городов. Нет оснований считать эти слова преувеличением – но даже если так, не важно: нас по-настоящему интересует лишь тот факт, что империя уже основана.

Военное наступление за пределы границ Анатолии начинается при преемнике Лабарны Хаттусили I. Его экспедиция против города Алеппо заканчивается неудачей, но именно он открыл дверь и указал направление. Дома по возвращении его встречает враждебно настроенный двор, и царю приходится выбрать себе другого наследника: сам по себе этот факт незначителен, но в документе, известном как «Завещание», ему придается огромное значение. В этом документе царь излагает причины, обстоятельства и результаты событий. Можно отметить, что это первый пример той способности мыслить и писать как историк (в современном понимании), которую мы позже еще не раз встретим у хеттов. Более того, спор на равных между царем и знатью представляет собой типичную черту хеттской монархии, прежде на Ближнем Востоке не встречавшуюся. Документ изложен прямым и непосредственным языком, в совершенно новом и очень важном для нас литературном стиле. Вот как великий царь Хаттусили обращается к собранию знати и сановников:

Вот, я заболел. Я представил вам молодого Лабарну как того, кому надлежит в будущем сидеть на троне; я, царь, назвал его сыном, я обнял его, я возвысил его, я заботился о нем неустанно. Но он показал себя молодым человеком, недостойным моего взгляда: он не проливал слез, не сочувствовал, он был холоден и бессердечен. Тогда я, царь, призвал его к моему ложу. Так, больше я не могу относиться к племяннику как к сыну! На слова царя он не обращал внимания, а к словам своей матери прислушивался, змея! Братья и сестры говорили ему злое, и к этим словам он тоже прислушивался. Но я, царь, узнал об этом; и тогда я ответил на удар ударом. Теперь все кончено! Он больше не сын. Тогда его мать заревела как вол: «Мою грудь вырвали живьем! Его погубили, и ты убьешь его!» Но я, царь, разве я когда-нибудь делал ему дурное? Разве я не сделал его жрецом? Я всегда почитал его, думая о его благе. Но он не исполнял царскую волю с любовью. Как мог он, следуя собственной прихоти, испытывать любовь к жителям Хаттусы?..²⁸ Смотрите, Мурсили теперь мой сын! Его вы должны признать, посадить его на трон. В его сердце бог вложил богатые дары... В случае войны или бунта будьте же при нем, о мои слуги, и вы, вожди граждан... До сих пор никто (из моей семьи) не выполнил моей воли. Но ты выполни, о Мурсили, ты, сын мой. Следуй словам своего отца!

Кто из других восточных владык, которых мы до сих пор встречали, мог обратиться с такой просьбой? Кто из них признал бы так открыто, что собственная семья отказывается ему подчиняться? Выдвигалось предположение, что «Завещание» на самом деле представляет собой назидательный текст, предназначенный для воспитания принцев и написанный значительно позже. Вообще, эта гипотеза представляется не слишком вероятной, но даже если это так, – тем более типичными оказываются его черты.

Таким образом, царь у хеттов – первый среди равных, вождь, обладающий ограниченной властью и подчиняющийся совету знати; этот совет возлагает на него власть, и он же может лишить монарха власти. Впервые на Древнем Востоке мы встречаем власть, которую дают человеку другие люди: царь у хеттов не бог, как у египтян, и не представитель бога на земле, как в Месопотамии. Он больше похож на средневекового германского вожда, чем на восточного владыку. Точно так же имеется у хеттов свое представление и о политическом владычестве, не соответствующее ни месопотамской идее вселенского царства, ни египетской системе колонизации. Хетты заключают с завоеванными народами

²⁸ Хаттуса – столица Хеттской империи, современный Богазкёй.

договоры и с помощью этих договоров политически привязывают их к себе. Поэтому на политическом уровне мы видим результат еще одной характерной хеттской мысли: новое отношение к международному праву. Хетты переносят свою внутреннюю феодальную систему в сферу внешней политики; получается своего рода федерализм, воспроизводящий в некоторой степени феодальную структуру.

Вторая фаза похода хеттов за пределы своих границ происходит во время правления преемника Хаттусили – Мурсили I: около 1530 г. до н. э. он посылает войска в рейд до самого Вавилона. Этот эпизод интересен в нескольких отношениях. С военной точки зрения он означает, что в Верхней Сирии – стартовом пункте экспедиции – уже имеются надежные базы. С политической точки зрения это первый успех пришельцев в самом сердце этого региона древней культуры; успех был временным, но вызвал волнения, которые вскоре помогли другому горному племени, касситам, установить власть над Вавилоном. Возможно, сравнение марша Мурсили на Вавилон с походом германских вождей на Рим было бы неточным, но сам поход, несомненно, свидетельствует, что горные племена утверждаются в долинах как соседи и иногда враги местного населения; таким образом, есть все основания рассматривать этот рейд как начало новой эры.

Своеобразный характер царской власти у хеттов – ее ограниченность и подконтрольность собранию знати – делает эту власть не слишком пригодной для погони за политической экспансией: Мурсили убит, за этим убийством следует еще несколько заговоров и политических преступлений; царь и знать вступают в конфликт, не имеющий, судя по всему, сколько-нибудь приемлемого решения. В конце концов побеждает царская власть, но не без внешнего вмешательства. Результат – реформа власти, проведенная царем Телепиனு в начале XV в. до н. э. Этому царю удалось утвердить передачу царской власти по наследству – а значит, затупить опаснейшее оружие знати.

Итак, различными средствами был заложен фундамент для периода наивысшего расцвета Хеттского царства. Старое царство прекращает существование, и после периода безвестности, который недавние исследования сократили с нескольких столетий до нескольких десятков лет, возникает новохеттское царство, период наивысшего расцвета которого приходится на правление великого царя Суппилулиумы (1380–1346 до н. э.). В это время Египет переживает кризис, вызванный религиозной реформой Эхнатона, так что условия для хеттской экспансии складываются самые благоприятные. Хеттская империя распространяется на Верхнюю Месопотамию и Верхнюю Сирию, до самых Ливанских гор. Таким образом, готовится почва для будущего столкновения империй. Время правления Суппилулиумы важно и в отношении внутренней политики: царская власть у хеттов развивается в направлении концепций, принятых в великих восточных монархиях. Мы уже отмечали прелюдию к такой эволюции. Изменился титул царя, теперь к нему обращаются «мое Солнце», а на личном штандарте царя появился крылатый солнечный диск. Это указывает на прямое или косвенное влияние Египта. Более того, в результате того же египетского влияния монарх теперь обожествляется, хотя происходит это лишь после его смерти: поэтому фраза «стать богом» со временем начинает означать ссылку на кончину царя.

При Мурсили II победоносные кампании продолжаются, и анналы его правления дают нам подробности этих военных предприятий. Эти анналы представляют собой исторические тексты первостепенной важности – как потому, что они являются первыми в своем роде (ассирийские анналы датируются более поздним временем), так и потому, что в них отчетливо проявилась способность хеттов к причинно-следственному мышлению, которое мы уже отмечали в «Завещании» Хаттусили I. Поразительно, но в этих анналах говорится о мотивах поступков царя и других лиц; приводятся также мысли и рассуждения людей, стоящих за событиями. Так, к примеру, Мурсили описывает ситуацию в момент своего вступления на престол:

Когда Арнуванда, брат мой, стал богом, даже те вражеские земли, которые до той поры не воевали, начали военные действия. Враждебные страны вокруг нас думали так: его отец, который был царем хеттских земель, был героическим властителем и одержал верх над вражескими странами; но он стал богом. Его сын, воссевший на трон отца, поначалу тоже был герой; но он тоже заболел и стал богом. Теперь же тот, кто сидит на троне отца, еще ребенок и не убережет хеттские земли и их владения.

Мурсили, понимающий значение подобных рассуждений, при помощи богини-покровительницы принимает меры против враждебных действий.

Еще один пример этой особенности анналов можно найти в рассказе об экспедиции против Кархемиша в девятый год правления Мурсили. Самому рассказу предшествует подробное и тщательное изучение мотивов нападения: ассирийцы напали на Кархемиш, и Мурсили приходится выбирать между двумя экспедициями, против ассирийцев и против Хайасы. Царь предпочел бы сначала разобраться с Хайасой, но затем ему приходит в голову, что ассирийцы в этом случае могут подумать, что он бросил Кархемиш на произвол судьбы. Поэтому он принимает решение двинуться городу на выручку. Фурлани прекрасно определил историческую ценность этого рассказа: «В этот момент «Анналы» Мурсили вновь поднимаются до высот подлинно историографической работы. Мы можем заглянуть буквально в голову царя и проследить его мысли и рассуждения по поводу событий, которые происходили на его глазах и ход которых он сам определял и направлял, по крайней мере отчасти. Мало того, царь рассказывает нам о мотивах, заставивших его противников действовать так или иначе... Из сказанного видно, что чем подробнее мы изучаем «Анналы» Мурсили, тем яснее проявляется их истинный характер как ценнейшего историографического труда, важность которого среди всех исторических работ древней Западной Азии поистине исключительна. Возможно, это первая по-настоящему историографическая работа среди догреческих древних цивилизаций».

Разумеется, от нашего внимания не укрылись незрелость и бессистемность части этих рассказов, из-за которых они уступают лучшим образцам еврейской, к примеру, прозы. Но если история отличается от простой хроники тем, что помимо рассказа о событиях дает и оценку их значимости, то анналы Мурсили точно так же являются историческими работами, как и позднейшие библейские труды.

Победы Мурсили ускорили большое столкновение с Египтом, уже восстановившимся после внутреннего кризиса. При Муваталли, преемнике Мурсили, произошла битва при Кадеше (1296 до н. э.), не принеся, однако, решительного успеха ни одной из сторон²⁹; в результате Хаттусили III смог подписать договор, по которому на Ближнем Востоке установились мир и равновесие сил. Хаттусили III – узурпатор, оставивший нам уникальный на Древнем Востоке отчет о своей внутренней политике. Это автобиография царя *Apologia pro vita sua*, в которой он оправдывает свое восшествие на престол и мятеж против племянника Урхи-Тешшуба. Эта автобиография не менее исторична, чем анналы, о которых уже шла речь; одновременно это живой и непосредственный рассказ, принимающий форму интимной беседы царя с читателем:

Семь лет я все терпел. Но он по слову бога и по слову человека стремился меня погубить. И он отнял у меня город Хак-писсу и город Нерик. Тогда уже больше я не стерпел. И я с ним стал воевать. Но когда я с ним стал воевать, я не сделал ничего, что оскверняет. Разве я восстал против него в колеснице или во дворце восстал против него? Я объявил ему войну, как подобает врагу: «Ты со мной враждовал. Теперь ты Великий царь. Я же царь одной крепости, что ты мне оставил. Иди! Иштар города Самухи и Бог Грозы города Нерика рассудят нас по

²⁹ Обе стороны объявили о своей победе.

суду». Когда я так писал Урхитессупу, если бы кто-нибудь в это время сказал бы мне: «Зачем раньше ты его поставил на царствование? И почему сейчас ему ты пишешь о войне?», то я бы ответил: «Если бы со мной он сам не стал враждовать, разве боги унизили бы праведного Великого царя перед малым царем? Но теперь из-за того, что он враждовал со мной, боги по суду его унизили передо мной»³⁰.

Хаттусили умер около 1250 г. до н. э., и Хеттская империя пережила его всего на несколько десятилетий. Погибла она не после медленного постепенного упадка, но в результате внезапного смертельного кризиса. Около 1200 г. до н. э. Ближний Восток наводняют некие «люди моря», вооруженные новым мощным оружием железного века; они приходят из Греции и с островов Эгейского моря. Хеттская империя рушится под их напором, а Египетская и Ассирийская империи отступают в пределы прежних границ. Восточное Средневековье заканчивается.

Однако хетты оставили после себя след, который продержался еще несколько столетий. В области Таурус и в Верхней Сирии мелкие государства, сформировавшиеся в период хеттского империализма, продолжали существовать и после гибели империи, участвуя в некрупной политике поднимающихся еврейских и арамейских царств. Правда, государства эти были хеттскими лишь отчасти (точнее говоря, хеттскими в них были лишь некоторые слои общества); по этой причине мы позже рассмотрим некоторые из них, такие как Шамаль, Алеппо и Хамат, где заметную роль играли арамейские элементы. Их язык с неклинописной письменностью, лишь недавно расшифрованной, в настоящее время считается родственным, но не идентичным хеттскому. Культура этих стран также была типично гибридной.

Самый важный документ, оставленный неохеттами, был обнаружен в Каратепе (Киликия). Это длинная надпись на финикийском и иероглифическом хеттском, рассказывающая о делах местного царя Аситаванды:

Я Аситаванда, слуга Ваала, подданный Аурика, царя данунийцев. Ваал сделал меня отцом и матерью данунийцев. Я возвысил данунийцев. Я расширил территорию равнины Адана с востока и с запада. В мои дни всевозможное благополучие, изобилие и богатство были у данунийцев. Я наполнил амбары Пахри, добавил коня к коню, щит к щиту, армию к армии, благодаря Ваалу и богам. Я поверг могучих, разрушил зло, бывшее в этих землях, обеспечил благополучие рода моего господина и сделал добро его потомкам. Я сидел на троне отца моего и заключил мир со всеми царями: все цари смотрели на меня как на отца из-за моей справедливости, мудрости и доброты сердца...

История мелких неохеттских государств, как и вообще государств Верхней Сирии, пассивна и выражает негативный аспект нарастающей ассирийской экспансии. Эта история завершается с падением в 717 г. до н. э. главного их центра Кархемиша, а через восемь лет еще одного города – Малатии.

Религиозная структура

Определение хеттской цивилизации и ее основных характеристик представляется нам возможным только в том случае, если мы откажемся от поиска общего деноминатора, некоего объединяющего фактора. Напротив, нам придется рассматривать многообразие составляющих как типичную черту: разумеется, не просто потому, что такое многообразие имеется, – ведь каждая культура реагирует на бесчисленное число самых разных раздражителей. Дело в том, что в данном случае единства реакций не наблюдается вообще,

³⁰ Перевод В.В. Иванова.

отдельные элементы просто накладываются друг на друга, не сливаясь в единое целое.

Типичный пример такого наложения – хеттская религия: она включает в себя верования более ранних аборигенных народов, индоевропейские наложения и верования других горных народов, анатолийских соседей хеттов, месопотамских народов и египтян. Более того, каждый бог из всего этого множества сохраняет собственные храмы, собственных жрецов, собственный культ и даже собственный религиозный язык. Была, правда, попытка организовать этот пантеон, толчком для которой послужило скорее политическое единство страны, чем теологическая инициатива жречества. Однако сути религиозной жизни эта реформа не затронула; в теории она запустила процессы слияния и взаимосвязи, но тексты показывают, что на практическую жизнь это оказало лишь самое поверхностное влияние.

Немецкий историк Моортгат совершенно прав, когда говорит о «духовном федерализме» и видит в нем параллель с политическим федерализмом, характерным для хеттской цивилизации: «Религиозная жизнь Хеттской империи отличается общей духовной терпимостью и даже почитанием иноплеменных богов, которым, как и иноплеменным пришельцам, они оказывали полное гостеприимство, подобное тому, какое позже оказывали персидские правители Ахемениды. Не слияние культов или божественных мифов, а, если так можно выразиться, духовный федерализм соответствует феодальной концепции устройства общества. Различные культурные и биологические слои хеттского народа, который так никогда и не вырос до подлинного единства, имели не только собственных богов и, соответственно, местные храмы этих богов, но и собственное жречество, и возможность поклонения своим богам на собственном языке. Разумеется, каждый почитал в первую очередь собственные сверхъестественные силы, ближайшие и привычные, как привыкает ребенок к своим родителям и предкам; но все понимали, что другие народы и племена поклоняются похожим силам и что у каждой долины должен быть свой горный бог, или речной бог, или бог грозы, восседающий на горной вершине. Так и возникала тысяча хеттских богов, которых уже невозможно было перечислить по именам: крайняя форма политеизма, максимально контрастирующая по внутреннему содержанию с горячей исключительной верой в Яхве, которая вскоре должна была начать свою деятельность в Западной Азии».

Характерным божеством горных народов был бог грозы – воплощение природной силы, которая в облачных и дождливых регионах, из которых пришли эти народы, оказывает самое непосредственное и очевидное влияние. Но, в соответствии с только что названными особенностями, в хеттской религии был не один бог грозы, а несколько, в разных местностях разные; иногда это были местные боги, иногда пришлые, как хурритский бог Тешуб или лувийский Даттас.

Среди божеств, связанных с космическими силами, широкой популярностью пользовалась месопотамская троица – Анну, Энлиль и Эа. Из небесных элементов самым значительным считалось солнце – но не мужское божество солнца, хотя такое тоже имеется, а женское, важнейшей персонификацией которого была богиня города Аринны. Но, как обычно у хеттов, были и другие, в первую очередь хурритская Хепат; Месопотамия также внесла здесь свой вклад в хеттский пантеон – богиню Иштар и ее хурритский вариант богиню Шаушку.

Хорошо известный восточный бог растительности тоже присутствует, а его хеттское воплощение – Телепину – вовсе не представляется пришлым; его приключения, о которых мы поговорим в разделе «Литературные жанры», вполне можно поставить в один ряд с приключениями месопотамского Думузи (Таммуза) и египетского Осириса.

Насколько мы можем сказать, хеттская концепция богов вполне совпадает с месопотамской: боги во всем подобны человеку, только могущественнее, и бессмертны в придачу.

Мы уже говорили о попытке организации пантеона, правда частичной и поверхностной. При этом на верхушке божественной иерархии поместилась солнечная богиня Аринны и бог грозы; они были родителями Телепину и других грозовых и солнечных

богов. Но в разные периоды времени и в разных местах небесная иерархия выглядела по-разному, поэтому хеттскую теологию отличают все же не организация и гармония, а разнообразие и контрасты.

Судя по всему, из вышесказанного достаточно ясно следует, что в хеттской религии преобладало месопотамское влияние. Даже иноплеменные боги, сами по себе независимые, оказались включенными в систему поклонения и ритуала, берущую начало от вавилонских и ассирийских, а значит, чаще всего от шумерских, образцов. Из Месопотамии же берет начало (хотя здесь вполне возможно и независимое происхождение) вера в демонов как возмутителей спокойствия человеческой жизни, в то, что зло – результат греха, но может быть и результатом колдовства. Отсюда обширная магическая литература, по форме часто соответствующая вавилонским и ассирийским образцам.

Существует, к примеру, магический обряд, направленный против семейных ссор. Если отец ссорится с сыном, муж с женой или брат с сестрой, для их примирения необходимо принять следующие меры:

Пригоняют черную овцу, колдунья³¹ показывает ее им и говорит так: «Эта черная овца заменит ваши головы и все части ваших тел. Язык проклинающий теперь в ее рту, это ее язык». Двое приносящих жертву плюют овце в рот. Они забивают овцу и разделяют ее. Они разжигают очаг и сжигают тушу. Они льют на нее мед и оливковое масло. Она разламывает жертвенный хлеб и бросает его в очаг. Она также совершает возлияние вином.

Вновь мы видим перед собой процедуру, суть которой состоит в подмене человека животным; мы уже отмечали, что такая подмена характерна для вавилонян и ассирийцев.

В хеттском гадании также очевидно влияние Месопотамии. Но здесь мы обнаруживаем группу текстов вполне определенной литературной структуры. Смысл текстов состоит в консультации с прорицателем по поводу божьего гнева: это набор вопросов к знакам или знамениям, в которых путем длинной последовательности исключающих предположений определяется причина божьего гнева. К примеру, бог Хурианципа гневается. Люди приходят в храм и спрашивают мнение жрецов; те отвечают, что в последнее время мало было в храме жертвенных приношений. Далее смотрят на знаки:

Бог гневается из-за запоздавших жертвоприношений? Если так, пусть знаки будут неблагоприятными. Знаки неблагоприятны. Если это единственная причина, пусть знаки будут благоприятными. Знаки неблагоприятны.

Итак, причина божественного гнева уже известна, но это не единственная причина. Люди снова консультируются с жрецами:

Мы вновь обратились к служителям храма, и они сказали: «Пес забежал в храм, он задел стол, и жертвенные хлебы упали. Это значительно уменьшило дневную порцию жертвенных хлебов». Бог гневается по этой причине? Знаки неблагоприятны. Если бог гневается только из-за проступков, которые мы уже перечислили, пусть знаки будут благоприятными. Знаки неблагоприятны.

И так далее, от одного предположения к другому, пока не найдено окончательное решение и не выяснены все причины божьего гнева.

В культе по-прежнему доминирует месопотамское влияние, но есть и варианты,

³¹ Буквально: «старуха».

совершенно оправданные разным происхождением и разными традициями людей. Жречество хорошо организовано и разделено на категории по функциям: те, кто занимается жертвоприношениями, певчие, маги, прорицатели, помощники и служители; есть и женский персонал. Царь, как представитель общества, играет существенную роль в божественных церемониях, и – новая черта – царица тоже играет свою роль, ей даже отведены определенные функции. Этот факт указывает на более заметную роль женщин в обществе по сравнению с другими народами Востока и на их серьезное влияние при дворе, как показывают и некоторые документы.

Основу религиозного календаря составляют ежегодные, сезонные и ежемесячные праздники, причем празднованию ежегодного возрождения природы и земного плодородия придается особое значение. Ритуал жертвоприношения, главное событие праздника, проходит по сложным запутанным правилам, которые подробно изложены в сохранившихся текстах; в жертву приносят пищу и питье, тщательно выбранные и очищенные в соответствии с подробными и педантично сформулированными правилами. Все почти так же, как в других местах, но иногда внимание привлекают интересные детали. Так, имеются намеки на человеческие жертвоприношения, позволяющие заглянуть в неофициальные, а потому наиболее независимые и оригинальные в своих формах религиозные взгляды.

Один из хеттских обрядов представляет для нас особенный интерес, поскольку он уникален и не встречается больше нигде на Древнем Востоке: царей после смерти кремируют. Ритуал длится несколько дней. В первый день зажигается погребальный костер, и тело сжигается на нем. Затем:

На второй день, на рассвете, женщины отправляются к погребальному огню, чтобы собрать кости, и они гасят огонь десятью кувшинами пива, десятью вина и десятью *валхи*. Серебряную амфору весом в полмины и двадцать сиклей наполняют очищенным маслом. Затем они поднимают кости серебряной *лантой* и кладут их в очищенное масло в серебряной амфоре; затем они вынимают их из очищенного масла и кладут на льняное полотно *гаццарнулли*, под которым находится тонкая сетка. Закончив собирать кости, они оборачивают их полотном в сетке и кладут на стул. Вокруг костра, на котором сожгли тело, они раскладывают десять хлебов, а на хлебы кладут кусочек жира. Пламя уже погашено пивом и вином. Перед стулом, на котором лежат кости, ставят стол и предлагают преломить хлебы *гуг* и хлебы аль. Повара и помощники подают блюда и уносят их прочь. Всех, кто пришел собирать кости, угощают питьем.

Обряд кремирования – новый на Ближнем Востоке, и во многих отношениях он вызывает в памяти строки «Илиады», описание сожжения Патрокла и Гектора. Возможна ли здесь историческая связь? Несомненно, если вспомнить, что Троя располагалась на границе Анатолии. Но дело не только в этом. В хеттских текстах много имен и названий, очень напоминающих ахейские и троянские. Может быть, народ аххиява, западный сосед хеттов, это ахейцы? А город Труиса – Троя? А вассальный царь Алаксандус из Вилу-сы – Александр из Илиона? Можно построить множество смелых гипотез, но, несмотря на длительные дискуссии, ничего определенного сказать нельзя, но нельзя и ничего наверняка исключить; но количество указаний таково, что мы имеем право принять их хотя бы в качестве рабочей гипотезы.

Вслед за подробным описанием погребальной церемонии следовало бы столь же подробно описать представления хеттов о загробном мире, но это невозможно: эти верования не дотягивают не только до подробнейшим образом проработанных египетских представлений, но уступают даже скромным месопотамским концепциям. В текстах об этом говорится редко и очень кратко; мало того, подобные упоминания встречаются в основном в литературных произведениях откровенно месопотамского происхождения, к тому же скорее литературных, нежели подлинно религиозных. Да и то немного, что нам все-таки известно, – вера в подземное царство мертвых и в жизнь после смерти – практически не

отличается от месопотамских образцов.

Так что самобытные элементы хеттской религиозной жизни и мысли следует искать не в этом направлении. И все же, если присмотреться, хеттская религия, несмотря на множество разнородных факторов и подверженность самым разным внешним влияниям, несет в себе несомненные черты независимого происхождения и традиций.

Литературные жанры

При рассмотрении хеттской литературы мы должны больше, чем когда-либо прежде, проявлять сдержанность и помнить, что наше суждение определяется пределами наших знаний. Это может показаться банальным, но стоит вспомнить, что имеющиеся у нас сведения настолько неполны и неопределенны, что практически невозможно определить литературную преемственность и концепции, которым она повинуетя. Но ситуация с хеттской литературой именно такова, – ведь все, что мы о ней знаем, почерпнуто из одной-единственной уцелевшей библиотеки в столице, городе Хаттусе, да и эта библиотека дошла до нас не полностью. Документы в Месопотамии обнаружены в нескольких разных местах, и это дает некоторую гарантию того, что наше представление о литературных жанрах не будет слишком отличаться от реального, по крайней мере в отношении структуры и качества литературы. Но поскольку источник хеттской литературы у нас всего один – и то заведомо неполный, – то нет никакой гарантии, что в нем мы обнаружим все аспекты и все жанры литературной деятельности хеттов.

По содержанию хеттская литература, как и хеттская религия, откровенно находится под преимущественным влиянием месопотамской литературы. Но при этом существенно, что влияние это по большей части не прямое, а опосредованное – через другой горный народ, хурритов, которые благодаря своему географическому положению послужили своего рода мостом между двумя цивилизациями. Одновременно и сами хурриты оказались создателями собственного варианта широкого культурного круга, набора традиций и литературных жанров, которые хетты, в свою очередь, более или менее полно заимствовали и присвоили. Вообще говоря, все это проделывалось поразительно грубо и примитивно – совершенно не похоже на тот высокий уровень эволюции и проработки литературных жанров, который в Месопотамии существовал еще со времен шумеров.

Эти замечания применимы, конечно, только до момента, когда сами хетты начинают творить; после этого – как мы уже до некоторой степени видели – возникают оригинальные и независимые литературные формы, из которых важнейшими представляются анналы и политические договоры. На этой стадии хеттская литература становится позитивной силой: она создает новые литературные жанры и поднимает их на высоту, невиданную прежде на Древнем Востоке.

Самый распространенный жанр – мифологический эпос, рассказ о деяниях богов, об их конфликтах и приключениях. Но, в отличие от месопотамских параллелей, это по большей части грубая проза, – по крайней мере, нам не удастся выделить в ней какую бы то ни было поэтическую структуру.

Если классифицировать мифы по происхождению, можно выделить два выдающихся очевидно хеттских цикла – по крайней мере, их главные герои хетты. В одном из этих циклов рассказывается о победе над драконом, в другом – об исчезновении бога. Оба сюжета уходят корнями в общее религиозное и литературное наследие Древнего Востока: первый цикл воспроизводит рассказ о божественном герое, побеждающем силы зла, иными словами, месопотамский миф о победе Мардука над драконом Тиаматом и египетский миф о победе солнца над змеем Апофисом; второй представляет собой хеттскую версию месопотамского цикла о Думузи (Таммузе) и египетского цикла об Осирисе. Но родство здесь концептуальное, а не литературное: хеттская версия заметно отличается от остальных, доказывая тем самым свое независимое происхождение.

Как нам подробно рассказывают в начале текста, драконовский цикл, собранный воедино в двух версиях жрецом бога Нерика, зачитывался публично на празднике Пурулли, который, по всей видимости, совпадал с Новым годом. Это очень интересная информация, один из элементов, из которых мы делаем вывод о том, что на Древнем Востоке мифология и ритуал были очень тесно связаны и что по крайней мере некоторые из «литературных» текстов на самом деле представляют собой сценарии религиозных церемоний. К этому вопросу мы еще вернемся, когда появятся дополнительные данные. Пока же, ограничившись рассмотрением драконовского цикла, скажем, что противником дракона является бог грозы, а главная цель рассказа – восславить его победу. Согласно более древней версии, дракон Иллуянкас поначалу одержал верх. После этого, желая отомстить, бог грозы устроил большой пир, на который пригласил и противника; он заставил дракона съесть так много, что тот не в состоянии даже вернуться домой:

Дракон Иллуянкас пришел со своими детьми, и они ели и пили. Они выпили каждую амфору досуха и утолили свою жажду. После этого они уже не могли спуститься в свое логово... Бог грозы пришел и убил дракона Иллуянкса, и боги были с ним.

Мало можно вспомнить параллелей такой грубой и одновременно изобретательной истории: можно было бы, пожалуй, назвать историю борьбы Гора и Сета. Но там это скорее исключение, а здесь – правило, характеризующее художественный уровень в целом. Еще один пример – более поздняя версия этого же мифа: теперь дракон после первоначальной победы над богом грозы вынимает у того сердце и глаза; бог жаждет вернуть их и для достижения своей цели пользуется женитьбой своего сына на дочери Иллуянкса:

Бог грозы сказал своему сыну: «Когда пойдешь в дом жены твоей, попроси у них мое сердце и глаза мои». Когда он пошел туда, то попросил у них сердце, и они отдали его. Позже он попросил у них глаза, и они отдали их тоже. Он принес их богу грозы, своему отцу. Так бог грозы получил обратно свое сердце и глаза свои. Когда тело его было восстановлено в прежнее состояние, он отправился к морю сражаться. Он напал на дракона Иллуянкса и чуть не убил его.

Мифологический цикл о пропавшем боге также заслуживает внимания более чем в одном аспекте. Начнем с того, что это, судя по всему, самое полное и непосредственное из всех литературное выражение концепции умирания и возрождения природы, общей для всего Древнего Востока. Во-вторых, связи с религиозными ритуалами здесь очевидны и подробны; описание сложной магической процедуры очищения и оживления бога занимает немалую часть рассказа. У этого мифа существует одна основная версия, в которой роль пропавшего бога играет Телепину; но существование других версий с другими действующими лицами указывает на то, что главное и оригинальное в этом мифе – событие, о котором идет речь, а вовсе не действующие лица.

Рассказ идет о том, как Телепину (ограничимся основной версией) разгневался и пропал с земли; далее следует впечатляющее описание умирающей жизни:

Так что зерно и полба больше не росли. Так что скот, овцы и человек больше не плодились. И даже те, которые были беременны, не могли никак разродиться. Растения высохли, деревья высохли и перестали давать свежие побеги. Пастбища высохли, источники высохли. Голод возник на земле, человек и боги погибали от голода.

Невозможно более красноречиво рассказать о последствиях исчезновения бога. Во всяком случае, слова бога грозы, обращенные к остальным богам в дни бедствий, это подтверждают:

Бог грозы встревожился о Телепину, сыне его: «Телепину, сына моего, – сказал он, – здесь нет. Он впал в ярость и унес с земли все хорошее». Великие боги и меньшие боги пустились на поиски Телепину. Солнечный бог выслал стремительного орла, сказав: «Лети, обыщи все вершины гор! Обыщи глубокие долины! Обыщи глубины водные!» Орел полетел, но не смог найти его.

После нескольких безуспешных попыток только пчеле удастся наконец отыскать Телепину; интересно было бы остановиться на мгновение на значении этого мотива в фольклоре. Но нужно двигаться дальше: Телепину возвращается, но гнев его не утих. Богиня магии изгоняет его гнев посредством магического ритуала; спокойствие восстановлено, и бог соглашается вернуть на землю плодородие:

Телепину вернулся назад в свой дом и вновь начал заботиться о своей земле... Алтари богов были приведены в порядок. Он положил полено в очаг. Он выпустил овец в долины, он выпустил скотину в загон. Мать заботилась о своем ребенке, овца заботилась о своем ягненке, корова заботилась о своем теленке. А Телепину заботился о царе с царицею, давал им долгую жизнь и бодрость.

На этом цикл заканчивается; следует заметить, что составлен он на более высоком литературном уровне, чем цикл о боге грозы и драконе или тот цикл, к обсуждению которого мы сейчас перейдем. Этот миф заимствован из хурритского источника и, соответственно, является первым из известных нам мифов, который пришел от народов хеттского окружения.

В цикле о Кумарби, отце богов, можно различить две основные части. Первая из них, известная под названием «О царствовании на небесах», рассказывает о том, как царский сан переходит от Алалу к Ану, от Ану к Кумарби, и от Кумарби к богу грозы Тешшубу, который, будучи сыном своего предшественника, свергает его с трона:

Прежде, в минувшие годы,
Был Алалу на небе царем.
Алалу сидел на престоле,
И даже бог Ану могучий,
Что прочих богов превосходит,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно кравчий,
И чашу держал для питья.
И девять веков миновало,
Как царствовал в небе Алалу.
Когда же настал век десятый,
Стал Ану сражаться с Алалу,
И он победил его, Ану.
Алалу бежал от него
В далекую Темную Землю.
Он вниз убежал от него —
В далекую Темную Землю.
И Ану сидел на престоле.
Сидел на престоле он, Ану,
И даже Кумарби могучий,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно стольник,
Еду ему он подавал.
И девять веков миновало,
Как царствовал на небе Ану.
Когда же настал век десятый,

Стал с Ану сражаться Кумарби.
Кумарби, потомок Алалу,
Стал на небе с Ану сражаться.
Тот взгляда Кумарби не вынес,
Но он ускользнул от него,
Он, Ану, бежал от Кумарби,
Как птица, взлетая на небо.
Кумарби, его настигая,
Схватил его за ноги крепко,
Вниз с неба он Ану стащил,
И он укусил его в ногу,
Откусил его силу мужскую,
И стала, как бронза, литьем
Она у Кумарби во чреве.
Когда проглотил он, Кумарби,
Всю силу мужскую врага,
Он радостно захохотал.
Но Ану, к нему повернувшись,
Сказал ему речи такие:
«Ты радуешься, проглотив
Всю силу мужскую мою.
Но радуешься ты напрасно.
Я тяжесть в тебе оставляю:
Во-первых, теперь ты чреват
Отважнейшим богом грозы»...

Обратите внимание на сходство этого мифа с «Теогонией» Гесиода: родственные отношения в группе Ану – Кумарби – Тешуб соответствуют родственным отношениям в группе Уран – Кронос – Зевс; а сходные элементы, такие, к примеру, как оскопление бога, подтверждают наличие здесь не просто общей близости, но чего-то большего – а именно непосредственной связи. В этом случае греческий миф должен восходить своими корнями к ближневосточной почве: судя по всему, первыми этот сюжет сформулировали хурриты, а хетты послужили передаточным звеном.

Вторая часть этого цикла, известная как «Песня об Улликумми», повествует о том, что Кумарби не смиряется с поражением, а бросается в контратаку. Он создает Улликумми, скальное чудовище, и посылает его уничтожить бога грозы в его собственном доме в Куммии:

Пусть на небо идет он...
Славный город Куммию Улликумми растопчет,
Улликумми ведь бога грозы поразит,
Как мякину развеет, наступит пятою,
И раздавит его он, как муравья!..
Всех богов распугает на небе, как птиц,
Как пустые горшки, разобьет их!

Для этого Улликумми сажают на правое плечо Упеллури, великана, который держит на себе вселенную; и оттуда он растет и растет, пока не достигает неба. Только мудрому Эа удастся отвести опасность; чудовище отделяют от плеча великана и тем самым лишают силы.

Услышьте, боги минувшего, слово мое!

Вы те, кто знаете древних времен дела!
Снова откройте склады родителей ваших и дедов!
И отцов минувшего пусть принесут печати!
Пусть запечатают снова потом эти склады!
Пусть достанут из них пилу минувших давнишних лет!
Той пилой отделили тогда Небеса от Земли,
А теперь Улликумми мы от подножия пилою отпилим.
Мы подпилим того, кого породил Кумарби как соперника
всем богам!³²

В этой части мифа тоже есть интересные, хотя и менее детальные, параллели с греческой мифологией: великан, держащий на себе небеса и землю, представляется фигурой типа Атланта; чудовище, выросшее до неба и намеренное сразиться с богами, напоминает Тифона. Таким образом, хеттская культура содержит несколько самобытных элементов, отличных от месопотамских образцов; эти элементы вплетены в цикл с эпицентром у хурритов и огромной сферой влияния, включающей даже Грецию.

С другой стороны, еще одна группа мифологических эпических фрагментов с рассказом о приключениях Гильгамеша восходит непосредственно к месопотамской традиции. Здесь ясно проявилась сила шумерского мифа и его способность к распространению; теперь этот миф появляется у хеттов, частью в переводе, частью в адаптации, а частью обогащенный свежими деталями. Правда, этот миф имеется также у хурритов и, скорее всего, пришел к хеттам именно этим путем; таким образом, культурный цикл, о котором мы уже говорили, непрерывен и обеспечивает активную взаимосвязь разных цивилизаций.

Хеттская лирическая поэзия, подобно поэзии Месопотамии, ограничена лишь религиозной сферой. Это гимны и молитвы: не то чтобы между тем и другим была большая разница, – ведь они связаны между собой и одно часто включает и другое. Но иная концепция царской власти приводит к тому, что гимны у хеттов посвящаются исключительно богам. К примеру, вот гимн Телепину, дошедший до нас как часть молитвенного текста:

Ты, Телепину, преславный бог; имя твое славно среди имен.
Ты, царь богов, славен среди богов; среди всех богов ты
славен, Телепину.
Велик ты, Телепину; нет божества более славного и могучего,
чем ты.
Ты господин справедливости; ты следишь за царями на небе и
на земле.
Ты устанавливаешь границы земель, ты выслушиваешь
молитву.
Ты, Телепину, милостивый бог; всегда ты оказываешь
милосердие.
Благочестивый человек дорог тебе, Телепину, и возвышаешь
ты его.
На небе и на земле ты, Телепину, есть свет; во всех землях ты
бог, которого славят.
Всякой земли ты отец и мать; вдохновенный господин
справедливости ты.

³² Отрывки стихотворений из цикла о Кумарби приведены в переводе В.В. Иванова.

В месте справедливости ты неустанен; среди древних богов
ты тот, кого славят.

Для богов ты, Телепину, назначаешь обряды; для древних
богов назначаешь ты жребий.

Для тебя они открывают дверь небес; тебе, славный
Телепину, дозволено входить во врата небес.

Боги небес повинуются тебе, Телепину; боги земли
повинуются тебе, Телепину.

Что бы ты ни сказал, Телепину, боги склоняются перед тобой.

Угнетенных, униженных... ты отец и мать; просьбы

униженных, угнетенных ты, Телепину, принимаешь к сердцу.

Выражения, использованные в этом гимне, традиционны, не исключая и упоминание об униженных. Однако этого нельзя сказать о молитве царя Мурсили II во время чумы, отрывок из которой вы видите ниже. Эту молитву отличает живое чувство человеческой вины и освобождающая сила исповеди, а также сила прямого и непосредственного описания:

Бог грозы города Хаттуса, господин мой, и вы, боги, господа мои, так все совершается: люди грешат. И отец мой согрешил: он нарушил слово бога грозы города Хаттуса, господина моего. А я ни в чем не согрешил. Но так все совершается: грех отца переходит на сына. И на меня грех отца моего перешел.

Но этот грех я признал воистину перед богом грозы города Хаттуса, моим господином, и перед богами, моими господами: это именно так, мы это совершили. Но после того, как я признал грех моего отца как свой грех, да смягчится душа бога грозы, моего господина, и богов, моих господ. Будьте теперь ко мне благосклонны и отошлите чуму прочь из страны хеттов! И те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть у меня больше не умирают!

Насколько мы можем судить в настоящий момент, у хеттов не было дидактической и поучительной литературы, столь развитой у других народов Древнего Востока. С другой стороны, их историческая проза весьма примечательна; это и анналы, о которых мы уже говорили, и договоры, обсуждение которых еще впереди. Как мы уже отмечали, оба этих жанра отразили в себе способность мыслить в терминах причины и следствия – а значит, подлинно исторически. Кроме того, мы видим, что положения международного права основаны на неизменных юридических принципах – как во взаимоотношениях между великими державами, так и в отношениях между ними и мелкими государствами.

Договор – четко определенный литературный жанр. Он начинается с преамбулы, в которой излагаются прецеденты и цели договора; затем перечисляются достигнутые соглашения; завершается договор обращением к богам и угрозами к тем, кто посмеет нарушить договор. Важнейший из имеющихся у нас договоров – безусловно, договор с египтянами, сохранившийся как в египетской, так и в хеттской версиях. После описания прошлых отношений между двумя державами в нем излагаются принципы взаимного отказа от применения силы и основания для оборонительного союза; в нем говорится также о выдаче беглецов; в завершение стороны призывают к богам с просьбой следить за верностью обеих сторон договору и наказывать тех, кто нарушит данное слово. Еще интереснее, возможно, договоры с малыми государствами, в которых условия вассалитета объясняются и излагаются языком закона. Один из таких договоров – договор между Мурсили II и Туппи-Тешшубом, владыкой Амурру; его преамбула так излагает прецеденты:

Азирас был твоим дедом, о Туппи-Тешшуб. Он взбунтовался против моего отца, но снова покорился ему... После того как он был связан договором, он оставался связан договором. Как отец мой сражался против врагов своих, так же сражался и Азирас. Азирас оставался верен моему отцу как своему сюзерену и

никогда не возбуждал в нем гнева. Отец мой был верен Азирасу и его стране; он не проявлял к нему несправедливости, никак не возбуждал гнева ни в нем самом, ни в его стране; 300 сиклей первоклассного очищенного золота, дань, которую наложил мой отец на твоего отца, он привозил год за годом; он никогда не отказывался платить дань.

Именно этой верности, продолжает Мурсили, обязан Туппи-Тешшуб своим тронem, поскольку отец рекомендовал его Мурсили, а последний поддерживал и защищал его. Но теперь не пора ли ему позаботиться о том, чтобы выполнить соглашение и заплатить дань:

Так что выполни клятву верности царю и царской семье! И я, царь, буду верен тебе, Туппи-Тешшуб. Когда ты возьмешь себе жену и родишь наследника, он станет царем земли Амурру после тебя. И как я буду верен тебе, так я буду верен сыну твоему. Но ты, Туппи-Тешшуб, оставайся всегда верен царю земли Хатти, земле Хатти, моим сыновьям и внукам! Дань, наложенную на твоего деда и твоего отца – представляли они по 300 сиклей золота, первоклассного очищенного золота, взвешенного на стандартных весах, – ты тоже представишь. Не обращай глаза твои ни на кого больше!

Далее следуют военные распоряжения и распоряжения по поводу отношений с другими государствами. Затем призывают богов, и договор заканчивается так:

Слова договора и клятвы, начертанные на этой табличке, – если Туппи-Тешшуб не выполнит эти слова договора и клятвы, да уничтожат боги клятвы Туппи-Тешшуба, включая его самого, его жену, его сына, его внука, его дом, его землю вместе со всем, чем он владеет. Но если Туппи-Тешшуб выполнит эти слова договора и клятвы, начертанные на этой табличке, да защитят его те же боги клятвы, включая его самого, его жену, его сына, его внука, его дом и его страну.

Как обычно, мы не будем входить в детальное обсуждение текстов, которые не являются литературными в строгом смысле этого слова; во всяком случае, таких текстов мало и особого интереса они не представляют. Однако, опять же как обычно, мы сделаем короткое отступление в пользу юридической литературы, отражающей структуру и организацию общества.

В настоящий момент мы черпаем знания о хеттских законах в основном из двух табличек с законами, найденных в Хаттусе; вместе они известны как хеттский кодекс, но на самом деле представляют собой лишь частичный эквивалент месопотамских кодексов. Правда, в них есть описание конкретных случаев и решений, характерных для шумерского и аккадского законодательства; однако нет пролога и эпилога, которые составляют существенную часть соответствующей месопотамской литературной формы.

Какова документальная ценность хеттского кодекса? Прежде чем говорить об этом, необходимо сделать несколько оговорок: во-первых, многие вопросы здесь просто не рассматриваются, в том числе такие важные как усыновление, наследование и заключение договоров. Выдвигалось предположение, что их здесь нет потому, что подобные дела обычно не приводят к судебному разбирательству; может, и так, хотя такой вариант представляется маловероятным. Но есть еще одна оговорка, более важная, хотя и внешняя: у нас нет доказательств в виде документов, имеющих отношение к юридической процедуре и частным делам; если в Месопотамии их достаточно, то у хеттов они полностью отсутствуют, и этот факт оставляет нас в сомнениях о том, как и когда применялись эти законы.

Общество у хеттов, опять же, состоит из свободных и рабов, которые, похоже, находились в некоем промежуточном состоянии, сходном с положением вавилонских плебеев. В глазах закона раб, как и в Вавилоне, ценился меньше, чем свободный человек; тем не менее он имел право приобретать собственность и владеть ею. Так что мы можем

предположить, что социальная структура у хеттов была динамична, а граждане при определенных условиях могли переходить из одного класса в другой.

Закон, имеющий отношение к семье, поразительно похож на соответствующий вавилонский закон и описывает патриархальную систему; однако некоторые моменты позволяют предположить, что женщины здесь занимали в обществе более видное положение; кроме того, мы снова видим, что перед брачной церемонией жених должен одарить родителей невесты. В кодексе имеется подробная статья, запрещающая браки между кровными родственниками; есть и положение, по которому вдову должен взять в жены брат ее покойного мужа, а если братьев у него нет, то отец или племянник; такой порядок весьма напоминает еврейский порядок левирата.

Как мы уже знаем, право собственности у хеттов основано на феодальной системе. Закон различает «вассалов», получивших свой титул от суверена, и «мастеровых», то есть местных рабочих, точное социальное положение которых еще предстоит установить.

Характерная черта уголовного законодательства – то, что принцип компенсации ставится выше принципа возмездия. Вообще говоря, мы уже видели, что последний принцип, судя по всему, свойственен в основном семитам.

У хеттов наказанием за преступления, исключая политические, грабеж и сексуальные сношения с животными, служили преимущественно возмещение ущерба и компенсация – в первую очередь денежная:

Если кто-нибудь ослепит свободного человека или выбьет ему зуб, то он должен дать 20 сиклей серебра, и в дом их он должен отправить.

Если кто-нибудь ослепит раба или рабыню или выбьет ему/ ей зуб, то он должен дать 10 сиклей серебра, и отвечает своим домом.

В некоторых предписаниях мы видим, что закон развивается:

Если кто-нибудь украдет корову, то прежде обычно давали 12 голов скота. Теперь же вор должен дать 6 голов скота, а именно 2 двухгодовичков, 2 годовичков и 2 телят-сосунков. И домом своим он отвечает.

Что касается хеттской юридической процедуры, то за отсутствием судебных отчетов и записей о вынесенных решениях мы можем получить представление о ней из другого специфического класса текстов – инструкций для жрецов и чиновников. Правда, их содержание касается в первую очередь религиозных отправлений, но в некоторых разбираются также вопросы управления хозяйством, отправления гражданского и военного правосудия. Приведем в пример инструкцию командиру пограничной стражи:

Прибывая в город, созови всех жителей города. Тех, у кого есть жалобы, рассуди по справедливости. Если у раба или рабыни есть жалоба на свободную женщину, рассуди их по справедливости.

В этом же тексте имеются примечательные указания уважать местные обычаи, что, безусловно, проливает свет на поведение хеттов на захваченной территории. Здесь отражается то же благоразумие и широта взглядов, которые так характерны для договоров:

Более того, командир пограничной стражи, комендант города и старейшины должны судить и решать судебные споры согласно закону. Как было с прежних дней, в городе, где привыкли применять наказание смертью, они должны продолжать делать так. Но в городе, где привыкли применять наказание изгнанием, они должны продолжать делать так.

В заключение наших заметок о хеттской литературе необходимо упомянуть, что недавно нашлись авторы, которые за грубостью некоторых хеттских произведений

разглядели намеренный фарс, попытку посмеяться самим и посмешить читателей; если смотреть с этой позиции, то великие мифологические и эпические циклы превратятся всего лишь в гротескные басни, которые не воспринимали всерьез даже их составители. Однако, скорее всего, такой взгляд очень далек от истины. Опыт подсказывает, что юмор на Древнем Востоке встречается чрезвычайно редко; в самом деле, при первом знакомстве эти культуры оставляют впечатление глубокой и чуть ли не мрачной серьезности. Исключения из общего правила можно встретить в Египте, своеобразное географическое и политическое положение которого способствовало спокойствию духа, а высокоразвитая культура стимулировала дополнительное преимущество – постоянную готовность к улыбке. Но приписать это качество хеттам, лишить их литературу религиозного и обрядового содержания... Скорее всего, это результат попытки взглянуть на литературу тех времен нашими глазами, приписать древним хеттам современные представления и взгляды. Каким бы привлекательным ни казался результат, скорее всего, он ставит все здание цивилизации с ног на голову.

Художественные типы

Прежде чем перейти к изучению хеттского искусства, полезно вновь обратиться к Месопотамии. При этом необходимо отметить, что это логическая, а не историческая точка отсчета, не означающая никакой предвзятости по отношению не только к происхождению хеттского искусства, но и к независимости отдельных его элементов. Однако хеттское искусство, бесспорно, входит в сферу влияния великого художественного центра – Месопотамии. Мы вполне можем взять художественные формы, получившие развитие в этом центре, в качестве опорных точек (чего нельзя сделать в отношении Египта или любой другой самодостаточной зоны) во всех вопросах, имеющих отношение к общей концепции назначения искусства, к его базовым особенностям и стилистическим принципам.

Обозначив позицию, мы должны добавить, что месопотамское влияние не было в Анатолии единственным; в хеттском искусстве можно заметить и египетское влияние, пришедшее туда через Сирию и Палестину. Наконец, нельзя не упомянуть хурритское влияние, еще более важное потому, что оно менее отчетливо и менее выражено в деталях.

Все эти окружающие региональные культуры действуют на необычайно восприимчивый объект – но при этом объект, существующий вполне реально и независимо. Природа региона, обычаи и особенности народа, представления и верования людей обусловили появление множества элементов, характерных именно для них; мы обнаруживаем эти типичные местные элементы как изолированно, так и в новых комбинациях с другими, внешними элементами. Идентификация и оценка многочисленных факторов, которые чаще накладываются друг на друга, чем сливаются, – точно так же, как в других сферах интересующей нас культуры, и формируют историю хеттского искусства.

Если говорить о хронологии, то надо признать, что мы не можем отследить сколько-нибудь определенные линии развития. Хеттское искусство можно подразделить на две большие фазы – результат разных условий, определяемых разницей в пространстве и времени: это поздний период новой империи, от которого у нас имеются остатки столицы Хаттусы и окружающих населенных пунктов; и есть неохеттская эра, где речь идет о произведениях мелких государств, переживших крах империи в Киликии и Верхней Сирии. Они, конечно, находились ближе к центрам внешнего влияния, и понятно, что привнесенные элементы в культуре усиливаются, а автохтонные ослабевают до уровня, когда отличительной особенностью искусства становится гибридность.

Здесь, как везде, развитие архитектуры определяется особенностями ландшафта, который резко отличается от месопотамского и египетского. Эти две страны расположены в долинах рек, а в стране хеттов много гор. Камня здесь сколько угодно, он и является основным строительным материалом. Фундаменты и нижние части зданий сооружаются из

грубо обтесанных каменных блоков, а верхние – из саманного кирпича и деревянных балок. Тем не менее колонны появляются относительно поздно, в небольших количествах – и к тому же исключительно в таких зданиях, некоторые особенности которых позволяют предположить иностранное происхождение.

Первоначально ядром организованной жизни хеттов служила горная крепость, окруженная стеной; вход в нее открывался через двойные ворота, не нарушающие линию обороны. Позже крепость развивается в город с храмами и дворцами: но все главные центры хеттской цивилизации сначала были крепостями.

Сооружение храма, как мы можем судить по нескольким образцам в столице Хаттусе, напоминает строительство месопотамского храма; комнаты здесь группировались вдоль стен одного или нескольких внутренних двориков; но, в отличие от месопотамской практики, где внешние стены не имели отверстий и образовывали замкнутый контур для защиты от наводнений, хеттские комнаты имеют окна, открывающиеся на улицу для лучшей освещенности; мало того, здесь – впервые на древнем Ближнем Востоке – окна есть даже в тех комнатах, где размещаются статуи богов.

Хеттский дворец строился примерно по тем же принципам, что и храм. Но, как мы уже указывали, существует и особый тип, характерный исключительно для неохеттской эры. Этот тип имеет собственное название – *бит-хилани* (рис. 4). Его типичная черта – колонны, поддерживающие крышу в первом зале. Колонны представляют собой простые деревянные столбы, но у основания каждой из них стоит пара сфинксов или львов, высеченных из камня. За первым залом следует главный зал – продольный параллелограмм, вокруг которого располагаются маленькие комнатки. Дворцы этого типа можно обнаружить во многих ближайших центрах, от Ассирии до Сирии, что создает трудности с определением его происхождения. Некоторые авторы считают, что все данные свидетельствуют о хурритском его происхождении, другие предлагают на роль изобретателей народы Сирии.

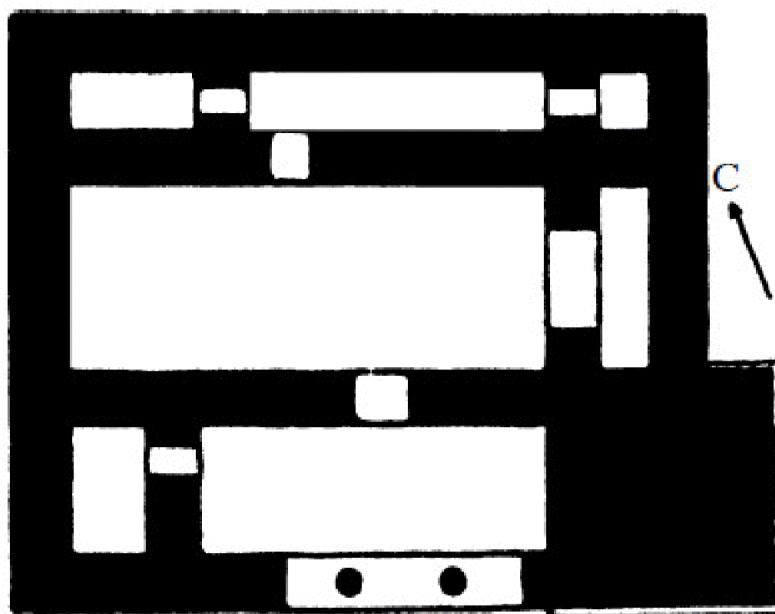

Рис. 4. План бит-хилани

Хеттская скульптура задумывается и исполняется в основном как дополнение к архитектуре. Больших статуй человеческих фигур, которых полно в Египте и в какой-то степени в Месопотамии, здесь нет совсем; до нас дошли лишь несколько небольших металлических статуэток, интересных по типу и оформлению, но сравнительно грубой работы, – да и с художественной точки зрения не заслуживающих внимания. То же можно сказать о статуях животных. Но здесь в игру вступает художественный жанр, промежуточный между рельефом и отдельно стоящей скульптурой, – ортостат; этот жанр

представляет собой широко распространенное исключение из правила и практически олицетворяет собой хеттское искусство. В больших городах фундаменты ворот всегда украшены львами и сфинксами, причем голова и передняя часть животного выступает из стены, а задняя часть его тела сливается с массой стены или продолжается с каждой стороны рельефом. Источником вдохновения для этих моделей, несомненно, послужили месопотамские или египетские образцы, но в их проработке ясно виден результат независимого развития; заметнее всего он в изображении морды, тщательно вырезанной и выразительно реалистичной совершенно по-своему (фото 23).

Как везде на Древнем Востоке, у хеттов хорошо развит барельеф. Здесь он принимает характерную форму резьбы по камням естественных скал. В открытом горном святилище Язылыккая, недалеко от хеттской столицы, на скальных стенах имеются рельефные изображения двух длинных процессий божеств, движущихся навстречу друг другу (фото 24). По одной стороне шествуют женские божества под предводительством солнечной богини Аринны, по другой – мужские под предводительством бога грозы. Под ним изображены фигуры двух жрецов, а под каждым из остальных божеств – соответствующее ему животное. Боги облачены в мантии и конические шапки, богини – в короны и длинные складчатые туники. Обратите внимание: у женских фигур грудь изображена в профиль: в восточном искусстве это поразительное новшество, нарушающее все установившиеся каноны, и больше нигде не встречается. Каково значение этой процессии? Изображает ли она священный брак верховных богов? Или просто изображение «тысячи богов», упоминаемых в текстах? На эти вопросы невозможно дать определенные ответы.

Неподалеку от этой процессии внимание привлекают еще два язылыкайских рельефа. На одном из них представлен царь Тудхалия в объятиях своего бога: это новая характерная тема в восточном искусстве; мы еще встретимся с ней на хеттских печатях. На втором рельефе изображен так называемый «бог-кинжал» – кинжал, рукоятку которого образуют две пары львов, увенчанные человеческой головой в конической шляпе, приливающей к богам. В этой фигуре ясно проявился дар к символизму и одновременно тенденция совмещать в одном изображении реальных и нереальных животных или их части без слияния, характерного в других местах. Еще один пример этого можно найти в неохеттском рельефе из Кархемиша; здесь голову крылатого льва венчает другая, человеческая, голова.

Этот пример из Кархемиша приводит нас в неохеттский период. В этот период рельефная резьба на каменных блоках, образующих фундамент городских укреплений, и на стенах дворцов становится чрезвычайно распространенной. Изображения здесь невелики по размеру, довольно грубы по форме, для них характерно полное отсутствие чувства композиции; но представленные здесь человеческие и животные типы, одежда и манера проработки изображений придают им собственную легко узнаваемую идею. Среди самых примечательных образцов – недавние открытия в Каратепе (фото 25).

Хеттская печать разительно отличается от месопотамской как по форме, так и по дизайну. Здесь больше распространен не цилиндрический, а конический тип с изображением на плоском основании; такая печать не прокатывается по глине, а используется просто как штамп. Изображение часто заключается в одну или несколько рамок из круговых надписей или геометрических фигур. Само изображение может состоять из символов или фигур: на царских печатях обязательно присутствует крылатый солнечный диск – египетский по происхождению и соответствующий титулованию «солнце», принятому, как мы уже видели, хеттскими царями новой империи, – над печатью владыки или даже фигурой владыки в объятиях его бога, подобной изображению на уже упоминавшемся скальном рельефе.

Несомненно, важно, что хеттское искусство, практически не существовавшее в древней империи, внезапно расцвело в новой империи, или, точнее говоря, в один конкретный период, совпавший с победой над хурритами и явлением хеттов как великой державы древнего Ближнего Востока. Если добавить к этому, что некоторые элементы этого искусства имеют прямые соответствия в хурритском искусстве, да еще выходят за

временные и пространственные рамки Хеттской империи, то разумно будет предположить, что хеттское искусство возникло из хурритского, позаимствовало у него импульс к развитию и темы. Может показаться, что мы сформулировали свою гипотезу слишком грубо; на самом же деле считалось, что все хеттское искусство на самом деле принадлежит хурритам.

Против этой теории есть два возражения. Первое – внешнее, а именно: мы слишком мало знаем о хурритском искусстве, чтобы судить. Второе – внутреннее, а именно: некоторые сюжеты не принадлежат исключительно хурри-там, а восходят к другим цивилизациям Древнего Востока. Бесспорно, однако, что хурритский элемент играет в хеттском искусстве заметную роль; а мы находимся в таком положении, что можем обнаружить художественную жилу, но не способны разделить ее на составляющие из-за недостатка данных.

С другой стороны, зададим вопрос: достигает ли хеттское искусство четкой оригинальности и высокого качества, которое находят в нем некоторые исследователи? При внимательном рассмотрении мы так не думаем. Сравнительный обзор хеттской культуры убеждает нас, что наиболее оригинальные и значительные ее элементы – те, что остались в веках и оказали самое серьезное влияние, – следует искать в сфере политической и социальной организации, исторической концепции и международного права. В этом отношении хетты, несомненно, сыграли выдающуюся роль и превзошли остальные народы Древнего Востока. В остальных сферах цивилизации здесь наблюдается простое сочетание, даже не слияние, разнородных заимствованных элементов как друг с другом, так и с несомненно существующими национальными элементами. Именно такое наложение является самой характерной чертой хеттской цивилизации, точно так же как исторический характер эпохи, получившей название от этого горного народа, определяет сложное равновесие противостоящих факторов, при котором ни один из них не может взять верх, но и своих позиций не уступает.

Проблема хурритов

На предыдущих страницах хурритская проблема вставала снова и снова. Вообще, хурритов мы предпочитаем рассматривать именно как проблему, – ведь материал, на основе которого мы можем реконструировать историю и культуру этого народа, чрезвычайно обрывочен и сомнителен, при том что значение его несомненно велико.

Очень примечательно, что материал по хурритам приходит по большей части из мест, лежащих за пределами региона, на который, как предполагается, распространялась их политическая власть: это Тель-Амарна в Египте, Богазкёй в Анатолии, Угарит и Мари. Расшифровки хурритских текстов, сделанные лишь недавно, показывают преобладание обрядовых документов и эпико-мифологических фрагментов; некоторые из этих текстов до сих пор не опубликованы, а другие настолько фрагментированы, что ими практически невозможно пользоваться.

Начнем с истории: табличка на хурритском рассказывает о некоем Тишадале, царе Уркиша; это прямое указание на присутствие хурритского элемента в Месопотамии еще в 2300 г. до н. э. и подтверждение того факта, что появление горных народов на исторической сцене в середине 2-го тысячелетия до н. э. отмечает лишь политический их успех, которому предшествовали многие столетия постепенного проникновения. Около 2000 г. до н. э. месопотамские документы содержат множество хурритских собственных имен; хурритские тексты религиозного содержания, обнаруженные в Мари, датируются примерно 1700 г. до н. э. Это первая фаза хурритской экспансии; материала по ней слишком много, чтобы эти события можно было игнорировать, но слишком мало, чтобы можно было написать их историю. Как мы увидим, ситуация аналогична той, что в результате последних открытий возникла в отношении истории арамеев.

Ближе к 1500 г. до н. э. хурриты основали государство Митанни в Верхней Месопотамии; где располагалась его столица Вашшуканни, до сих пор не установлено.

Политическое господство Митанни быстро распространилось на окружающие земли, достигая на востоке городов Нузи и Аррапха в Ассирии, а на западе города Алалах в Сирии. Управление государством находилось в руках наследственной монархии, окруженной, однако, по традиции горных народов узким слоем знати; этот класс, известный как *марианну*, контролировал средства ведения войны и по-феодалному делил между собой землю.

В документах Тель-Амарны можно обнаружить обширные сведения о правителях Митанни, находившихся с Египтом в тесных политических отношениях, – настолько тесных, что отдавали своих дочерей в жены фараонам. Царь Тушратта, автор длинного письма Аменхотепу III, вынужден воевать с неким Артадамой, царем Хурри; нам же приходится решать: что это – династический конфликт, или Артадама был правителем другого государства, основанного хурритами. В любом случае отношения Артадамы с хеттами привели к столкновению между ними и Митанни. Результаты фатальны: Митанни терпит поражение; сын Тушратты Маттиваз (Шуттарна III) заключает договор с великим Суппилиумой, – а это, в представлениях хеттов, приравнивалось к признанию вассалитета. Произошло это событие в 1365 г. до н. э.; на нем и завершилась история империи.

Обращаясь к религии хурритов, мы обнаруживаем в божественной паре, возглавляющей пантеон, старых знакомых: это бог грозы Тешшуб и солнечная богиня Хепат. Обе эти фигуры распространились гораздо шире хурритской среды, а особенно сильные позиции завоевали среди хеттов. Из остальных божеств нам известен Кумарби, отец богов и главное действующее лицо многочисленных мифологических историй; от Шаушки и Шимике, солнечного бога, до нас дошли только имена. В пантеон входят многочисленные заимствованные элементы, от месопотамских, среди которых выделяется Иштар, до арийских, таких как Индра, Варуна и Митра, связанных с правящим классом индоевропейского происхождения. Таким образом, мы видим, что культура, обладающая большой проникающей силой, сама также очень чувствительна к проникновению извне и внешним влияниям.

Когда мы больше узнаем о хурритской литературе, непременно окажется, что она сыграла самую фундаментальную роль в культурной истории Ближнего Востока 2-го тысячелетия до н. э. Во-первых, она лежит на пути, который, как нам известно, проделали несколько великих литературных произведений Месопотамии – к примеру, поэма о Гильгамеше, хурритские фрагменты которой были обнаружены, – при движении в хеттский мир. Более того, она чрезвычайно изобретательна сама по себе: из сохранившихся фрагментов хурритских сочинений, общей картины текстов и встречающихся в них имен богов и людей ясно, что значительное число дошедших до нас произведений на хеттском имеют под собой хурритскую основу. Расшифровка этих текстов до сих пор представляется очень сложной и, более того, спорной. В их числе, к примеру, рассказ о прожорливом змее Хедамму (хеттологи относят Хедамму к драконам), который сеет вокруг себя ужас и разрушения, пока богине Иштар не удастся наконец все исправить; рассказ об охотнике Кешши, который ради жены отказывается от погони за зверем и навлекает таким образом на себя гнев богов; рассказ о любви горы Пишаиса к Иштар с историей борьбы между богом грозы и морским богом, весьма напоминающей эпизод из угаритского цикла о боге Ваале; и, наконец, рассказ об Аппу, который мы приведем в качестве примера, поскольку сюжет этого рассказа восстанавливается легче, чем большинство других. Аппу – богатый человек, но нет у него детей:

Есть город по названию Шудул в стране Луллу в стороне моря. Там в горах жил человек по имени Аппу. Богатством своим он был известен в стране, у него было много быков и овец... Ни в чем у него не было недостатка. Одного у него только не было. У него не было ни сына, ни дочери.

Здесь мы видим жажду продолжения рода, которая так широко распространена во всех

древне-восточных литературах и с которой мы еще встретимся. После многочисленных молитв Аппу наконец достаивается желанной милости:

Десятый месяц настал, и жена Аппу родила сына. Повивальная бабка подняла ребенка и положила его на колени к Аппу. Аппу тут начал ему радоваться, Аппу тут начал его покачивать. Аппу тут начал ему имя давать, подобающее первенцу. Имя ему он дал Злой, сказав: «Пока я был молодым, боги не выбирали для меня благого пути. Они мне определили злой путь. И имя у него пусть будет: Злой!»

Во второй раз жена Аппу забеременела. Настал десятый месяц, и жена Аппу родила сына. Повивальная бабка поднесла ребенка, и Аппу ему дал имя Благой: «Пусть его зовут по имени Благой!»

Как сказано, один из двух сыновей Аппу вырастает добрым, другой злым. Когда сыновья возмужали, Злой предложил Благому разделить имущество и лучшую часть взял себе:

Тогда начали Злой и Благой делить между собой дом. А бог солнца с неба смотрел на них вниз. И себе Злой взял большую часть имущества, а меньшую он дал Благому...

...Хороших коров себе взял Злой, а одну тощую корову он дал Благому, брату своему. Но бог солнца сверху, с неба, посмотрел, увидел это и сказал: «Пусть будет так: корова, которая досталась Благому, станет благой, и она Благому принесет телят, и скота у него будет много!»

Еще один текст – вероятно, продолжение этого, – рассказывает о том, как эта корова приносит человеческого ребенка. Она в ярости и хочет убить его; но солнечный бог спасает этого ребенка и делает так, чтобы его нашел рыбак, который вместе с женой и воспитывает мальчика как своего сына. Существует предположение, что, повзрослев, этот мальчик помогает отцу добиться справедливости от дурного брата; но текст дальше сильно пострадал и практически бесполезен.

В заключение мы можем задать вопрос: как классифицировать подобный тип литературы? В нем присутствуют эпико-мифологические моменты, но есть и элементы фантастической сказки, даже басни. В самом деле, история Аппу больше всего напоминает определенную форму басни, приводя на память некоторые произведения египетской литературы, о которых мы уже рассказывали.

Что касается хурритского искусства, то в нем, как мы уже убедились, кроется самая большая проблема. Имеются некоторые указания на то, что искусство это было высокоразвитым и влиятельным. Но даже тщательное исследование не слишком помогает определить его характеристики; сложности усугубляются еще и тем, что мы до сих пор не можем сказать, где располагалась столица Митанни, и вынуждены добывать информацию в других местах, где нельзя исключить вероятности иных внешних влияний. До сих пор единственный уверенно определенный элемент именно хурритского искусства – особый тип керамики с широкими черными линиями на желтом фоне с белыми изображениями животных и геометрических фигур. Как мы уже намекали и еще будем говорить, недавно оказалась под сомнением принадлежность хурритам определенного типа зданий – *бит-хилани*, – который прежде считался их характерной принадлежностью.

Мы сказали достаточно, чтобы показать: хурриты по-прежнему остаются серьезной проблемой. Несмотря на это, общий вывод все-таки можно сделать. Вероятно, по мере расширения наших знаний этот народ постепенно займет по отношению к хеттам ту же позицию, какую занимают шумеры по отношению к вавилонянам и ассирийцам.

Вспомним еще раз *Graecia capta* («Завоеванная Греция»): хурриты – еще одна

цивилизация, которая после политического своего падения продолжает жить и даже подчиняет в какой-то мере своих завоевателей.

Глава 6 **Ханаанеи и арамеи**

Буферные государства

Когда люди пустыни выходят из аравийских песков и заселяют более плодородные окружающие регионы, вмешиваются в ближневосточную историю, они не только двигаются в противоположном направлении, но и действуют в принципиально иной манере, нежели люди гор. Последние появляются на исторической сцене на ограниченное, хотя и немалое время; они создают политические организмы, характерные своим единством и сплоченностью и сопоставимые по движущей силе с империями Египта и Месопотамии; они, наконец, внезапно рушатся и исчезают под давлением внешних сил. Люди пустыни, напротив, присутствовали на месте событий с незапамятных времен и время от времени проявляли себя; кроме того, создаваемые ими государственные образования были меньших размеров и всегда уступали по влиянию и движущей силе окружающим великим державам.

Главной точкой выхода и сбора для народов пустыни служила прибрежная зона Восточного Средиземноморья между Египтом и Месопотамией. Это вполне понятно – не только потому, что это самый естественный и близкий объект для завоеваний, но и потому, что этот регион, расположенный между конкурирующими политическими блоками, был точкой наименьшего сопротивления.

Характерные черты истории этого региона всегда определялись его географическими условиями. Узкая полоска земли, открытая с одной стороны пустыне, с другой морю и почти целиком занятая горами, изрезанными вдоль и поперек речными долинами и открытыми равнинами... Можно сказать, что этот регион самой природой предназначен был служить ареной политической фрагментации. Более того, его положение – на полпути между Месопотамией, Анатолией и Египтом, на пересечении путей сообщения, связывающих три континента, – делает его естественным местом встречи и столкновения великих держав. Этим объясняется и вечно шаткое положение, и разобщенный характер местных политических образований, которые периодически подвергались самым разным влияниям и часто разрушались тем самым иностранным владычеством, которое, как ни парадоксально, одно только и способно было их объединить. Говоря современным языком, здесь всегда существовали исключительно «буферные государства». Зажатые между более крупными и мощными державами, они довольствовались в истории пассивной ролью, а их политика изобиловала колебаниями и откатами; тем не менее, как мы убедимся, это вовсе не лишало их собственной индивидуальности.

С точки зрения историка, традиционное деление этого региона на две части – Сирию и Палестину, к которым можно добавить еще Ливан и Финикию, – далеко не идеально. Такое деление говорит одновременно и слишком мало, и слишком много. Слишком мало, потому что в этих районах природа слишком разнообразна, а политическая история чрезвычайно раздроблена. Слишком много, потому что разделение и разграничение этих регионов между собой само по себе неадекватно; можно подумать, что его определяют исключительно религиозные, а не политические факторы – а именно история Израиля, – тогда как на самом деле эти исторические единицы были таковыми лишь на протяжении очень небольших периодов времени. Мы считаем более правильным отказаться от этого деления в пользу единого всеобъемлющего термина, который следует понимать как обозначение совокупности многочисленных и часто меняющихся элементов. Если мы попробуем опереться на классических авторов и современных географов, то окажется, что единственно возможное обозначение этого региона – Сирия в широком смысле этого слова, весь регион

между Египтом и Месопотамией, Аравийской пустыней и Средиземным морем. Однородность здесь почти исключительно географическая, но оказывает влияние и на исторические процессы – влияние, возможно, негативное и пассивное, но оттого не менее реальное. Это промежуточная зона между силовыми блоками, историческая цель активных конкурирующих сил, точка, где в зависимости от обстоятельств происходило то объединение, то расщепление.

Племена, приходившие время от времени в Сирию (мы теперь будем использовать это слово в широком смысле, о чем только что говорилось) из пустыни, не были, разумеется, там единственными; несомненно, однако, что они были там самыми заметными и играли немалую роль как в формировании этнического комплекса, так и в определении хода истории. Эти народы были связаны между собой не только географически, но и общим происхождением, причем эта связь здесь гораздо прочнее, чем у горных племен. Если в горах она ограничивалась отдельными пластами или элементами, то здесь распространялась на целую группу пустынных племен общего происхождения. Эту особенность легко объяснить вынужденной изоляцией, которую обеспечивали природные условия пустыни.

Люди пустыни были семитами. Однажды мы уже были свидетелями того, как стремление этих племен к экспансии привело к завоеванию Месопотамии и формированию вавилонской и ассирийской цивилизаций. В Сирии им удалось добиться большего этнического преобладания, но их политические амбиции здесь были более ограничены. Все дело в местных условиях.

Различные группы этих племен известны под многими именами, столь же разнообразными и противоречивыми, как местные географические названия. В заголовок этой главы мы вынесли ханаанеев и арамеюв – это самые распространенные и всеобъемлющие названия. Первое (ханаанеи) объединяет под собой всех семитских обитателей Палестины и финикийского побережья, а второе (арамеи) обозначает одну из групп, утвердившуюся в северной прибрежной зоне в конце 2-го тысячелетия до н. э. Как будет показано, только второй из этих терминов обозначает нечто относительно конкретное, тогда как «ханаанеи» это объединяющее понятие, в которое входит множество отдельных элементов; если разобраться, это понятие определяется скорее негативно, как «неарамеи». В него входят амориты (амурру), моавитяне, идумеи, аммонитяне и даже иудеи. По этой причине мы повторим сказанное о географической ситуации: деление на две части неадекватно, потому что не принимает во внимание внутреннего разнообразия; и слишком определенно, потому что не учитывает общего – несмотря на разнообразие составляющих элементов – внутреннего единства этих народов, заданного общностью состава, происхождения и среды обитания. Так что с названием народа возникает та же проблема, что и с географическим названием. Решение тоже аналогично: точно так же, как для обозначения региона мы выбрали термин «Сирия», его обитателей мы будем называть «сирийцами». Как и с географическим названием, мы предварительно оговоримся, но предупредим заранее: дальнейшее исследование ясно выявит необходимость общего термина для обозначения общих характеристик и условий – а следовательно, исторической общности, которая, хоть и состоит из разнообразных, постоянно меняющихся элементов, не становится оттого менее реальной.

Исторический очерк

Самый длинный период древнесирийской истории, с начала времен до примерно 1200 г. до н. э., проходил под египетским влиянием. Затем, примерно на триста лет, кризис великих империй позволил местным образованиям добиться независимости и даже – ненадолго – единства. Наконец, начиная с 900 г. до н. э., этот регион постепенно захватывает ассирийская экспансия; сначала Ассирия распространяет сюда свое влияние, затем завоевывает. В VI в. до н. э., когда ассирийцев сменили вавилоняне, оккупация уже завершена и Сирия, утратившая независимость, просто переходит от одной империи к

другой в качестве провинции.

Этот исторический обзор следует дополнить географическим пояснением: даже в период египетского господства крайний север региона находился в сфере политического и культурного влияния месопотамских и анатолийских народов; тогда как крайний юг оставался под египетским влиянием даже во время ассирийской экспансии.

Политика противостоящих сил в Сирии имела совершенно разные организационные формы; господство конкурирующих держав имело совершенно разную природу. Как мы позже рассмотрим в деталях, египтяне не ставили себе целью аннексировать эти земли; они хотели лишь контролировать их, а потому удовлетворялись данью с местных владык и назначением своих смотрителей и сборщиков дани. Египтяне не колонизировали территорию и практически никак не влияли на ее этническую структуру. Хетты придерживались примерно той же политики, что и египтяне, и даже заключали с местными владыками такие же договоры о вассалитете, как между собой; но этнически они очень активно проникали в регион, в результате чего здесь возник неохеттский политический и культурный сектор. Наконец, ассирийцы придерживались политики прямой аннексии и стремились уничтожить всякие традиции независимости, для чего переселяли на новые места целые массы народа. Эта политика, которую продолжили и довели до логического конца вавилоняне, положила конец существованию Сирии как самостоятельной исторической единицы.

У нас нет практически никакой прямой информации о начале проникновения в Сирию семитских племен; поэтому лучше оставить в стороне многочисленные гипотезы и предлагаемые даты. Однако можно рассмотреть косвенные свидетельства: горы и реки региона носят преимущественно семитские названия; то же относится и к некоторым городам, построенным, как доказала археология, в самом начале исторического периода, если не раньше. Таким образом, предположение о том, что к началу истории (ок. 3000 до н. э.) семиты здесь уже присутствовали, кажется вполне оправданным.

На основании археологических данных можно также сформулировать гипотезу о политической организации древнейших обитателей региона. Мощные стены вокруг городов говорят о системе городов-государств, приспособленных к обороне как друг от друга, так и от окружающих кочевых племен.

С самого начала городами правили, вероятно, местные владыки, как происходило и в более поздние исторические периоды. Мы не можем сделать никаких выводов о природе и форме правления в этих городах-государствах; но из древнейших египетских текстов нам известно, что Египет доминировал над этими мелкими государствами как в политике, так и в торговле; время от времени он устраивал сюда военные экспедиции, чтобы убедительно напомнить о своем господстве и необходимости платить дань. При ближайшем рассмотрении этот факт свидетельствует о местных беспорядках – иначе не видно достаточно веской причины для столь решительных действий.

К началу 2-го тысячелетия до н. э. данных у нас появляется больше. В египетских текстах появляются новые собственные имена сирийских правителей: теперь это имена, характерные для аморитов – семитского племени, которое, как мы уже видели, примерно в это время проникло в Месопотамию и утвердилось там. Таким образом, мы можем сделать вывод, хотя и не знаем наверняка, когда и как это произошло, что движение этих племен достигло Сирии, привнеся сюда, как и в Месопотамию, новый этнический элемент. Поскольку египетские и месопотамские свидетельства, как правило, совпадают, история аморитов известна нам значительно лучше, чем история их предшественников. В египетских «текстах проклятий» называются имена и места правления владык, а фрески в Бени-Хасане дают некоторое представление об их внешности. Кроме того, в дипломатических архивах Мари можно найти немалую переписку с этими правителями. Вместе два этих источника говорят о раздробленности на города-государства или, по крайней мере, на небольшие провинции, по образцу тех, что прежде существовали в Сирии, – а также о том, что центральные и южные государства региона попадали в сферу влияния Египта, а северные –

Месопотамии.

Из сказанного очевидно, что большая часть наших знаний об истории Сирии получена из внешних источников, в основном из дипломатических архивов. Вообще, о событиях 2-го тысячелетия до н. э. мы знаем почти исключительно из двух таких архивов – уже упоминавшегося архива Мари в Месопотамии и несколько более позднего по времени архива Тель-Амарны в Египте. Лишь недавно с открытием политических архивов в Алаахе и Угарите такое положение вещей несколько изменилось; обнаруженные вновь архивы доказывают, что местные мелкие властители тоже хранили дипломатические документы. Преобладание архивных данных сочетается здесь с почти полным отсутствием исторических надписей или анналов³³, подобных тем, из которых мы черпаем основные сведения по истории соседних империй. Поэтому информация, имеющаяся в нашем распоряжении, носит разный характер: в случае великих империй мы знаем в основном о военных предприятиях и мирных делах внутренней политики, а в случае Сирии – наблюдаем хитросплетения дипломатии и отношения между бюрократическими институтами.

Поскольку «тексты проклятий» называют только имена, информацию о аморитском периоде приходится извлекать из архивов Мари. В Верхней Сирии выделяются три государства: Кархемиш, Алеппо и Катна. Особенно тесные отношения существовали между Мари и Катной. На мощь этого государства указывают несколько фактов: в документах упоминаются двадцать зависимых от него царей; его царствующий дом заключает династический брак с царствующим домом Ассирии; Катна на равных с Мари участвует в совместной военной экспедиции. Так, царь Катны приглашает царя Мари присоединиться к нему в общем предприятии:

Ясмах-Адду скажи: так говорит Ишхи-Адду, брат твой... Что касается твоего прихода сюда, не пренебрегай. Сейчас удачный момент тебе прийти. Пусть твое войско радуется добыче и благословляет тебя. Те три города не сильны, мы сможем взять их в один день. Поэтому приходи не мешкая, возьмем эти города, и войско твое порадует добыче. Если ты брат мне, приходи ко мне не мешкая.

Обратите внимание на вступительную формулировку, характерную для этого эпистолярного стиля. У нас есть еще одно письмо, также имеющее отношение к Катне и интересное в первую очередь своими личными интонациями. Это прекрасный пример тех возможностей, что открывают перед нами эти архивы; мы уже видели в приложениях к вавилонянам и ассирийцам, как они помогают нам уйти от стереотипных форм, преобладающих в официальных надписях, и увидеть за ними характеры и субъективные реакции древних царей. Царь Катны послал царю Ассирии двух ценных коней и получил в ответ жалкую сумму в двадцать мин свинца. Он настолько разгневан, что пишет своему царственному коллеге:

Ишме-Дагану скажи: так говорит Ишхи-Адду, брат твой. Таких вещей говорить не следует, но я просто должен высказаться, чтобы облегчить душу. Истинно сказано, ты великий царь! Ты попросил у меня двух коней, о каких мечтал, и я послал их тебе, и вот, ты прислал мне двадцать мин свинца!.. Цена этих коней здесь, в Катне, составляет шестьсот сиклей серебра; а ты прислал мне двадцать мин свинца! Что сказали бы люди, если бы узнали об этом? Они наверняка не смогли бы смотреть на нас как на равных!

Вспышки такого рода, с их живостью и прямоотой, редко встречаются на Древнем Востоке. Тем интереснее для нас тот факт, что письмо это обнаружено в архиве Мари; это

³³ Анналы Тира, о которых мы будем говорить позже, сохранились лишь в очень небольшой степени и к тому же во вторичном источнике.

означает, что царь этого города – брат царя Ассирии – перехватил его и не постеснялся прочесть, а затем решил, что не стоит пересылать такое письмо адресату.

Эти архивы свидетельствуют также о постоянном давлении на государства, стоящие на окраине пустыни, со стороны кочевых племен в их постоянном стремлении к более плодородным землям. Вот что пишет некий местный вождь царю Мари об одной из опаснейших кочевых групп, бини-ямина:

Моему господину скажи: так говорит Яким-Адду, слуга твой. Касательно дел бини-ямина, о которых я писал моему господину, то я послал человека в их города, чтобы прояснить дело... Когда их спрашивают, они отвечают: «Нет пастбищ, поэтому мы движемся в верхние земли». Так они мне сказали. Мое ополчение сильно... каждый из бини-ямина, направляющийся из нижних земель в верхние, будет схвачен, а схваченный, будет посажен в тюрьму. Пусть мой господин изволит написать мне, и я прикажу доставить этих пленников ему.

Эра Мари сменяется временным владычеством гиксосов. Затем Египет восстанавливает свое владычество, которое на севере уравнивается лишь вмешательством горных народов, в первую очередь хеттов. Этнически хетты проникают все дальше и дальше, и в XVI в. до н. э., как вновь показывают имена собственные, сирийское население представляет собой смесь доаморитских семитов, аморитов, хеттов и хурритов; нет только египтян, поскольку их владычество характерно не колонизацией, а контролем.

Мы располагаем большим количеством данных по XIV в. до н. э.; источник этих данных – архивы Тель-Амарны. В столице фараона-реформатора Аменхотепа IV была обнаружена переписка, которую он сам и его предшественники вели с мелкими сирийскими вассальными государствами. Из-за слабости Египта этот период выдался особенно беспокойным. Мелкие царьки конфликтовали друг с другом, жаловались друг на друга фараону, просили о помощи. К примеру, так царь Мегиддо Биридия доносил фараону о поведении Лабаи, царя Сихе (Шхем):

Царю, господину и солнцу моему, скажи: так говорит Биридия, истинный слуга царя. К стопам царя, моего господина и солнца моего, припадаю семь и еще семь раз... Да будет известно царю, с тех пор как вернулись лучники, Лабая строит мне козни, и мы не можем щипать шерсть, и мы не можем выходить за ворота в присутствии Лабаи, потому что он узнал, что ты не дал лучников; и теперь он твердо решил захватить Мегиддо. Пусть защитит царь свой город, иначе Лабая захватит его! Воистину, город поражен смертью от чумы и болезни. Пусть царь даст сотню человек гарнизона для защиты города, иначе Лабая захватит его! Воистину, у Лабаи нет другой цели. Он пытается разрушить Мегиддо.

Еще раз обратите внимание на характерную фразеологию начала. Лабая отвечает на упреки фараона протестами и заявлениями о своей невинности:

Царю, господину и солнцу моему, скажи: так говорит Лабая, слуга твой и грязь, на которую наступаешь. К ногам царя, господина моего, припадаю семь и еще семь раз. Я слышал слова, которые царь написал мне, и кто я такой, чтобы царь терял из-за меня свою землю? Вот, я верный слуга царя, и я не бунтовал, и я не грешил, и я не задерживал дань свою, и я не отказываюсь выполнять требования твоего представителя. А теперь на меня злостно клеветают, но пусть царь, господин мой, не приписывает мне измену!

Был ли Лабая искренен в своих протестах? В подобных ситуациях у египетского суда было единственное средство установить истину: послать в соответствующий город инспекторов, которые бы действовали одновременно как наблюдатели и как сборщики дани. Однако иногда такие чиновники сами начинали творить произвол. Об одном таком случае

царь Гезера Милкилу пишет фараону с очевидной искренностью:

Царю, господину моему, пантеону и солнцу моему, скажи: так говорит Милкилу, твой слуга, пыль под твоими ногами. К ногам царя, моего господина, пантеона и солнца моего, семь раз, семь раз я припадаю. Пусть царь, мой господин, знает, что сделал со мной Янхаму после того, как я покинул царя, моего господина. Теперь он хочет получить две тысячи сиклей серебра из моей руки, говоря мне: «Отдай мне твою жену и детей твоих, или я раздавлю тебя!» Пусть царь знает об этом деле, и пусть мой господин пришлет за мной колесницы, и пусть он возьмет меня к себе, чтобы я не погиб!

Особенный интерес представляют письма, в которых речь идет об отчаянных воинах-хабиру. Кто это такие? Действительно ли это евреи, как с давних пор полагают некоторые ученые, опираясь на формальное сходство названий? Из текстов явствует, что хабиру – люди больших военных способностей, причем в одних государствах они находятся под контролем властей, а в других совершают пограничные набеги и ведут своего рода партизанскую войну. Однако самая поразительная черта хабиру состоит в том, что имена этих людей от региона к региону меняются по типу и национальной принадлежности, так что создается впечатление, что это не этническая группа, а общественный класс. Соответственно, идентифицировать их с евреями некорректно, разве что последние тоже составляли часть класса хабиру в некоторых регионах и в некоторые периоды времени, – так что другие народы называли их хабиру.

История периода, непосредственно следовавшего за эрой Тель-Амарны, лучше всего отражена в исторических архивах, недавно обнаруженных в Угарите. Они относятся ко времени примерно с середины XIV в. по середину XIII в. до н. э. и свидетельствуют о том, что Угарит, расположенный на крайнем севере Сирийского региона, находился под хеттским владычеством. В этом архиве имеется договор на привычном для дипломатии аккадском языке между великим царем Суппилулиумой и царем Угарита Никмаду. Структура договора следует классической модели хеттских дипломатических документов: начинается с исторической преамбулы, переходит к условиям соглашения и завершается просьбами к богам. К договору прилагается письмо, в котором Суппилулиума советует Никмаду согласиться на предлагаемый союз:

Так говорит солнце, великий царь... Никмаду говорит: хотя земля Нихашше и земля Мукиш мои враги, не опасайся их, имей веру в себя! Как в прошлом твои предки были друзьями, а не врагами земли хеттов, теперь и ты, Никмаду, будь врагом моих врагов и другом моих друзей. Если ты, Никмаду, прислушаешься и исполнишь эти слова великого царя, твоего господина, ты увидишь результат милостей, которые великий царь, твой господин, дарует тебе. Сохрани поэтому, Никмаду, союз и дружбу с землей хеттов, и ты увидишь, как обойдется великий царь с царями Нихашше и Мукиша, которые отказались от союза и дружбы с хеттским народом и стали врагами великого царя, их господина! Тогда ты, Никмаду, вперед будешь верить словам великого царя, твоего господина.

Самые поздние документы угаритского архива датируются периодом незадолго до вторжения людей моря. Это вторжение, которому предшествовали многочисленные стычки, пришло на Ближний Восток около 1200 г. до н. э.

Народы моря оставили политический след в виде крошечного государства филистимлян на побережье и этнические следы в виде вливания нового индоевропейского элемента в очень неоднородный комплекс племен Сирийского региона. Но главное значение этого вторжения состоит в том, что оно создало исторический вакуум между двумя великими державами, которые разрушило или оттеснило в естественные пределы. Этот вакуум заполняется целой цепочкой семитских племен, верных присущей им экспансионистской

тенденции; они организуют здесь собственные политические организмы, небольшие, но впервые в истории принципиально независимые. На юге преобладает группа израильских племен, но вместе с ней приходят и селятся рядом и представители других групп: мидианиты, идумеи, моавитяне и аммонитяне. На севере преобладает арамейская племенная группа.

И израильтяне, и арамеи имеют за плечами длинную историю: история израильтян известна в традиционном библейском пересказе, история арамеев в настоящее время выясняется при помощи серии ссылок в различных текстах; однако эти ссылки доказывают всего лишь существование такого народа и не дают никаких подробностей. Единственный достоверный факт, привнесенный в историю арамеев современным историческим подходом, состоит в том, что их утверждение в Сирии совпадает по времени всего лишь с образованием известных нам городов, а вовсе не с появлением арамеев в этом регионе.

Организация новых народов воспроизводит монархическую форму, уже существующую в регионе. Единственное исключение – Израиль, который с самого начала представляет собой конфедерацию племен вокруг религиозного центра. Мидианиты, идумеи, моавитяне и аммонитяне имеют собственных царей – как и арамеи, хотя арамеи при этом не объединены, а образуют несколько отдельных государств: это Дамаск, Соба, Хамат, Бит-Агуши – центрами здесь были Алеппо и Арпад – и Шамаль. Вообще, арамеи не были ограничены территорией Сирии: они проникли и в Месопотамию, где основали государства Бит-Адини, Бит-Бахьяни и Бит-Якини.

Примерно в 1000 г. до н. э. в результате создания израильской монархии сложившееся равновесие оказывается поколеблено в пользу этой монархии, и через некоторое время весь Сирийский регион объединяется под ее властью или господством. Государство израильтян – самое крупное и независимое из всех существовавших до того момента сирийских государств; его существование возможно потому, что в великих империях, между которыми оно располагается, продолжается кризис. Когда же – около конца X в. до н. э. – эти империи вновь обретают стремление к экспансии, израильская монархия разделяется на два государства – Иудею и Израиль, и равновесие восстанавливается; однако это неустойчивое равновесие, и его чем дальше, тем больше нарушают внешние угрозы.

Начиная с этого момента мы можем достаточно подробно отслеживать последнюю фазу сирийских альянсов и конфликтов, причем по местным источникам. Во-первых, у нас есть обширная историческая литература израильтян; в городах Финикии имеются многочисленные, хотя и краткие, надписи; кроме того, Иосиф Флавий воспроизводит и сохраняет для нас фрагменты анналов Тира, в то время главного города Финикии; моавитяне оставили для потомков длинную и информативную надпись о деяниях царя Меши; и, наконец, многочисленные арамейские надписи позволяют нам идентифицировать и реконструировать различные исторические события. Необходимо отметить, что все эти надписи сделаны алфавитным письмом; это свидетельствует о новом громадном шаге по пути цивилизации: изобретении алфавита. Скорее всего, это было сделано во 2-м тысячелетии до н. э. где-то в Сирии, и, безусловно, это величайший вклад, который внесли народы этого региона в дело прогресса человечества.

Исторические надписи всегда посвящены одному и тому же: отмечают победу над врагами. К примеру, в арамейской надписи, которую царь Хамата Закар в конце X в. до н. э. посвящает своему богу Ваалу, говорится так:

Стелу поставил Закар, царь Хамата и Лагиша, [богу] Алуру... Я Закар, царь Хамата и Лагиша. Ваал небесный услышал меня, помог мне и поставил меня царем над Хадраком. Бар-Хадад, сын Азаила, царь Арама, соединил против меня 14 царей: Бар-Хадада и его войско, Бар-Хаша и его войско, царя Куэ и его войско, царя Амка и его войско, царя Гургума и его войско, царя Шамали и его войско, царя Мализа и его войско... и еще семь царей с их войсками. Все эти цари осадили Хадрак. Они возвели стену, более высокую, чем стена Хадрака, и вырыли ров, более глубокий, чем его ров. Но я воздел мои руки к Ваалу небесному, и он

услышал меня, и говорил со мной через пророков и через прорицателей, и сказал: «Не бойся, я сделал тебя царем; я с тобой и освобожу тебя от всех осаждающих и всех этих царей...»

Из этой надписи можно сделать вывод о долговременной независимости, о сосредоточенности исключительно на местных проблемах. И это верно в отношении всего Сирийского региона. Горизонт здесь расширяет только одна группа крохотных финикийских государств – да и то не средствами местной политики, а путем заморской колонизации, которая остается их характерной чертой. Начиная по крайней мере с XI в. до н. э. финикийцы основывают базы на островах Эгейского моря, в Киликии, в Северной Африке, в Испании, на Мальте, Сицилии и Сардинии. Большинство из этих колоний финикийцы обязаны Тиру, основателю, кроме всего прочего, важнейшую из заморских колоний – Карфаген.

Возникнув в конце IX в. до н. э., этот город со временем выстроил вокруг себя великую империю.

С началом VIII в. до н. э. сирийская политическая сцена меняется. Усиливается давление Ассирии, которое постепенно превращается в настоящую аннексию. Начиная с этого момента владыки не стесняются признавать свой вассалитет, как можно судить из надписи, оставленной царем Шамаля Бар-Ракибом:

Я Бар-Ракиб, сын Панамувы, царь Шамаля, слуга Тиглатпаласара, господин четырех частей земли. Благодаря праведности отца моего и моей собственной праведности воссел я по воле господина моего Ракиб-Эля и господина моего Тиглатпаласара на трон отца моего. Дом отца моего выиграл более других, и я выполнял волю моего господина, царя Ассирии, среди могучих царей, обладателей серебра и золота. Я воссел в доме отца моего и добился его процветания превыше дома одного из могучих царей. Братья мои, цари, завидуют процветанию моего дома. Отцы мои, цари Шамаля, не имели доброго дома. Они владели домом Киламумы, что был им домом зимним и домом летним. Но я построил этот дом.

Во второй половине VIII в. до н. э. мелкие сирийские государства начинают разрушаться: в 743 г. до н. э. пришел черед Арпада, в 732 г. до н. э. – Дамаска, в 722 г. до н. э. – Самарии, в 675 г. до н. э. – Сидона. Ассирийцев сменили вавилоняне, но политика не изменилась: в 586 г. до н. э. падением Иерусалима заканчивается древняя история евреев; в 573 г. до н. э. взят Тир; в конце концов покорены и самые южные государства. Когда в 538 г. до н. э. персы завоевывают Вавилон, Сирия уже является всего лишь провинцией Вавилонской империи. Как провинция, она просто переходит от одного завоевателя к другому. Вассалитет уступает место оккупации; начинается применение политики массовых депортаций, и этнические силы, формировавшие до этого историю Сирии, рассеиваются и гибнут.

Религиозная структура

Характерные черты сирийской цивилизации прямо следуют из природы и условий ее истории. Тому и другому недостает единства, и невозможно говорить об одной отдельно взятой культуре, – существует столько же культур, сколько мелких политических организмов, в которых они формируются. Поскольку основой истории Сирии служит смешение этнических элементов, ее культура также представляет собой продукт объединения слабо сопоставимых элементов. Наконец, поскольку преобладающей темой сирийской истории является иностранное владычество, в культуре тоже преобладает влияние соседних великих держав. Добавьте к этим факторам почти непрерывные войны и вторжения – и получите ситуацию, не только не способствующую развитию цивилизации, но угрожающую ей. Этим, в частности, объясняется малое количество сохранившихся памятников, в противоположность обилию месопотамских и египетских документов.

Эти же соображения полностью приложимы и к религии – или, скорее, религиям Сирии. Здесь различия между ханаанеями и арамеями имеют некоторое значение – конечно, не в смысле различий между двумя единичными элементами, а между двумя группами, которые различаются между собой как субъективно (по верованиям), так и объективно (по природе и периоду соответствующих источников информации). Ханаанские источники старше и обширнее благодаря Угариту; кроме того, они достаточно подробны благодаря косвенной информации Ветхого Завета. Поэтому мы немало знаем о пантеоне и в некоторой степени о религиозной жизни ханаанеев с начала 2-го тысячелетия до н. э. В случае арамеев у нас нет чисто религиозных документов, относящихся к этому периоду; а несколько исторических надписей, вместе с библейскими данными исторического характера, позволяют нам восстановить их верования только для 1-го тысячелетия до н. э., и то в основном в отношении божеств.

Религия ханаанеев, подобно другим религиям Древнего Востока, представляет собой естественный политеизм с характерной фрагментацией и внешними влияниями, которые мы уже упоминали. Тем не менее тщательное изучение позволяет выделить некоторые типичные черты, на которых мы и сосредоточимся. Начнем с того, что характеристики и атрибуты богов здесь пугающе текучи: одни и те же функции приписываются разным богам, их отношения между собой меняются, даже их пол нельзя назвать постоянным. Во-вторых, имена богов часто представляют собой простые существительные или существительные общего происхождения, а не собственные имена. Создается впечатление, что в данном случае над персонифицированным богом превалирует *nomen loci* (дух места), что первично общее ощущение божественного присутствия, а не его индивидуальность. Наконец, в религии ханаанеев присутствуют удивительно грубые элементы, такие как человеческие жертвоприношения и освященная проституция. Они свидетельствуют о некотором варварстве, об отсутствии развитой цивилизации, какую мы видим среди великих соседей ханаанеев. Короче говоря, ханаанская религия более примитивна, а ее характерные черты мы только что перечислили.

Главный источник информации по реконструкции ханаанской религии – тексты Угарита. Но сразу же возникает вопрос: ограничены ли описанные в текстах верования только этим городом или по ним можно судить и об окружении? На этот вопрос можно ответить только путем сравнения угаритских документов с немногочисленными косвенными упоминаниями в других источниках, и ответ таков: насколько мы можем судить, описанные в угаритских текстах верования были широко распространены в регионе. Это не противоречит нашим предыдущим замечаниям о фрагментированности региона, поскольку литература Угарита, несомненно, выражает представления образованного класса, а не местные народные верования.

Высшим богом у ханаанеев был Илу. Илу – обычное слово, означающее «бог»; однако в других частях семитского региона имеются указания на процесс персонализации. Илу – загадочная фигура; может быть, он верховный небесный бог, но в мифологии появляется так редко, что, помимо верховенства, его атрибуты трудно определить.

Еще один великий ханаанский бог – Ваал – занимает подчиненное Илу место; тем не менее он гораздо более заметен и деятелен. Ваал – тоже обычное слово и означает «господин», то есть здесь тоже заметны следы персонификации. Природу и атрибуты Ваала определить легче: это бог грозы и соответственно ханаанский вариант той космической силы, которой поклонялись в Месопотамии и которую горные народы ставили во главе своего пантеона. Более того, благодаря характерному совмещению функций Ваал – еще и бог умирающей растительности и, как таковой, соответствует другой важной фигуре древне-восточных религий.

Женский элемент природного цикла олицетворяет великая богиня плодородия, жена Ваала Астарта; ее имя – всего лишь вариант месопотамского Иштар. Это, однако, не мешает иногда приписывать ее функции и атрибуты другим богиням, таким как Анат, сестра или

жена Ваала, и Ашерат, жена Илу. Вообще, ханаанская религия представляет собой пример религии, которой недостает организующей и централизующей силы, вследствие чего разные ее элементы накладываются друг на друга без всякой системы, а личностные сущности свободно путешествуют от одного бога к другому на фоне базовых верований. Однако фон этот очень ярок; в частности, богиня плодородия представляет собой главную тему ханаанского искусства; изображают ее в виде фигурок с сильно гипертрофированными сексуальными чертами – самых распространенных и типичных произведений этого искусства.

Наш список богов региона должен включать также богов-покровителей различных племен; к примеру, мы можем назвать Кемоша у моавитян и Милкома у аммонитян. Последнее имя – еще один пример обычного слова, означающего «царь»; и оно же вновь появляется в имени бога города Тира, Мелькарта, которое полностью означает «царь города».

Астральные божества играют в ханаанском пантеоне чрезвычайно маленькую роль, что сильно контрастирует с религиозными верованиями других восточных народов. Более того, все они, кажется, иностранного происхождения и как таковые должны стоять первыми в длинном списке заимствованных богов. Источниками заимствования примерно в равной степени служили Месопотамия и Египет, поэтому в ханаанском пантеоне с египетскими божествами, такими как Хатор, Амон-Ра, Пта и Бес, соседствуют месопотамские боги Син, Нергал и Нинурта.

В настоящее время мы можем лишь частично реконструировать религиозную жизнь ханаанцев, ибо вместо обширной религиозной литературы, обычной для соседних народов, здесь мы имеем всего лишь несколько коротких и плохо сохранившихся угаритских документов. Вследствие этого основным источником информации остается косвенный источник – Ветхий Завет.

Жреческий персонал у ханаанцев довольно хорошо организован и подразделяется на классы по функциям: помимо верховного жреца и обычных жрецов есть еще смотрители святилищ, плакальщицы и храмовые проститутки. Должны были существовать также прорицатели, поскольку в угаритских документах часто упоминаются гадания. Наконец, существовала особая категория пророков: из-за недостатка данных мы не можем точно определить их функции, но именно их среда воспитала другой религиозный класс, который в Израиле приобрел первостепенное значение.

В концепции священных мест также возникает новый элемент: эти места уже не связаны исключительно – или даже в первую очередь – с храмами; очень часто они располагаются на открытом воздухе – ведь это более естественное место для поклонения, да и к истокам ближе, – рядом с деревьями, водными источниками и в первую очередь на вершинах холмов, знаменитых «горних местах», известных по Библии. Непременная составляющая такого святилища – один или несколько священных камней, в которых, как считается, обитает местный бог, алтарь и небольшое огороженное место.

Ханаанские жертвоприношения также несут в себе черты новизны. Имеются свидетельства принесения в жертву не только животных, но и людей. Человеческие жертвоприношения производятся в периоды великих бедствий, когда люди желают выказать божеству особое уважение. Но распространенное мнение о том, что при закладке важных зданий ханаанцы приносили в жертву детей, не оправданно: ни один из обнаруженных в фундаментах скелетов не несет следов насильственной смерти.

Наконец, еще одной отличительной чертой ханаанской религии была священная проституция – ритуал, который выражает и воспроизводит ту самую концепцию возрождения плодородия земли, которая является также основной темой обширной литературной традиции.

По всей области расселения ханаанцев имеются свидетельства культа мертвых. Иногда саркофагам в гробницах, куда помещались тела умерших, придавали форму человеческого

тела (художественный элемент египетского происхождения); кроме того, в гробницу вместе с телом помещали различные приношения, такие как вазы, блюда, лампы и украшения. Это свидетельствует о том, что хана-анеи верили в загробную жизнь, но мы не можем сколько-нибудь достоверно определить, что они думали о будущей жизни.

В более позднюю эпоху и на более ограниченном пространстве арамейский пантеон имел всего одну отличительную черту – негативную, но оттого не менее значительную. В этом пантеоне не было ни одного бога, которого можно было бы определенно считать собственно арамейским.

Так, по региону был широко распространен бог грозы Хадад. Это не кто иной, как Адад, с которым мы уже встречались в Месопотамии, – если, конечно, когда-нибудь новые данные об арамеях не помогут нам определить, что на самом деле этот бог имел арамейское происхождение.

Как обычно, Хададу полагалось женское божество-спутник. Греческий писатель Лукиан, посетивший святилище в Иераполисе в начале христианской эры, определил это божество как Атаргатис, еще одно воплощение богини плодородия. С ней был связан молодой бог Симиос, который, таким образом, завершал естественный цикл.

У арамеев обнаруживаются и месопотамские элементы: мы видим здесь солнечного бога Шамаша, лунного бога Сина, а также Нергала, Набу и других. Поскольку свидетельств о сравнимом египетском влиянии нет, мы можем заключить: в этом регионе, расположенном ближе к месопотамскому центру влияния, преобладала именно месопотамская культура.

Соседний ханаанский мир также оставил здесь свои следы: в нескольких местах вновь появляются Илу и Ваал, и даже израильский Яхве, судя по всему, не вызывает отторжения.

У нас нет почти никаких данных об арамейском ритуале. Имея в виду общие внешние условия, можно предположить, что религиозный ритуал арамеев не слишком отличался от принятых у соседних народов. Однако мы не можем сказать ничего более определенного, пока новые открытия не прольют свет на религиозную жизнь этого народа.

Литературные жанры

Когда мы говорим о древнесирийской литературе, мы подразумеваем в основном литературу Угарита. Ханаанский регион не сохранил для нас никакой другой литературы, а арамейский не сохранил и того. Поэтому пока о блестящей, возможно, арамейской литературе нам говорит только постепенное распространение этого языка по всему пространству между Евфратом и Нилом и появление в самом конце рассматриваемого периода интересной повести о мудром Ахикаре.

Вообще, в Угарите имеется лишь один жанр из множества нам знакомых, – а именно жанр мифологии и эпоса. Мы не можем рассматривать переписку, описи и хозяйственные документы как литературу в буквальном смысле этого слова; это же можно сказать об обнаруженных недавно юридических документах, хотя эти документы дают нам возможность взглянуть краем глаза на ханаанское общество. Будто в качестве компенсации, мифологических и эпических текстов довольно много, и, хотя их интерпретация и определение правильной последовательности затруднительны, можно сказать, что арамейский эпос вполне выдерживает сравнение с богатой литературой окружающих народов.

Сказав это, мы должны напомнить сказанное немного ранее о религии, – а именно, что Угарит иллюстрирует и показывает нам цивилизацию не только свою, но и более широкого масштаба. Так что литература Угарита, как и его религия, относится не только к этому городу, хотя мы не в состоянии определить точные пределы ее распространения.

Главными героями самой длинной из имеющихся у нас мифологических поэм, или циклов, являются бог Ваал и его сестра Анат. Цикл состоит из нескольких эпизодов, таких

как борьба Ваала с морским богом Ямом и победа над ним, а также строительство великолепного дворца в честь Ваала. Но стержнем истории являются смерть и воскрешение Ваала – еще один вариант мифа о пропавшем боге. Более того, это новое воплощение старого мифа очень интересно; во-первых, оно настолько подробно, что может сравниться только с хеттской версией, и, во-вторых, в ней есть независимые элементы. Основной из них – тот факт, что противником Ваала выступает Мот, бог подземного мира, а основа сюжета – рассказ о борьбе двух богов.

Ваал ссорится с Мотом, пробирается в подземный мир и там, после отчаянной схватки, встречает свою смерть. Его сестра Анат решает отомстить за него:

Как у коровы по своему теленку, как у овцы по своему ягненку, болело сердце Анат по Ваалу. И когда скорбь стала невыносимой, Анат пошла к Моту. Она схватила его за одежды и закричала:

– Отдай мне моего брата! Но Мот гордо ответил:

– Чего ты от меня хочешь?.. Да, я встретил силача Ваала, я ввергнул его в свою глотку, как ягненка, я поглотил его, как козленка, и исчез он там...

Шли дни, они складывались в месяцы. А Анат продолжала скорбеть и искать Ваала. Ее сердце билось для него, как у коровы для теленка, как у овцы для ягненка. И, не выдержав скорби, напала Анат на Мота. Она разрубила его мечом, сквозь сито просеяла, сожгла на огне, размолота жерновами мельницы, рассеяла по полю, чтобы птицы склевали его останки.

Терминология весьма красноречива: Мот, которого разрубили, просеяли сквозь сито, сожгли на огне, размолоты жерновами мельницы и рассеяли по полю, – бог летней жатвы, бог сухого сезона, который губит принесенное весенними дождями плодородие. Но затем плодородие возвращается, и Ваал вновь появляется на земле:

Явилось Илу видение. Увидел он, что небо наполнилось маслом, а реки – медом. И из этого видения Творец творения понял, что снова жив силач Ваал. Тогда прекратил Илу свой траур, поднялся с земли, снова поставил свои ноги на подножку, сел на свой трон. И, рассмеявшись, сказал радостно Илу, что теперь он успокоился, ибо снова жив силач Ваал, вновь на своем месте Владыка земли.

И снова красноречивая терминология: с возвращением бога масло льет дождем с неба, и мед течет по земле. В этом произведении древний миф получил одно из самых живых и выразительных литературных воплощений.

Героический эпос представлен двумя значительными поэмами – об Акхате и о Карату; обе они отличаются новизной и необычностью тем и характеров, поэтому нельзя исключить, что они могут быть основаны на реальных происшествиях местной истории, трансформировавшихся со временем в легенды.

Акхат – юный сын мудрого царя Даниилу, который долго молил богов о том, чтобы даровали ему наследника; но вот наконец его мольбы исполнились:

Лицо Даниилу осветилось, и лоб его засиял. Открыл он рот и рассмеялся, поставил ноги на подножку и воскликнул радостно: «Теперь я сяду и отдохну, и душа моя успокоится в груди, ибо сын родился у меня, побег в доме моем, как у братьев».

Обратите внимание на параллель с предыдущим отрывком, вплоть до дословных совпадений: мы вправе сделать вывод, что на тот момент уже существовал сложившийся речевой этикет с надлежащими словесными формулами для выражения различных психологических состояний. Обращаясь же к содержанию, обратите внимание на столь дорогую всему миру Востока концепцию о том, что ребенок – благословение богов.

Божественный мастер сделал Акхату великолепный лук, с которым тот и отправляется

на охоту. Но богиня Анат позавидовала владельцу волшебного лука, и, чтобы заполучить его, обещает она герою золото и серебро, даже бессмертие:

Вечности пожелай, и ты получишь ее!
Бессмертия пожелай, и я его ниспошлю.
Вместе с Ваалом будешь ты числить года,
Месяцы вместе считать.
Будет, как у него, пиром твой каждый день.

Но Акхат отвечает:

Зачем ты плетешь обман?
Твоя мне отвратна ложь.
Ведь ни один человек бессмертия не обретет.
Как умирают все, так скончаюсь и я.

Эти строки вызывают в памяти эпос о Гильгамеше, в котором герой отвергает ухаживания богини Иштар и в результате не может избежать смерти. Концепция неизбежного конца, которого не в состоянии избежать ни один человек, каким бы сильным и могучим он ни был, пронизывает всю древне-восточную литературу. Из-за своего отказа Акхат будет убит посланцем Анат. Поскольку конец записи поврежден, мы можем лишь предполагать, что любящая забота семьи вернет юношу к жизни; наверняка мы этого не знаем.

Еще более человечна история царя Карату: в результате различных бедствий он лишается всей своей семьи; бог Илу является ему во сне и велит идти походом в далекую землю Удум. Царь этой страны отдаст ему в жены дочь-красавицу. Одержав победу, Карату потребовал у побежденного царя не золото и не серебро, а только руку принцессы:

Не надо мне этих даров. Все у меня есть. Дай мне твою девицу Хураю, твой отпрыск прекрасный, перворожденный, чья красота подобна красоте Анат, чья красота подобна красоте Асират, чьи очи из блестящего сердолика, чьи зеницы – чаши из электрона³⁴, опоясанные сердоликом. Дай же мне насладиться яркостью ее очей. Ибо послал меня Илу, Творец человека, представший мне, его слуге, во сне.

В этой поэме тоже присутствует жажда продолжить себя в потомках, дабы не прервался род. Юную принцессу отдают Карату в жены, и пророчество сбывается: у него появляется новая семья и дети. Но затем царь серьезно заболевает, и вновь звучит древняя жалоба: неужели человек не может избежать смерти? Конец истории неясен; возможно, Карату спасается по воле богов.

Таковы главные литературные произведения, найденные в Угарите. Есть и другие, менее значительные, хотя некоторые из них представляют особый интерес. К примеру, есть поэма о Рассвете и Закате: в ней речь идет о рождении двух божеств с этими именами; и – характерная особенность – события сопровождаются священной церемонией, в которой появляются и разговаривают самые разные герои; другими словами, это сценарий религиозной драмы. Здесь мы тоже видим связь между мифом и обрядом, о которой уже говорили; несомненно, связь эта гораздо глубже, чем представляется по литературной версии. Гастер подробно и доказательно разобрал этот тезис, доведя его до логического конца и распространив едва ли не на всю мифологическую литературу Древнего Востока: «Во-первых, значительная часть того, что дошло до нас как древняя литература, на самом

³⁴ Электрон – у древних греков название янтаря.

деле вовсе не было художественными произведениями, но играло строго функциональную роль в структуре общественной жизни. Тексты, которые мы по привычке рассматриваем как продукт фантазии и таланта отдельно взятого автора, были на самом деле сборниками религиозных церемоний, вдохновленных богинями более практичными, чем музы, и полностью понятными только на фоне ритуалов, которыми они сопровождались. Соответственно, для их реального понимания нужно гораздо больше, чем простой перевод слов. Главное, их необходимо поместить в надлежащую культурную среду и рассматривать как выражения, а не как застывшие формы».

Эта теория, а особенно выводы из нее открывают простор для дискуссий; в любом случае это полезное предупреждение, призывающее избегать пустой критики и не пытаться объяснить все с точки зрения чистой литературы, – а вместо этого углубляться в практическую базу древне-восточных текстов и видеть в них продукт и непосредственное выражение религиозной жизни.

На самой границе рассматриваемого периода – в V в. до н. э. – мы обнаруживаем арамейскую нравоучительную повесть. Это история Ахикара. Ахикар – мудрый и добродетельный человек, чиновник при дворе ассирийских царей Синахериба и Асархаддона. Не имея своих сыновей, он усыновляет племянника Надана и передает ему свое место. Но Надан на добро отвечает злом: он клеветает на Ахи-кара царю и подстрекает того казнить Ахикара. Однако палач тайно отпускает Ахикара, и он получает возможность оправдаться перед царем, раскрыв интриги недостойного племянника. У этой истории есть приложение – набор поучений, который роднит повесть с традиционной назидательной литературой. К примеру, мудрый Ахикар говорит:

Сын мой, не болтай слишком много, не произноси вслух каждое слово, что придет тебе на ум: глаза и уши людей следят за твоим ртом. Берегись, ибо слово может погубить тебя. Превыше всего остального следи за ртом своим и к услышанному затвердей сердцем. Ибо слово что птичка: раз отпустив, ее невозможно поймать...

Гнев царя подобен огню пылающему. Повинуйся ему сразу же. Пусть не разгорится он против тебя и не обожжет тебе рук. Укрой слово царя покрывалом своего сердца. Зачем дереву бороться с огнем, мясу с ножом, а человеку с царем?

В повести есть и басни:

Леопард встретил замерзшую козу и сказал ей: «Иди ко мне, я укурю тебя своей шкуркой». Коза ответила: «Какая мне нужда в твоей шкуре? Оставь мне мою! Ибо ты если с кем здороваешься, так только чтобы крови напиться».

Исходя из сказанного, можем ли мы сказать, что в Сирии имеется жанр героической повести? А также, в связи с ней, нравоучительный жанр и басни? Не обязательно. История Ахикара записана на папирусе и найдена в Египте; написана повесть на арамейском языке, поэтому мы говорим о Месопотамии как о месте ее создания; но арамейский язык был распространен далеко за пределами своих естественных границ, и это не позволяет нам достоверно определить происхождение текста.

Как мы уже говорили, недавно обнаруженные в центральном дворцовом архиве Угарита юридические документы позволяют нам бросить беглый взгляд на организацию общественной жизни города. В основном эти документы имеют отношение к коммерческим сделкам: продажам, обменам, подаркам, – поэтому информация в них носит экономический характер; тем не менее косвенно она проливает свет и на элементы личных и семейных отношений, а также на уголовное законодательство.

Самое интересное в этих документах – их стиль; он удивительно устойчив и определяет

вполне сложившийся жанр, или тип. Сначала приводится дата, затем род документа (перед свидетелями, перед царем или, чаще, перед местным представителем царя), описание сделки, дополнительные условия, если таковые имеются, и заверение со стороны свидетелей или, чаще, царская печать. К примеру:

В сей день, перед Архалпу, сыном Никмаду, царем Угарита, Илинергал, сын Судуму принял Артешупа в братья. В будущем... если Илинергал захочет отделиться от своего брата Артешупа, он уплатит 1000 сиклей серебра ему в руки и в руки его сыновей, и Артешуп покинет дом. Царская печать.

Как мы увидим, царь принимал активное участие в формулировании этих документов. Он возглавлял, лично или опосредованно, – но чаще лично, – всякую судебную процедуру.

Законы, имеющие отношение к частным лицам, отражают деление вавилонского общества на три класса: знать, свободные граждане и рабы. Рабство здесь достаточно мягкое, и вольноотпущенники могут достигать высоких постов. В законе о семейных отношениях поразительно положение женщин: нет никаких свидетельств полигамии, в случае отказа приданое возвращается, юридические права закреплены; мы видим, что женщины подают в суд, усыновляют, заключают сделки по купле и продаже. Уголовное законодательство кажется очень мягким: смертный приговор значится в городском архиве всего один раз, причем за государственную измену; в остальном максимальное наказание – изгнание. Как удачно написал Ж. Нугайроль, Угарит – процветающий цивилизованный город, где «жизнь приятна для всех, а для некоторых просто роскошна».

Художественные типы

Наши заметки о сирийской культуре в целом приложимы и конкретно к искусству: мы видим ту же фрагментацию, то же преобладание внешних влияний, то же ничтожное количество памятников. К этому необходимо добавить еще отсутствие осознанного стремления к великому искусству: то, что изготавливается в регионе с такими нестабильными условиями и такой ограниченной независимостью, годится разве что на продажу, причем на обычном рынке. В самом деле, лучшими производителями предметов искусства были люди, настроенные на торговлю, – обитатели финикийских городов.

После такого вступления можно ожидать отрицательного ответа на вопрос об оригинальности. Но все не так просто, ибо оригинальность может проявить себя не только в поиске новых тем, но и в формах, которые принимают старые темы. В этом отношении угаритское искусство заслуживает особого внимания. Здесь хорошо представленный эгейский компонент соединяется с египетским, месопотамским, анатолийским и другими в единое целое средиземноморского характера, – значительное и новое, ибо нигде больше на Древнем Востоке подобное слияние не заходило так далеко.

Главная задача архитектуры в Сирийском регионе, кажется, была связана со строительством укреплений – стен, защищавших город от кочевых племен с первых дней его существования. Доизраильская палестинская археология исследовала множество таких стен: они сложены из блоков грубо обтесанного камня, поставленных один на другой в несколько рядов. В более поздний период в арамейской зоне городские укрепления по характеру очень напоминают сооружения неохеттского периода, замыкая таким образом связь между Сирией и Анатолией: лучший пример этого – Шамаль с его двойной внешней стеной и системой укреплений, которые вполне поддаются реконструкции.

Понятно, почему Сирийский регион по главному назначению архитектуры и манере исполнения архитектурных сооружений близок к Анатолийскому, – главный строительный материал у этих двух регионов тоже одинаков, это камень, которого во всех остальных местах не хватает. Однако применение камня (в этом отношении Сирия и Анатолия тоже похожи) ограничено нижними ярусами стен и зданий, а колонны появляются значительно

позже. Даже и тогда колонны используются очень ограниченно и только в одном типе зданий – *бит-хилани* – неясного происхождения.

От гражданской архитектуры почти ничего не осталось; лишь недавно раскопки в Алалахе и Угарите немного расширили наши знания о ней. Дворец здесь строился по такому же общему плану, как в Месопотамии, хотя заметно меньших масштабов; он состоял из серии комнат, сосредоточенных вокруг одного или нескольких внутренних двориков. В более поздний период широко использовались здания с фронтальным портиком, бит-хилани. Мы уже описывали устройство такого типа зданий и говорили о неопределенности его происхождения. Если первоначально ему приписывали хеттское происхождение, то теперь авторитетные ученые, напротив, говорят о сирийском происхождении. Вообще говоря, вопрос до сих пор не решен, как из-за недостатка данных, так и из-за неопределенности элементов, которые вроде бы должны отмечать направление его развития.

Как мы уже говорили, религиозные сооружения часто представляли собой просто открытую огороженную площадку с одним или двумя священными пилонами и алтарем для всесожжения. Но в крупнейших городах не было недостатка и в закрытых святилищах чрезвычайно простой конструкции. В качестве примера можно взять храм Ваала в Угарите, который датируется началом 2-го тысячелетия до н. э.: храм состоит из двора с алтарем, прихожей и главного зала. Для сравнительного анализа этого недостаточно; можно, однако, отметить, что элементов, отличающих египетский храм от остальных древне-восточных сооружений, здесь нет, следовательно, сирийская религиозная архитектура тяготеет скорее к Азии, чем к Египту.

В области скульптуры мы не видим крупных статуй, изображающих человека, тогда как статуэток чрезвычайно много. Преобладающий тип – обнаженная женская фигура с намеренно преувеличенными сексуальными чертами, часто с поднятыми к груди руками. Это изображение богини плодородия, значение которой мы уже разбирали в главе о сирийской религии. Имеются также многочисленные статуэтки богов, примером которых могут служить две серебряные фигурки, найденные в Угарите в амфоре (фото 26). Золотые мантии и воротники не могут изменить впечатление грубости, которое производят их лица и тела: признак искусства, которое, если не является подражанием иностранным образцам, остается достаточно примитивным.

Обратившись к скульптурным изображениям животных в период, соответствующий неохеттам, и в соседнем с ними регионе, мы вновь обнаруживаем ортостаты львов и сфинксов, которые мы уже отмечали как характерные для анатолийского искусства и его производных. Недавний пример, чудесный ортостат льва, был найден при израильских раскопках и теперь находится на пути в Хацор. Это произведение известного художественного типа лишь доказывает, что он распространялся на юг.

Как обычно, много рельефной резьбы. На границах Анатолийского региона имеются характерные рельефные сцены на каменных блоках в основаниях стен. Имеются также рельефы в металле чудесной работы; пример – золотое блюдо, найденное в Угарите (фото 27), с вычеканенной на нем очень живой сценой, где охотник в колеснице с натянутым луком и спущенными гончими преследует диких быков и газелей. Характер исполнения говорит о замечательном мастерстве и артистизме, которые отсутствуют в остальных жанрах сирийского искусства.

В Угарите найдены критские и микенские художественные мотивы; это новость, но вполне понятная в связи с географическим положением города. Лучшим примером этой особенности, возможно, может служить женская фигура на рельефе из слоновой кости, известная как «богиня диких зверей» (фото 28). Женщина сидит; она обнажена до пояса, а нижняя часть ее тела задрапирована чем-то вроде юбки, которая украшена паутиной линий. Она держит в каждой руке колосья, и с каждой стороны стоящий на задних ногах козел тянется головой к ее руке. Нет никаких оснований считать, что это привозной предмет: есть и другие примеры, в том числе множество замечательных ваз с рельефными изображениями

лиц, которые показывают, что художники Угарита переняли у заморских коллег большое количество художественных мотивов.

Резьба по слоновой кости найдена и в некоторых других частях Сирийского региона, помимо Угарита. Возможно, лучшие его образцы обнаружены в Арслан-Таше, и они дамасского происхождения. Стиль этих произведений очень напоминает месопотамский.

Характерное для Финикийского региона художественное произведение – каменный саркофаг с высеченной наверху человеческой фигурой. Такие саркофаги отражают сначала египетское, а затем греческое влияние, больше всего их обнаружено в Сидоне; хронологически они относятся к довольно позднему периоду – вообще говоря, более позднему, чем мы сейчас рассматриваем.

У финикийцев процветали также и мелкие формы; в ходу были медальоны, ожерелья, браслеты, кольца и другие предметы, украшенные птицами, дикими козлами, львиными головами и пальмами. Часто попадаются также стеклянные изделия и монеты, но хронологически они выводят нас за пределы рассматриваемого периода.

Вообще, нежелательно входить в детальное обсуждение подобных предметов, ибо истинная задача обзора древне-восточной цивилизации – выделить более новые и определяющие элементы, оставив в тени все второстепенное. Но мы должны помнить, что вопрос о том, является ли та или иная деталь второстепенной, может оказаться неоднозначным: в синтезе разнородных элементов и тяготении к эгейской цивилизации Древняя Сирия занимает главенствующее положение, предвосхищая ту встречу Востока и Запада, которая на самом деле реализовалась в истории значительно позже.

Глава 7 Израильтяне

Революция ценностей

102-й псалом возносит хвалу Господу в следующих выражениях:

В начале Ты, [Господи,] основал землю, и небеса – дело Твоих рук; они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся; но Ты – тот же, и лета Твои не кончатся.

В этих словах содержится принципиально новая идея. Вспомним концепцию Вселенной, общую для всех остальных народов Древнего Востока: все они без исключения рассматривают землю как божество и небо как отдельное божество; боги – неотъемлемая часть природы, а потому и сама природа священна. Концепция автора псалма диаметрально противоположна: существует только один Бог, этот Бог находится вовне и над природой, которую сам и создал. Природа занимает подчиненное положение, и жизнь ее коротка по сравнению с жизнью Создателя. Если у нее и есть какая-то собственная функция, то лишь выражать славу Господа. Положение человека совершенно аналогично: своим происхождением он обязан Богу, от него же получает свою судьбу.

Таким образом, налицо кардинальное изменение прежних ценностей и появление новой концепции Вселенной. Стихийные силы лишаются своей Божественной природы, которая удаляется в трансцендентность. Но Бог израильтян не только трансцендентен в противоположность имманентным старым богам; он един вместо многих, так что космос находится под единым управлением. Кроме того, он справедлив и милосерден, не движим страстями, подобными человеческим; нет больше сомнений в том, что угодно Богу, а что нет, появилась свобода от страха, родилось уверенное спокойное подчинение.

Здесь, кстати, мышление израильтян тоже выделяет их среди окружающих народов. В Египте и Месопотамии царствовал культ вечного порядка, заранее определенной и

нерушимой судьбы; всякие перемены рассматривались как зло. Вспомним, к примеру, жалобу Ипувера над бедствиями Египта во время первого переходного периода:

Воистину! Бедные стали владельцами сокровищ. Тот, кто не мог сделать себе даже сандалий, теперь владеет богатствами...

Еврейская молитва Анны в Книге Самуила пронизана противоположным настроением:

Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит;
Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает.
Из праха подымлет Он бедного, из брения возвышает нищего, посаждая с
вельможами, и престол славы дает им в наследие; ибо у Господа основания земли,
и Он утвердил на них вселенную.

Следовательно, хотя Бог и сотворил космический порядок, это не означает, что он не меняет его и не обновляет в соответствии со своими неисповедимыми намерениями. Лишь Бог представляет собой активную силу; все остальное, природа и человек, существуют лишь как отражение его.

Исторический очерк

В истории Израильского царства мы с самого начала сталкиваемся с проблемой: с одной стороны, этому государству изначально присуща политическая слабость, вполне оправданная географическим положением региона, в котором разворачивается его история; с другой стороны, присущая ему же необыкновенная живучесть позволила надолго пережить соседние великие народы: пережить в первую очередь в религиозном плане, но также и в этническом. Другими словами, народ продолжает жить и после кончины государства.

Причины этого приходится искать в особой концепции истории, которой придерживается народ Израиля, – концепции, прямо вытекающей из его представлений о Вселенной. Составляющие этой идеи чрезвычайно просты: у Израиля есть Бог; этот Бог заключил с Израилем договор; исполнение этого договора и составляет историю.

Можно было бы возразить, что у других народов Древнего Востока тоже были собственные национальные боги, на силу которых они полагались и чьей воле доверялись. Но Бог Израиля – вселенский Бог (здесь не место разбираться, когда или как Израиль приобрел такие взгляды), а потому он Бог и всех остальных народов тоже. Таким образом, в его власти не только часть, но вся история; он властен не только над победами и успехами народа, но и над его поражениями и неудачами. Последние следует воспринимать как следствие ошибок и недостатков народа, следствие нарушения Завета; наказание за отступничество реализуется через врагов Израиля, и враги эти, таким образом, становятся инструментами Божественной воли.

Такая концепция истории позволяет нам понять, как народ Израиля мог уцелеть после окончательного политического краха; Завет Бог заключил с народом, а не с государством, а народ не исчезает бесследно с падением государства. С другой стороны, в этой же концепции скрыты семена двойственного и разнонаправленного развития, которое мы будем наблюдать в политико-религиозной истории Израиля: с одной стороны, это универсализм, ибо Бог – господин над всеми народами; с другой стороны, национализм, ибо Завет связывает Бога с одним конкретным народом.

Не менее уникален, чем израильская концепция истории, и способ, которым она дошла до нас. Впервые на древнем Ближнем Востоке мы видим не отдельные документы, сколь бы многочисленными и подробными они ни были, но целые книги с последовательным повествованием. Правда, это лишь окончательная форма, которую в конце концов приняли древние предания; но достигнута она в рамках древней ближневосточной истории. Более того, в повествовании на практике применяется концепция истории, о которой мы говорим;

поэтому события в нем постоянно оцениваются, рассматриваются с позиции причин и следствий, мотивов и результатов, чего вы не найдете ни в великой литературе Египта, ни Месопотамии. Как мы уже упоминали, лишь хетты оставили нам свидетельства своей способности думать исторически; но эти доказательства, царские надписи и договоры, не выросли до органического слияния в единое повествование, в котором описывалась и интерпретировалась бы вся история народа. В последней своей версии еврейская историография – Ветхий Завет – представляет собой именно это: серию книг, составленных и выбранных как документальное свидетельство Священной истории – другими словами, долгих отношений между Богом и его народом, принципов, на которых строились эти отношения, и условий, при которых они возникли. Конечно, книги были составлены много позже описываемых событий и в чем-то отражают позднейшую их интерпретацию; этот факт ставит перед историком немало проблем; но на определенном этапе значение, которое Израиль придает собственной истории, становится движущей силой этой самой истории, законом и условием ее развития.

Что такое Израильское царство? Как сложившаяся единица это конфедерация племен, обитающих в Палестине и объединяемых верностью некоему центральному святилищу. Но племена эти пришли извне, и конфедерация сохраняет их самые древние предания. Сегодня общепризнанно, что эти предания имеют под собой историческую основу, хотя по поводу даты и реального характера событий мнения расходятся.

Следуя порядку рассказа, древнейшая легенда повествует, как примитивное ядро народа пришло из Месопотамии. Патриарх Авраам с семьей покидает халдейский Ур, поднимается вдоль Евфрата в Харан и поворачивает в Палестину. Нам рассказывают, какие мотивы определили именно такую последовательность событий:

И сказал Господь Аврааму: пойдй из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословении; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные. И пошел Авраам, как сказал ему Господь.

Здесь мы имеем наиболее раннюю формулировку Завета между народом Израиля и его Богом. В ходе дальнейшего рассказа она будет повторена не раз, как своеобразный лейт мотив.

Вторая легенда повествует о пребывании народа израильского в Египте, о страданиях, испытанных по велению фараона, и об освобождении его великим вождем Моисеем. Он тоже, подобно Аврааму, избран и призван к своей миссии Богом:

Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадямского. Однажды провел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией, Хориву. И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я, [Господи]! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. И сказал [ему]: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей закрыл лице свое, потому что боялся воззреть на Бога. И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иевусеев. И вот, уже вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне. Итак, пойдй: Я пошлю тебя к фараону [царю Египетскому]; и выведи из

Египта народ Мой, сынов Израилевых.

Третья легенда, имеющая отношение к древнейшей истории племен, повествует о путешествии через пустыню на пути в Землю обетованную и о принципиально важном событии, которое произошло во время этого путешествия: Бог еще раз явился Моисею, подтвердил Завет и дал ему законы для управления народом. Явление Бога на вершине горы, среди туч, дыма и пламени, иллюстрирует представление израильтян о Божественном:

На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою [Синайскою], и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане. И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы. Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом.

Явление Бога на горе Синай – важнейшее событие для израильской исторической концепции. Связывая всю массу моральных, социальных и юридических предписаний, регулирующих жизнь народа, с этим явлением, библейский текст подразумевает, что все эти законы возникли даже раньше, чем образовалась конфедерация племен в Палестине.

В библейском рассказе завоевание евреями Земли обетованной связано с фигурой великого вождя Иисуса Навина: перейдя Иордан, он завоевывает Иерихон и стремительно продвигает свои силы в центр, на юг и на север страны. Сначала захватываются сельские районы, города держатся дольше; так, будущая столица Иерусалим пала только во времена Давида.

Однако может быть, что эти события, для которых археология предлагает дату около 1230 г. до н. э., представляют собой лишь часть того, что происходило в реальности. Возможно, завоевание отчасти было результатом долгого мирного проникновения, которое в разных местах принимало разные формы. Возможно также, что израильтяне, принимавшие участие в завоевании страны, обнаружили на месте другие родственные племена, с которыми и вступили в тесный союз.

Как мы уже сказали, поначалу Израильское царство было организовано на принципах федерализма. В библейском тексте говорится о двенадцати племенах, удерживаемых вместе некоей главной святыней: это «священный ковчег», отделанный золотом сундук, который племена во времена кочевой жизни всюду возили с собой, но который позже хранился в постоянном месте в городе Силом, в окружении собственного жречества. Силом – место встречи племен конфедерации и общих религиозных церемоний; такая организация напоминает другую систему, известную нам из классической античности под именем амфикионии. В этой связи немецкий ученый М. Нот писал: «Израильская двенадцатиплеменная система – ни в коем случае не уникальное явление, поэтому ее нет необходимости возводить исторически к удачному союзу двенадцати братьев, ставших прародителями племен, ни к вторичной схеме распада более крупного целого; скорее всего, здесь имелись некие правовые условия, обычные в племенных конфедерациях, не имеющих еще устойчивых политических институтов. Это, разумеется, приложимо и ко всем примерам, известным нам из Ветхого Завета. Но простое перечисление не слишком много говорит о характере и смысле этих условий. Можно узнать гораздо больше, если вспомнить о том, что подобные конфедерации двенадцати племен существовали также в Древней Греции и Италии; мы знаем из различных источников, что фокусной точкой для них служил общий культ и что для некоторых праздников члены этих конфедераций собирались вместе в центральном святилище; более того, некоторые культы могли существовать исключительно в подобной конфедерации из двенадцати или шести племен. Здесь фиксированное и постоянно поддерживаемое число племен (двенадцать или шесть) также имеет вполне

практическое значение, поскольку племена – члены конфедерации должны были следить за святилищем поочередно, по месяцу (или по два). В Греции такая священная конфедерация была известна под именем амфикифии, «сообщества живущих окрест» (то есть вокруг определенного святилища); это слово вполне может служить обозначением такого рода организации».

В политических делах племена сохраняют самостоятельность, и лишь во времена особых бедствий они иногда объединяются под общим руководством для отражения опасности: в роли таких вождей выступают судьи, о делах которых повествует соответствующая библейская книга. Считается, что авторитет судей зиждется на Божественном договоре и признается всеми племенами. Поэтому данный период в истории Израиля известен как «харизматический век»: в конечном итоге именно *харизма*, милость Господня, определяет, кому быть у власти.

Судьи – популярные герои, подвиги которых долго живут в памяти народа; некоторые отрывки Книги Судей, несомненно, очень древние; к примеру, это знаменитая Песнь Деворы:

Израиль отмщен, народ показал рвение; прославьте Господа! Слушайте, цари, внимайте, вельможи: я Господу, я пою, бряцаю Господу Богу Израилеву. Когда выходил Ты, Господи, от Сеира, когда шел с поля Едомского, тогда земля тряслась, и небо капало, и облака проливали воду; горы таяли от лица Господа, даже этот Синай от лица Господа Бога Израилева.

Власть Судей тем не менее остается скромной и ограниченной, что вполне соответствует демократическим традициям племен; но постоянное давление врагов на границах территории не позволяет такой политической системе уцелеть. Под давлением обстоятельств возникает монархия. Хронологически ее возникновение выпадает на период политического вакуума, вызванного временным кризисом в соседних империях, поэтому на месте племенного союза вырастает сильная и единая держава. Но исторически это всего лишь короткий эпизод, – соседние империи оправляются от кризиса, и у нового царства возникают проблемы. Да и политически достигнутое единство шатко, кочевники привыкли к свободе и плохо приспосабливаются к новым порядкам, а религиозные тенденции вступают в жесткое противоречие с практикой правительства, направленной на уступки и ассимиляцию местного населения. Царская политика постоянно направлена на примирение противников и ослабление центробежных сил; на время ей это удается.

Первым царем израильтян стал Саул. Он был помазан на царство пророком Самуилом – следовательно, был религиозным авторитетом; он продолжает завоевания, организует и консолидирует страну. Но его соглашения с Самуилом хватает ненадолго; он начинает чувствовать себя в изоляции и везде видит измену, начинает преследовать всякого, кто возбудит его подозрения. Характерна его реакция на эпизод, в котором пробуждается враждебность царя к его юному зятю Давиду:

Когда они шли, при возвращении Давида с победы над Филистимлянином³⁵, то женщины из всех городов Израильских выходили навстречу Саулу царю с пением и плясками, с торжественными тимпанами и с кимвалами. И восклицали игравшие женщины, говоря: Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч! И Саул сильно огорчился, и неприятно было ему это слово, и он сказал: Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи; ему недостает только царства. И с того дня и потом подозрительно смотрел Саул на Давида. И было на другой день: напал злой дух от Бога на Саула, и он бесновался в доме своем, а Давид играл рукою своею на струнах, как и в другие дни; в руке у Саула было копьё. И бросил Саул копьё,

³⁵ Великаном Голиафом.

подумав: пригвожду Давида к стене; но Давид два раза уклонился от него. И стал бояться Саул Давида, потому что Господь был с ним, а от Саула отступил.

Фигура царя, оставленного Господом, жертвы ревности и мании преследования, встает со страниц Библии во всей своей трагичности. Здесь израильская историография оказывается способна к изображению не только событий, но характеров и личностей. Если у других народов Древнего Востока нам приходилось разыскивать и додумывать фрагментарные черты из совсем не исторических по характеру документов, то здесь все эти элементы соединены в подробное повествование, которое носит историографический характер, содержит свободную и отстраненную оценку событий и личностей, даже царей.

Саул погибает на поле битвы, и после различных превратностей Давид всходит на трон и объединяет под своей рукой весь Израиль. Это происходит около 1000 г. до н. э. Несколько победоносных войн расширяют пределы царства во всех направлениях. Внутри государства между племенами поддерживается равновесие, а жречество приближается к царскому двору; ковчег Завета при этом переносится в новую столицу Иерусалим. Все это успешно противодействует традиционным центробежным силам. Дом Давида становится священным истолкователем миссии Израиля; и правление этого царя остается в еврейских легендах как своего рода золотой век, который полагалось оплакивать.

Во второй Книге Самуила содержится хорошо информированная и точная историография правления царя Давида; характеристика монарха, описание его человеческих, а не только политических качеств дается с беспрецедентной проницательностью и независимостью суждений. В качестве примера мы можем взять эпизод, в котором пророк Нафан притчей заставляет Давида раскаяться в том зле, которое принесла его незаконная связь с Вирсавией:

И послал Господь Нафана [пророка] к Давиду, и тот пришел к нему и сказал ему: в одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный; у богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него как дочь; и пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему. Сильно разгневался Давид на этого человека и сказал Нафану: жив Господь! достоин смерти человек, сделавший это; и за овечку он должен заплатить вчетверо, за то, что он сделал это, и за то, что не имел сострадания.

И сказал Нафан Давиду: ты тот человек, [который сделал это]. Так говорит Господь Бог Израилев: Я помазал тебя в царя над Израилем, и Я избавил тебя от руки Саула, и дал тебе дом господина твоего и жен господина твоего на лоно твое, и дал тебе дом Израилев и Иудин, и, если этого [для тебя] мало, прибавил бы тебе еще больше; зачем же ты пренебрег слово Господа, сделав злое пред очами Его? Урию Хеттеянина ты поразил мечом; жену его взял себе в жены, а его ты убил мечом

Аммонитян; итак не отступит меч от дома твоего вовеки, за то, что ты пренебрег Меня и взял жену Урии Хеттеянина, чтоб она была тебе женою. Так говорит Господь: вот, Я воздвигну на тебя зло из дома твоего, и возьму жен твоих пред глазами твоими, и отдам ближнему твоему, и будет он спать с женами твоими пред этим солнцем; ты сделал тайно, а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем. И сказал Давид Нафану: согрешил я пред Господом. И сказал Нафан Давиду: и Господь снял с тебя грех твой; ты не умрешь.

В сравнении с другими историческими документами Востока этот рассказ поразителен во многих отношениях: и необычная тема частной жизни; и то, что политическая власть здесь уступает высшим моральным принципам; наконец, принцип этот выражается устами очень характерной фигуры, пророка (в более поздней истории Израильского царства

пророкам уготована важнейшая роль).

Преемника Давида, Соломона, ждет долгое и успешное царствование. Согласно Первой книге Царств, границы его царства расширились от Евфрата до Египта, – таким образом, вся или почти вся Сирия была объединена под властью национального владыки. Войн почти не было. Однако сами масштабы и могущество царства побуждают монарха следовать образцу великих восточных империй: идет масштабное экономическое и торговое развитие, общественные работы, растут богатство и роскошь царского двора. Происходит гуманизация израильской теократии, появляется и терпимость по отношению к чуждым культам, их ассимиляция. В итоге равновесие нарушено, наступает реакция, и историография не колеблясь становится рупором религиозной традиции:

Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неудобное пред очами Господа... И сказал Господь Соломону: за то, что так у тебя делается, и ты не сохранил Завета Моего и уставов Моих, которые Я заповедал тебе, Я отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему.

В этом отрывке со всей очевидностью проявляется принцип причинно-следственного суждения: политический упадок здесь – следствие моральной вины. Остается лишь определить инструмент наказания; это будет сделано в дни разделенной монархии, так что исключит всякую возможность ошибки.

Итак, за правлением Соломона следует кризис. Царство делится надвое: на севере образуется царство Израиль, более крупное и сильное из двух, но лишенное религиозного центра, Иерусалима. На юге возникает Иудея, которая удерживает этот центр, но сама является всего лишь тенью былой державы. Решающим фактором в распаде государства оказывается древнее племенное соперничество, – то есть, вообще говоря, кочевое прошлое Израиля. Наблюдается общий религиозный упадок; север вновь и вновь создает собственные святилища, а цари, как правило, из соображений рациональности склонны поддерживать и даже усиливать веротерпимость к чужим культам, введенную еще Соломоном. Религиозная традиция реагирует мгновенно, и, если официальное жречество зачастую действует заодно с царским двором, реакция сосредотачивается вокруг другого явления, независимого и спонтанного, – пророков. Исторические источники, Книги Царств, придают этому движению и его проявлениям огромное значение, что еще раз демонстрирует – хотя в этом и нет необходимости – религиозный характер и цели этих книг. В случае пророков универсализм исторического взгляда весьма красноречив: жизнью всего человечества управляет единый моральный закон: они выступают средством вознаграждения или наказания везде, где этот закон приводится в действие.

С чисто политической точки зрения историю разделенного царства определяет тот факт, что соседние великие державы – Египет и Ассирия – преодолели внутренний кризис; Ассирия, в частности, выходит из длительного кризиса и возобновляет свое движение на запад. Поначалу это экспедиции, цель которых – принудить сирийские государства признать себя вассалами Ассирии, затем – политика открытой аннексии. Дела Израиля и Иудеи полностью определяются этим движением, и игра союзов и конфликтов, типичных для мелких государств, зажатых между более сильными, не меняет ни общего хода истории, ни неизбежного результата.

В Израиле после обрыва династической преемственности вновь проявляется прежняя нестабильность верховной власти, а цепочка бунтов и заговоров еще сильнее подрывает эту власть. Только в начале IX в. до н. э. царю Амврию удастся основать более прочную династию; но терпимость к чужим культам вызывает очередную реакцию, и этой династии тоже приходит конец. Между тем внешняя ситуация становится все более неблагоприятной.

Царь Ииуй (842–815 до н. э.) вынужден пасть к ногам ассирийского царя Салманасара III, о чем повествует памятный ассирийский черный обелиск. При Иеровоаме II (786–746 до н. э.) мы вновь видим недолгий (и последний) период процветания; затем стремительно развивается кризис, и в 722 г. до н. э. столица государства Самария пала перед ассирийской армией. Пророки видят в этом событии логическое следствие прошлых грехов, а в противнике – инструмент Господа. Исайя яростно обличает колено Ефремово, населявшее Самарию:

Горе венку гордости пьяных Ефремлян, увядшему цветку красивого убранства его, который на вершине тучной долины сраженных вином! Вот, крепкий и сильный у Господа, как ливень с градом и губительный вихрь, как разлившееся наводнение бурных вод, с силою повергает его на землю. Ногами попирается венок гордости пьяных Ефремлян. И с увядшим цветком красивого убранства его, который на вершине тучной долины, делается то же, что бывает с созревшей прежде времени смоквою, которую, как скоро кто увидит, тотчас берет в руку и проглатывает ее.

Царство Иудейское просуществовало еще полтора столетия. Оно тоже постоянно колебалось между процветанием и религиозным кризисом, причем процветание олицетворяет царь Иосия (640–609 до н. э.), который торжественно оскверняет и сносит языческие капища и восстанавливает чистоту древней религиозной традиции. Но враг стоит, и у ворот Иудеи – уже не Ассирия, опрокинутая мидийцами, но Вавилон в последний свой краткий период возрожденного могущества. В 586 г. до н. э. Навуходоносор завоевал и разрушил Иерусалим, сжег храм и депортировал значительную часть населения. Пророки, верные своим взглядам на историю, задолго до печального конца объявили, что борьба бесполезна, потому что Божественная воля решена. Иеремия заявляет:

Объявите в Иудее и разгласите в Иерусалиме, и говорите, и трубите трубою по земле; взывайте громко и говорите: «соберитесь, и пойдем в укрепленные города». Выставьте знамя к Сиону, бегите, не останавливайтесь, ибо Я приведу от севера бедствие и великую гибель. Выходит лев из своей чащи, и выступает истребитель народов: он выходит из своего места, чтобы землю твою сделать пустынею; города твои будут разорены, останутся без жителей. Посему препояштесь вретисцем, плачьте и рыдайте, ибо ярость гнева Господня не отворотится от нас.

Вавилонское пленение впервые в истории израильского народа уничтожило в ней политический элемент. Но религиозная и национальная сплоченность сильна и сохраняется. Память о далекой родине не ослабевает, как неоднократно подчеркивается в Ветхом Завете. Знаменитый псалом говорит об этом так:

При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы.

Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских».

Как нам петь песнь Господню на земле чужой?

Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя; Прилипни, язык мой, к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего.

И тут происходит парадоксальное явление, которое ход еврейской истории делает

вполне понятным, – изгнание становится периодом великого религиозного подъема. Политические узы исчезли, и расчищен путь для религиозного универсализма; теперь, когда пришла гибель, может сформироваться идея возрождения и возвращения. В 538 г. до н. э. Кир завоевал Вавилон. Евреям разрешено вернуться на родину.

В истории Древнего Востока не много столь важных событий. Очевидно, дело здесь не в политическом их содержании (политически это всего лишь маленькая часть гораздо более широкой картины), а в религиозных последствиях. Евреи возвращаются в Палестину и восстанавливают свое сообщество. Но государство не восстанавливается, оно уже поглощено Персидской империей, так же как позже будет входить в состав древнегреческой и Римской империй. Таким образом, мы видим перед собой первое божество, пережившее своих царей, и первое религиозное сообщество на Древнем Востоке, не имеющее политической базы. Поддерживают это сообщество два элемента: религиозный и этнический, поскольку всех членов общины связывает кровное родство. Все, кто занимался восстановлением сообщества, от Эзры до Нехемии, с открытыми глазами боролись против всякого нарушения этих кровных связей. Так в истории Израиля вновь появляется двойственность, которую мы уже отмечали: Бог Израиля универсален, но лишь народ Израиля связан с ним Заветом.

Религиозная структура

При изучении религии израильтян мы на каждом шагу сталкиваемся с одной предварительной проблемой: каким временем датируется та или иная концепция? Каким временем датируется тот или иной обычай?

Проблема эта столь же серьезна, сколь и сложна, ведь израильская религия наверняка эволюционировала со временем, но тексты представляют ее как сбалансированное и систематизированное целое; а поскольку датировка различных текстов и их источники часто являются спорными, то одна проблема зависит от решения другой, и наоборот; получается замкнутый круг.

Единственное, что можно сказать в целом, – это то, что каждый период религиозной истории Израиля обладает собственными характерными чертами; можно выделить несколько ярких этапов: время кочевой жизни, переход к оседлости, монархия и отсутствие политической организации. Решающий период – кочевой, ибо именно тогда выкристаллизовались основные элементы еврейской религиозной мысли; это же и самый критичный период, потому что составляющие его элементы довольно сомнительны и открыты для дискуссии. Переход к оседлой цивилизации характеризуется определением фундаментальных верований и началом конфликта с окружающей средой. Монархия обеспечивает историю этого конфликта, в котором фундамент устоял, несмотря на неоднократные кризисы. Период отсутствия политической организации стал периодом консолидации религиозной мысли, свободной от политических соображений, и одновременно ее кодификации вместе с более широким развитием ритуальной и правовой казуистики.

Вот, так сказать, последовательные этапы в истории религии Израиля; но определяются они в основном гипотетически или теоретически, в зависимости от обстоятельств, и редко наверняка.

Все библеисты признают величайшую древность десяти заповедей. В открывающих абзацах Декалога с замечательной четкостью выражена израильская концепция божественного:

Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли
Египетской, из дома рабства;
да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на

небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже
земли; не поклоняйся им и не служи им...
Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо
Господь не оставит без наказания того, кто произносит
имя Его напрасно.

Здесь нам следует ненадолго остановиться. Уже провозглашены некоторые важнейшие моменты израильской теологии. Во-первых, существует лишь один Бог: этим заявлением Израиль сразу противопоставляет себя буйному политеизму окружающих народов. Во-вторых, Бога нельзя изображать: это тоже идет вразрез с древне-восточным окружением, где основной задачей представительного искусства было изображение божества. Наконец, у кого из остальных народов Ближнего Востока вы найдете Бога, имя которого произносимо? Ведь имя у Бога израильтян точно есть, и его, по всей вероятности, можно записать как Яхве (Yahweh) по четырем согласным (y-h-w-h), приведенным в библейском тексте. Но ортодоксальный еврей рассматривает произнесение этого имени как его осквернение и грех.

Так что Израиль не сводит своего Бога к человеческим формам, а, наоборот, подчеркивает его отличие от них. Поэтому ни пола, ни семьи ему тоже не полагается. Древний кочевой образ жизни ведет даже к тому, что у Бога нет постоянного места обитания: он вездесущ. Он является избранным, как мы уже видели, в виде грозы или огня. Он следует за избранными в их скитаниях, отдыхает на ковчеге Завета, который во время путешествий переносят священники, а на стоянках обитает в скинии. Только когда во времена Соломона в Иерусалиме воздвигается храм, у Бога появляется постоянное жилище.

Теперь рассмотрим завершающую часть Декалога:

Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы
продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе.
Не убивай.
Не прелюбодействуй.
Не кради.
Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля
его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,]
ничего, что у ближнего твоего.

В этих словах ясно выражена единственная черта, четко связанная с единобожием: мораль. В двух недавно опубликованных книгах, завоевавших серьезное признание, У. Олбрайт доказывает, что этический монотеизм от начала до конца являлся ведущим направлением израильской религиозной мысли. Олбрайт пишет: «Однако в основном ортодоксальный яхвизм оставался неизменным от Моисея до Эзры. От начала до конца этический монотеизм был сердцем религии израильтян, хотя ему пришлось преодолеть много кризисов на пути медленного перехода от примитивной простоты Судей к высокому культурному уровню V в. до н. э.».

Здесь заключена главная проблема. Бесспорно, во времена пророков монотеизм провозглашается во всей своей полноте. Но до этого? Был ли это монотеизм – или культ национального божества, не исключающий, вообще говоря, возможности существования богов иных народов? Олбрайт признает, что монотеизм достоверно подтвержден только начиная с времени пророков, но отрицает, что до этого существовало что-то существенно иное: «Монотеизм с самого начала составлял существенную часть Моисеевой религии. Моисеев монотеизм, как и монотеизм следующих веков (по крайней мере до VII в. до н. э.) был эмпирико-логическим; он был практичным и само собой разумеющимся, а не интеллектуальным и подробным. Подробно разработанный монотеизм не мог появиться раньше начала логической эры, то есть примерно VI в. до н. э., поскольку для превращения

имплицитного верования или концепции в эксплицитную доктрину или идею необходимы четкие определения и логичные формулировки».

Во всяком случае, помимо вопроса о времени проявления, этический монотеизм действительно представляет собой доминирующую черту религии Израиля. В морали Господа этот монотеизм находит еще один элемент, который ввергает его в противоречие с окружающим миром: боги, которых мы обсуждали раньше, хоть и были несравнимо могущественнее человека, обладали, по существу, вполне человеческим характером. Они любили и ненавидели, испытывали приязнь и неприязнь, приступы гнева и капризы; напротив, израильтяне утверждали, что высшая и неизменная характеристика божества – справедливость:

Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его. Дождем прольет Он на нечестивых горящие угли, огонь и серу; и палящий ветер – их доля из чаши; ибо Господь праведен, любит правду; лице Его видит праведника.

Естественно, с учетом высшего могущества Бога и соответственно малости человека, справедливость в большинстве случаев может принимать лишь одну форму: наказания грешника. Но Бог не только справедлив, он великодушен: если есть какое-то качество Бога, которое упоминается не реже, чем справедливость, то это милосердие:

Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив: не до конца гневается и не вовек негодует. Не по беззакониям нашим сотворил нам и не по грехам нашим воздал нам: ибо как высоко небо над землею, так велика милость Господа к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его. Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы – персть. Дни человека – как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его. Милость же Господня от века и до века к боящимся Его, и правда Его на сынах сынов...

Эта новая концепция божества имела для древне-восточных цивилизаций одно решающее следствие. Это реакция на мифологию: от буйных фантазий окрестных народов, от легенд о романах и конфликтах богов осталась лишь тщета и суета.

Мы очень мало знаем о священниках на самом раннем этапе истории израильского народа. В дни племенной конфедерации с общим святилищем в Силоме первосвященник, должно быть, обладал значительной властью, ибо политической власти не было и ему ничто не противостояло. С возникновением монархии статус первосвященника понизился, но с падением монархии ситуация выправилась. Священнические обязанности выполняло колено Левино; исследования показывают, что это колено можно рассматривать и как социальный класс, который, вероятно, регулярно пополнялся людьми, посвятившими себя священническому служению.

Мы уже упоминали самый древний культовый объект – ковчег Завета, который во времена кочевий держали в шатре и который обрел постоянное прибежище лишь во времена Соломона, с возведением храма в Иерусалиме. Помимо этого, были и другие святилища – часто на возвышенностях, которые прежде служили местом ханаанских священных церемоний. Здесь уместно упомянуть непрерывный конфликт, состояние постоянного кризиса, характерное для израильской религии на протяжении всей истории: в противовес стремлению сохранить чистую независимую религиозную традицию существовала и тенденция поддаваться более привлекательным верованиям и культам окружающих племен. Эти два полюса образуют две противоположности диалектики Израиля – диалектики одновременно исторической и религиозной: в конце концов древняя традиция побеждает и

укрепляется.

На самых ранних религиозных праздниках присутствовали одновременно два хронологически различных элемента, один из которых восходит к кочевым временам, а другой относится к периоду оседлости. Так, Песах несет на себе в основном кочевые черты; весеннее жертвоприношение ягнят связывает этот праздник с пастушескими традициями, как и пресный хлеб (маца), традиционно связываемый с бегством из Египта. С другой стороны, праздник Шавуот, приуроченный ко времени хлебной жатвы, и Суккот, приуроченный к сбору винограда, относятся скорее к сельскохозяйственному, а значит, к оседлому укладу жизни.

Среди древнейших ритуалов обращают на себя внимание два: день искупления (Йом-Киппур) на десятый день нового года и субботний день отдыха. Этот последний отражен также в концепции субботнего года – каждого седьмого года, когда не полагалось ни сеять, ни жать. А через семь циклов по семь лет наступает Юбилейный год (Йовель), когда все земли должны вернуться к своим первоначальным владельцам. Аргумент таков: у земли лишь один абсолютный хозяин, Бог. Однако это предписание, должно быть, применялось очень ограниченно из-за понятных сложностей реальной жизни.

В религиозной практике евреев некоторые важные элементы ближневосточного окружения под действием новой веры почти полностью утратили свое значение. Применение магии, игравшей важную роль в месопотамском, хеттском и египетском ритуале, ограничивается редкими случаями; гадание также применяется очень ограниченно, по крайней мере, гадание в том смысле и в тех формах, что распространены вокруг. Но ясновидящих и пророков хватает; вдохновляемые Богом, они открывают народу ожидающее его будущее. В самом деле, силой обстоятельств пророческая функция становится характерной чертой израильской религиозной истории.

Хотя само по себе пророческое движение существовало среди израильтян с древнейших времен, настоящего расцвета оно достигает лишь во времена разделенного царства, когда упадок веры и поклонения Богу заставляет пророков стать настоящими защитниками подлинной религиозной традиции. Исторически этот период разделяется на две фазы: первая из них более активна, для второй характерна скорее литературная деятельность. Но в обоих случаях их определяют и делают типичными одни и те же характеристики и базовые элементы.

Первое и главное – это ощущение призванности свыше. Это все та же древняя *харизма*, милость Божья, которая прежде давала власть Судьям. Призвание возникало спонтанно, часто неожиданно и иногда вопреки желанию призванного, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы, к примеру, рассказ Иеремии:

Ты влек меня, Господи, – и я увлечен... И подумал я: «не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его»; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог. Ибо я слышал толки многих, угрозы вокруг... Но со мною Господь, как сильный ратоборец; поэтому гонители мои споткнутся и не одолеют; сильно посрамится, потому что поступали неразумно; посрамление будет вечное, никогда не забудется. Господи сил! Ты испытываешь праведного и видишь внутренность и сердце. Да увижу я мщение Твое над ними, ибо Тебе вверил я дело мое. Пойте Господу, хвалите Господа, ибо Он спасает душу бедного от руки злодеев.

Обратите внимание: пророк не утверждает, что несет новое учение. Наоборот, он говорит о том, что необходимо вернуться к древним истинам. Это хорошо показал Дж. Ринальди в недавнем исследовании религиозных учений пророков: «Пророки не хотят быть провозвестниками и зачинателями новой религии, они не несут в мир неслыханные прежде учения; они даже не собираются учить чему-то новому; даже величайшие и старейшие из них, Амос или Исайя, или их предшественники, ничего не писавшие. У них не было иной цели, кроме как вести народ обратно, к древней религии Израиля... В своих учениях пророки

обращались к давно знакомым идеям и давним авторитетам, к Моисею, к откровению израильских начал. Их Бог – Бог отцов, Бог Авраама и Иакова».

Интересно отношение пророков к религиозному богослужению. В принципе у них не должно быть причины для враждебности. Но поскольку богослужение – первый религиозный элемент, уступающий давлению языческого окружения, тогда как люди, несмотря на греховность, старательно соблюдают внешние ритуалы своей религии, пророки реагируют на это по-своему и критикуют ритуал, которому очень часто не хватает подлинной связи с реальной жизнью. Бог устами Амоса говорит:

Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших. Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать. Пусть, как вода, течет суд, и правда – как сильный поток!

Доминирующая черта проповедей пророков – заявление о том, что наказание Господне есть логическое следствие греха. Из множества примеров мы можем выбрать одно из деяний одного из малых пророков, Софонии:

Близок великий день Господа, близок, и очень поспешает: уже слышен голос дня Господня; горько возопиет тогда и самый храбрый! День гнева – день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен. И Я стесню людей, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили против Господа, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их – как помет. Ни серебро их, ни золото их не может спасти их в день гнева Господа, и огнем ревности Его пожрана будет вся эта земля, ибо истребление, и притом внезапное, совершит Он над всеми жителями земли.

Однако существенно, что даже во время существования царства израильского пророки в своей религиозной мысли идут дальше простого заявления о грядущих бедах. Когда Израиль будет наказан, объявляли они, когда он искупит свою вину, он вновь поднимется, и вернется золотой век. Обещание золотого века находит конкретное выражение в концепции Мессии, побега от корня Иессеева, – другими словами, из рода Давидова.

И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух видения и благочестия; и страхом Господним исполнится, и будет судить не по взгляду очей Своих и не по слуху ушей Своих решать дела. Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина. Тогда волк будет жить вместе с ягнленком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена видением Господа, как воды наполняют море.

Мессианство добавляет религиозной мысли израильтян дополнительное отличие от окружающего мира. Ни один другой народ Древнего Востока не оставил нам ничего похожего на эту картину будущего. Наоборот, везде в мыслях о будущем доминирует трагедия неминуемой смерти. Нельзя сказать, что в Израиле, как в Египте, эта трагедия побеждена всеобщей и абсолютной верой в будущую жизнь; хотя в Библии можно обнаружить упоминания о загробном мире (*шеол*), но очень общие и ограниченные, и нигде

четко не говорится, что в будущей жизни человек получит воздаяние за поведение в жизни нынешней. Вместо этого пророки утверждают, что срок очищения наступит в пределах истории избранного народа, – хотя и в конце этой истории. Кроме того, – и это существенно, – катарсис станет результатом морального очищения. Такие представления характерны в этическом плане для израильского мышления.

С другой стороны, моральная оценка распространяется и назад во времени, до самого начала времен: в библейском рассказе о Сотворении мира и человека ясно просматривается вера в золотой век, где страдание и смерть проявляются как следствие греха. Месопотамские народы тоже описывали примитивный золотой век и говорили о том, что у человека была тогда возможность избежать смерти; но они никогда не связывали потерю такой возможности с виной или грехом. Следовательно, для них главным был непосредственный факт смерти, а не его причины, – или, по крайней мере, не причины, которые подразумевали бы ответственность.

Конец государства не означал конец пророческого движения. Однако пророки, естественно, перестали предвещать катастрофу, – ведь она уже произошла. И вот парадокс, характерный для израильской исторической концепции: те, кто прежде предвещал катастрофу, становятся вестниками хороших новостей и глашатаями возрождения. В качестве примера мы приведем описание возрождения, лучшее, возможно, с литературной точки зрения, – видение Иезекииля об оживлении сухих костей:

Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!» Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище. И сказал Он мне: сын человеческий! кости сии – весь дом Израилев. Вот, они говорят: «иссохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны от корня». Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, Господь, сказал это – и сделал, говорит Господь.

Однако у Иезекииля мы находим не только пророческое видение, но и описание процедуры, ибо назначенное время уже близко и надо обязательно объяснить, что делать, как воздвигнуть новый храм, как реорганизовать богослужение и священничество. Так в проповедях Иезекииля соединяются два элемента Древнего Израиля: пророческий идеал и священнический закон. Реорганизация и кодификация этого закона происходит в период вавилонского пленения. Устанавливается канон священных книг. Ветхий Завет начинает принимать тот облик, который мы знаем теперь.

С возвращением из вавилонского пленения священство занимает господствующее положение в обществе. Вообще, общество надо строить заново и скреплять новыми узами, тем более крепкими, что цементирующее действие государства теперь отсутствует. В результате ведущей роли священства национализм народа утверждается за счет всеобщности

Бога.

Тем не менее, какие бы превратности ни уготовала дальнейшая судьба, Израиль уже внес свой вклад в дело развития человечества. В мире, где природа обожествляется, боги очеловечиваются, а их дела облачаются в одежду мифа, Израиль сумел отделить Божественное от природного и человеческого и подняться выше мифов. Некоторые специалисты утверждают, что это лишь внешнее превосходство, ведь Израиль создал собственный миф – миф о Боге, который является народу и заключает с ним Завет; эти авторы заявляют, что только грекам удалось силой интеллекта уйти от мифологии. Но, возможно, в этом суждении скрывается некоторое непонимание. Действительно, греки в интеллектуальной сфере сумели подняться выше мифа; но евреи поднялись выше его в религиозной сфере. И было бы трудно доказать, что это менее значительное и важное достижение в истории человечества.

Литературные жанры

Историческая и религиозная концепция Древнего Израиля изложена и зафиксирована в собрании книг, известных как Ветхий Завет. Это собрание состоит из работ различных авторов, написанных в разное время и на разные темы. Оно было составлено после утраты политической независимости с целью сохранить для потомков историю нации и ее веры, поддержать и связать воедино будущее поколения.

Цель этой коллекции, таким образом, – не литературная, а религиозная; именно по этому принципу отбирались в нее книги. Следовательно, настоящая коллекция – не вся литература Древнего Израиля, но лишь та ее часть, которую сочли достойной сохранения и передачи. О том факте, что существовали и другие произведения, не включенные в канон, свидетельствует как огромное количество ссылок в самом Ветхом Завете, так и недавние находки древнееврейских рукописей в Иудейской пустыне. С другой стороны, очень может быть, что некоторые из книг канона первоначально носили светский характер, а включением своим обязаны религиозной интерпретации содержания.

Порядок, в котором представлены книги коллекции, носит – в пределах религиозной концепции – скорее исторический, нежели систематический характер. Другими словами, юридические предписания, этические наставления и пророчества вставлены в контекст исторических событий, связаны с этими событиями и определяются ими. Поэтому библейские книги организованы в примерном соответствии с ходом израильской истории.

Очевидно, такие условия должны были поставить перед исследователями довольно специфические критические проблемы, отличные от всего, с чем мы сталкивались до сих пор в древне-восточной литературе. Действительно, израильская концепция литературы не слишком отстает от принятой в соседних странах: литература преследует практические, а не эстетические цели, авторство никого не интересует, а литературные формы со временем эволюционируют очень слабо. Тем не менее в композиции и проработке текстов наблюдается развитие, которого мы больше нигде не видим; этот процесс, вершиной которого стал отбор и закрытие канона, заставляет нас вернуться назад, чтобы определить принципы, которые им управляли, выделить и датировать источники. Это непростая задача, и при ее решении мало что можно определить наверняка; в основном приходится полагаться на намеки и вероятности.

В отношении литературных жанров библейские книги можно приблизительно разделить на исторические, пророческие, лирические и поучительные. Кроме того, в Ветхом Завете содержится немало правил и предписаний, связанных с древнейшей историей народа и вместе с этой историей составляющих группу книг, известную как Пятикнижие. В каноне Пятикнижие стоит прежде всех остальных книг, но за последнее столетие критики разделили его на части в соответствии с источником и поставили – в окончательной редакции – после исторических и пророческих книг, большинство из которых было составлено почти сразу после описываемых в них событий. За последнее время этот взгляд практически не

изменился. Однако становится все более ясно, что одного лишь поиска источников недостаточно; возможно, эти книги представляют собой наложение различных пластов, которым предшествовала долгая устная традиция. Вследствие этого значительная часть библейского материала была отнесена к более ранней дате; археологические данные и исследования в смежных областях показали, что объективно это вполне возможно.

Здесь не место разбирать источники, поэтому мы можем рассматривать библейские материалы в тех жанрах, к которым они относятся в нынешнем состоянии. Первым делом следует рассмотреть исторические книги, природу и содержание которых мы уже охарактеризовали. В них история Израиля прослеживается шаг за шагом, достигая пика документальности и историографической проницательности в той части Книг Самуила и Царств, в которых говорится о единой монархии. О разделенном царстве говорится уже короче, хотя комментариев и религиозных отступлений становится больше. Мы можем смело считать эту часть повествования работой священников; это же можно сказать о двух книгах Хроник, где примерно в таком же плане повторяется история Иудейского царства. С утерей политической самостоятельности последовательная историография сходит на нет; но книги Эзры и Нехемии рассказывают нам об основных фазах возвращения из вавилонского плена и возрождения Израиля.

О пророческих книгах мы тоже уже говорили. Начиная с разделения царства они следят за событиями и комментируют их со своей особой точки зрения. Помимо крупных – это Исайя, Иеремия, Иезекииль, Даниил, – есть еще несколько малых пророков, которые в коротких эпизодах вразумляют заблудших, объявляют о грядущем наказании и о возрождении из руин. В настоящее время израильская пророческая литература как жанр уникальна для

Древнего Востока; хотя пророки существовали и у других народов, нам неизвестно, чтобы их деятельность находила выражение в литературных произведениях.

В качестве вступления к обсуждению остальных литературных жанров упомянем еще одну проблему, которая представляет серьезный интерес. Что стало с мифологической и эпической литературой, с рассказами о богах и героях, занимавшими столь значительное место в других восточных литературах? В соответствии с характером новой религиозной мысли эти литературные жанры исчезли, почти не оставив следов. Вот она – победа над мифом, которую мы называли характерной чертой Израиля.

Еврейская лирическая поэзия, основанная на традиционном параллелизме, достигает вершин в Книге псалмов. Эта книга включает в себя 150 религиозных стихотворений различных эпох и авторов, индивидуальных и коллективных; все они посвящены молитве и восхвалению Господа. Вот молитва, произнесенная в несчастьи:

Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец,

доколе будешь скрывать лице Твое от меня?
Доколе мне слагать советы в душе моей,
скорбь в сердце моем день и ночь?
Доколе врагу моему возноситься надо мною?
Призри, услышь меня, Господи Боже мой!
Просвети очи мои, да не усну я сном смертным;
да не скажет враг мой: «я одолел его».
Да не возрадуются гонители мои, если я поколеблюсь.
Я же уповаю на милость Твою;
сердце мое возрадуется о спасении Твоем;
воспою Господу, благодетельствовавшему меня.

А этот псалом полон радости и благодарности:

Благо есть славить Господа и петь имени Твоему, Всевышний,
возвещать утром милость Твою и истину Твою в ночи,
на десятиструнном и псалтири, с песнью на гуслях.
Ибо Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим:
я восхищаюсь делами рук Твоих.
Как велики дела Твои, Господи! дивно глубоки помышления
Твои!

Среди еврейских рукописей, обнаруженных недавно в Иудейской пустыне, есть псалмы, очень похожие на библейские по форме и содержанию. Мы не можем установить дату их составления; но имеет смысл рассмотреть по крайней мере один из них как образец литературы, существовавшей параллельно с каноническими работами и часто говорившей в точности о том же. Тема этого псалма – контраст между малостью человека и величию Господа:

И что же он такое, человек? Земля он...
щепоть, и к праху его возвращение,
но Ты вразумил его чудесами, подобными этим, и тайне
и[стины] (?)
Ты научил его. А я – прах и пыль!
Что я задумаю, если Ты не захотел, и что я помыслю без
Твоего изволения?
Кем удержусь, если Ты не поддержишь меня,
и как запнусь, если Ты не замыслил (этого) для меня?
Что скажу, если Ты не откроешь мой рот, и как отвечу, если
Ты не вразумил меня? Ведь
Ты – вождь Божественных и царь достославных,
и господин всякому духу, и владыка всякому творению,
И без Тебя ничто не содеется, и не познается без Твоей воли.
И нет помимо Тебя!
И нет общего с Тобою в силе, и нет супротив Твоей славы,
и Твоему величию нет цены.
И кто во всех Твоих великих чудесах, кто может устоять пред
Твоей славой? И что же он, возвращающийся к праху своему,
чтобы
удерживать [силу]?
Лишь для славы Твоей Ты сделал все это!
Благословен Ты, Господи Боже милосердный!

Трансцендентность, всемогущество, справедливость и добродетель Бога; хрупкость человека и природы: вот главные темы израильской веры; они же последовательно отражаются и в литературе.

Еще одно заметное произведение еврейской лирики – плач Иеремии, образец известного литературного жанра, широко распространенного, как нам известно, на Древнем Востоке. Говоря о шумерах, мы обсуждали плач богини Нингаль над руинами города Ура. Теперь процитируем еврейский плач над павшим Иерусалимом:

Как одиноко сидит город, некогда многолюдный!
Он стал как вдова; великий между народами, князь
над областями сделался данником.
Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его.

Нет у него утешителя из всех, любивших его;
все друзья его изменили ему, сделались врагами ему.
Иуда переселился по причине бедствия и тяжкого
рабства, поселился среди язычников, и не нашел
покоя; все, преследовавшие его, настигли его
в тесных местах.
Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник;
все ворота его опустели; священники его вздыхают,
девицы его печальны, горько и ему самому.
Враги его стали во главе, неприятели его благоденствуют,
потому что Господь наслал на него горе за множество
беззаконий его.

Последние стихи особенно характерны. В традиционный литературный жанр автор их привнес собственное понимание истории: катастрофа произошла из-за беззаконий народа, а враг был лишь инструментом Божественного очищения.

Одно из лирических произведений, на первый взгляд вполне светское по содержанию, было интерпретировано аллегорически в религиозном смысле и включено в канон Священного Писания (здесь уместно вспомнить шумерский гимн царю Шу-Сину, наш первый пример любовной песни, которую следует воспринимать аллегорически). Песнь песней очень тонко описывает любовь юных пастуха и пастушки. Пастушка говорит:

Голос возлюбленного моего!
Вот он идет, скачет по горам, прыгает по холмам.
Друг мой похож на серну или на молодого оленя.
Вот он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает
сквозь решетку. Возлюбленный мой начал говорить мне:
встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!
Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал;
цветы показались на земле; время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей;
смоковницы распустили свои почки,
и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние.
Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Можно увидеть в этих стихах живые и очень точно подмеченные картины природы и вспомнить сцены из египетских любовных песен. Не менее примечательны здесь и наблюдения человеческого характера. Вот описание возлюбленного пастушка:

Возлюбленный мой бел и румян,
лучше десяти тысяч других:
голова его – чистое золото;
кудри его волнистые, черные, как ворон;
глаза его – как голуби при потоках вод,
купающиеся в молоке, сидящие в довольстве;
щеки его – цветник ароматный, гряды благовонных растений;
губы его – лилии, источают текучую мирру;
руки его – золотые кругляки, усаженные топазами;
живот его – как изваяние из слоновой кости, обложенное
сапфирами;
голень его – мраморные столбы, поставленные на золотых
подножиях;

вид его подобен Ливану, величествен, как кедры;
уста его – сладость, и весь он – любезность.
Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери
Иерусалимские!

Вот еще одно достойное описание природы:

Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селах; поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе. Мандрагоры уже пустили благовоние, и у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: это сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

Песнь песней очень поэтична в своей откровенной живости и отсутствии сковывающих условностей. Ее поэзия – вне времени и пространства, в которых она была создана; подобно некоторым произведениям назидательной литературы, она выходит за пределы жесткого единства мысли, характерного для древнееврейской литературы.

Назидательная литература в Израильском царстве процветала; многочисленные произведения этого жанра более чем достойны стоять рядом с аналогичными текстами других восточных народов и тесно связаны с ними по настроению и темам. Мы начнем с книги Притчей Соломоновых в Ветхом Завете. Выберем несколько:

Что уксус для зубов и дым для глаз, то ленивый для
посылающих его.
Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет; другой
выдает себя за бедного, а у него богатства много.
Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит,
тот с детства наказывает его.
Лучше немногое при страхе Господнем, нежели большое
сокровище, и при нем тревога.
Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели
откормленный бык, и при нем ненависть.
Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше
завоевателя города.
И глупец, когда молчит, может показаться мудрым,
и затворяющий уста свои – благоразумным.
Ленивец зимою не пашет: поищет летом – и нет ничего.
Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою
в просторном доме.
Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых:
муравьи – народ не сильный, но летом заготавливают пищу
свою;
горные мыши – народ слабый, но ставят дома свои на скале;
у саранчи нет царя, но выступает вся она стройно;
паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах.

Среди притчей есть группа (гл. XXII, 17 – гл. XXIV, 22) настолько похожая по концепции и воплощению на поучительные высказывания Аменемопета (Египет), что мы вынуждены заключить: это прямое заимствование. Однако в остальных случаях источники определить невозможно или сами притчи построены на типично израильском материале и верованиях.

Помимо притчей или афоризмов, есть и советы в полном смысле этого слова. Примеры

мы можем найти в Книге премудрости Иисуса сына Сирахова, довольно поздней компиляции, которую не всегда включают в канон:

Не хвали человека за красоту его, и не имей отвращения к человеку за наружность его.

Мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей.

Выслушал ты слово, пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя.

Глупый от слова терпит такую же муку, как рождающая – от младенца.

Что стрела, вонзенная в бедро, то слово в сердце глупого.

Нет головы ядовитее головы змеиной, и нет ярости сильнее ярости врага.

Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злою женою.

Следы еврейской басни сохранились в библейских книгах в виде вставок. Самый поразительный пример – речь Иофама к жителям Сихема в Книге Судей. Сын Иероваала Авимелех убил своих братьев и убедил жителей Сихема выбрать его царем. Уцелел только Иофам. Он пошел к сихем-цам и рассказал следующую басню, смысл которой в том, что, выбрав Авимелеха, они выбрали худший вариант и скоро об этом пожалеют:

Пошли некогда деревья помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами. Маслина сказала им: оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей и пойду ли скитаться по деревьям? И сказали деревья смоковнице: иди ты, царствуй над нами. Смоковница сказала им: оставлю ли я сладость мою и хороший плод мой и пойду ли скитаться по деревьям? И сказали деревья виноградной лозе: иди ты, царствуй над нами. Виноградная лоза сказала им: оставлю ли я сок мой, который веселит богов и человеков, и пойду ли скитаться по деревьям? Наконец сказали все деревья терновнику: иди ты, царствуй над нами. Терновник сказал деревьям: если вы поистине поставляете меня царем над собою, то идите, покойтесь под тенью моею; если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские.

Еще один тип нравоучительной литературы, известный нам от месопотамских народов, появляется и в Израиле: это литература, посвященная страданиям праведника. В Книге Иова эта проблема не только ставится, но и обсуждается весьма подробно:

Ужасы устремились на меня;
как ветер, развеялось величие мое, и счастье мое унеслось, как облако.

И ныне изливается душа моя во мне: дни скорби объяли меня.

Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя.

С великим трудом снимается с меня одежда моя; края хитона моего жмут меня.

Он бросил меня в грязь, и я стал как прах и пепел.

Я взываю к Тебе, и Ты не внимаешь мне, – стою, а Ты только смотришь на меня.

Ты сделался жестоким ко мне, крепкою рукою враждуешь против меня.

Ты поднял меня и заставил меня носиться по ветру и сокрушаешь меня.

Так, я знаю, что Ты приведешь меня к смерти и в дом собрания всех живущих.

Верно, Он не прострет руки

Своей на дом костей: будут ли они кричать при своем разрушении?

Не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа
моя о бедных?
Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла
тьма.

Ответ на этот вопрос тоже напоминает ответы, данные в Месопотамии. Во-первых, как может человек знать, что хорошо и что плохо? Как может он постичь суждение Господне? Один из товарищей Иова возражает:

Можешь ли ты исследованием найти Бога?
Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя?
Он превыше небес, – что можешь сделать?
Глубже преисподней, – что можешь узнать?
Длиннее земли мера Его и шире моря.
Если Он пройдет и заключит кого в оковы
и представит на суд, то кто отклонит Его?
Ибо Он знает людей лживых и видит беззаконие,
и оставит ли его без внимания?
Но пустой человек мудрствует,
хотя человек рождается подобно дикому осленку.

Второй ответ приносит окончательное освобождение. За все свои страдания праведник в конце концов будет вознагражден, точно так же как злодей не избегнет наказания. Книга завершается описанием того, как Иов возвращается к прежнему процветанию:

И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц. И было у него семь сыновей и три дочери... И не было на всей земле таких прекрасных женщин, как дочери Иова, и дал им отец их наследство между братьями их. После того Иов жил сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода; и умер Иов в старости, насыщенный днями.

Мы завершим свой краткий обзор нравоучительной литературы поэзией человеческого горя и пессимизма, нашедшей выражение в книге Екклесиаста. Нельзя сказать, что такая поэзия характерна для Израиля с его справедливым и милосердным Богом, утоляющим все печали. Но следует заметить, что это довольно поздняя работа, не свободная к тому же от влияния греческой мысли. Более того, несмотря на весь пессимизм, нельзя сказать, что в книге Екклесиаста недостает веры в Бога: скорее она существует в иной сфере; она скорее игнорирует, чем отрицает, и заканчивается обращением к божеству. Это ставит перед критикой множество проблем: какая часть текста оригинальна, сколько было добавлено, сколько искажено? Но даже дополнения и искажения свидетельствуют об отношении израильтян к философии боли.

Книга Екклесиаста открывается картиной тщеты человеческих усилий, которым суждено бессмысленно повторяться под солнцем:

Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!
Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?
Род проходит, и род приходит, а земля пребывает веки.
Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно
восходит.
Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и
возвращается ветер на крути свои.
Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки
текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Мудрость столь же тщетна:

Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме; и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал

Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа! Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать. Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Эти отрывки принадлежат к чудеснейшим во всем Ветхом Завете, а стоят в тексте, который меньше всего гармонировал бы с его духом, если бы проповедник не пришел в конце концов к следующему выводу:

Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо.

Является ли этот вывод позднейшей вставкой? Или изменением оригинального текста? Перед нами снова встает знакомая проблема, и тот, кто жаждет решить ее, не должен пользоваться собственной логикой, а должен погрузиться в соответствующую среду и искать ответ там.

Заметная часть еврейской литературы имеет юридическое содержание в самом общем смысле: это предписания не только правового, но и этического и религиозного характера. Для сравнения с законами соседних народов мы можем поделить еврейские материалы на две группы. Первая состоит из общих и безусловных правил, представляется оригинальной и вполне соответствует Израилю как по духу, так и по формулировкам. Вторая группа, с другой стороны, принадлежит к обычному на Древнем Востоке типу: это серия гипотетических конкретных случаев с соответствующими решениями. Но содержание случаев отличается довольно сильно, как потому, что оно приспособлено к особым условиям еврейского общества, так и благодаря этической ноте, которая здесь звучит гораздо чаще, чем в других случаях.

Характерный пример общих законов – десять заповедей. Это десять великих правил, который составляют фундамент религиозной и моральной жизни: поклоняться Богу, соблюдать священные дни, почитать родителей, не убивать, не красть и т. д. Некоторые из порицаний грешников в книге Второзакония носят такой же абсолютный характер. Левиты провозглашают проклятия, а народ ходом повторяет за ними:

Левиты возгласят и скажут всем Израильтянам громким голосом:
проклят, кто сделает изваянный или литый кумир, мерзость пред Господом,
произведение рук художника, и поставит его в тайном месте!

Весь народ возгласит и скажет: аминь.

Проклят злословящий отца своего или мать свою!

И весь народ скажет: аминь.

Проклят нарушающий межи ближнего своего!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто слепого сбивает с пути!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто ляжет с женою отца своего, ибо он открыл край одежды отца своего!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто ляжет с каким-либо скотом!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто ляжет с сестрою своею, с дочерью отца своего, или дочерью матери своей!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто ляжет с тещею своею!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто тайно убивает ближнего своего!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу и пролить кровь невинную!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним!
И весь народ скажет: аминь.

Очевидно, это тоже заповеди, только в виде предупреждений – проклятий тем, кто их не выполняет.

Теперь мы подошли к прецедентному праву – конкретным решениям для конкретных ситуаций. Содержание этих предписаний раскрывает нам основы устройства израильского общества.

Для начала разберемся с классовым устройством. Как мы видели, месопотамское общество делилось, условно говоря, на аристократов, плебеев и рабов. Здесь разница между аристократами и плебеями пропадает: все свободные граждане равны перед законом. Положение рабов здесь, как везде, достаточно шатко; но религия оказывает смягчающее действие, предписывая, к примеру, освобождать рабов на седьмой год:

Если купишь раба Еврея, пусть он работает шесть лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром; если он пришел один, пусть один и выйдет; а если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его.

Главой семьи, как обычно, считается отец. Многоженство разрешено. Характерная особенность семейного права – левират, аналогично тому, что мы уже видели у хеттов. В книге Второзакония это сформулировано так:

Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жены и жить с нею, – и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле.

Как всюду на Востоке, разводы разрешены с некоторыми защитными ограничениями. Наследование идет по мужской линии, что ставит женщин в откровенно зависимое положение. В этой связи не следует забывать, что, несмотря на все религиозные и этические достижения по социальному развитию, Древний Израиль намного отставал от народов, давно перешедших к оседлости.

Уголовное право основано на семитском принципе возмездия:

...отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу,

обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.

Тем не менее в некоторых случаях этот закон смягчается. Начнем с того, что, как и в Месопотамии, действует он только между свободными гражданами. Преступление против раба искупается его освобождением:

Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз; и если выбьет зуб рабу своему, или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб.

Более того, проводится четкое различие между вредом намеренным и невольным:

Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти; но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце.

Этическую ноту, заметную в некоторых положениях израильского закона и связанную с концепцией Бога справедливого и милосердного, можно проиллюстрировать дополнительными примерами:

Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то, когда они во-зопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами.

Если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее, ибо она есть единственный покров у него, она – одеяние тела его: в чем будет он спать? итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу, ибо Я милосерд.

И еще:

Если найдешь вола врага твоего, или осла его заблудившегося, приведи его к нему; если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его; развяжешь вместе с ним.

Некоторые формулировки, особенно тема защиты вдов и сирот, уже знакомы нам из правовой литературы других народов Древнего Востока. Но есть и новые моменты: к примеру, предписание любить не только друзей, но и врагов своих, помогать не только тем, кто любит нас, но и тем, кто нас ненавидит, – предвестники положений Нового Завета; в этих предписаниях даже израильский национализм выглядит менее исключаящим и ограниченным. Это можно понять – ведь именно в этом ментальном и духовном мире кроются корни Нового Завета.

Художественные типы

Если существует такая сторона культуры, в которой определенно и живо выражается исключительное главенство религии, характерное, как мы уже отмечали, для Израиля, то это искусство. Мы знаем, что израильская религия запрещает изображать божество; такого запрета достаточно, чтобы полностью сорвать всякое развитие изобразительных искусств – живописи и скульптуры. Следовательно, остаются только редкие архитектурные памятники и традиционные малые формы, особенно мелкая рельефная резьба. Можно даже задать вопрос: имеем ли мы вообще право говорить об израильском искусстве? Ответ будет положительным в том поверхностном смысле, что памятники все-таки есть; но

отрицательным, если говорить о серьезных импульсах художественного развития, об их характерных особенностях и практической реализации.

Можно даже сказать, что израильская враждебность к искусству распространяется даже на надписи. Разве не удивительно, что великие цари Израиля не оставили нам ни одной памятной стелы, ни одного победного камня? У них ведь были предприятия, достойные памятных надписей, и победы, достойные празднования. А традиция запечатлевать все это на камне была распространена очень широко, о чем свидетельствуют памятные стелы и надписи гораздо менее значительных соседних царьков. На возражение о том, что такие надписи просто пока не найдены, можно ответить, что Палестина – наиболее тщательно исследованный регион Ближнего Востока. Трудно поверить, что отсутствие надписей случайно: для этого должны существовать более глубокие причины, даже если природа этих причин пока неясна. Какой религиозный закон запрещает надписи?

Что касается архитектуры, в нескольких местах обнаружены остатки укреплений: можно назвать укрепления в Самарии, в Лахише и Хазоре. Стены укреплений выстроены в ханаанской традиции. Дворцы тоже; или, если говорить точнее, дворцы, подобно ханаанским дворцам, построены в соответствии с основными принципами месопотамской архитектуры. Основа их – один или несколько внутренних двориков, вокруг которых сосредоточены и в которые выходят небольшие комнаты. Естественно, пропорции здесь куда более скромные: если царский дворец в Мари имеет больше 260 комнат, то в самарийском дворце их тринадцать.

От религиозных сооружений ничего не сохранилось. Но библейская традиция полностью компенсирует недостаток археологических данных – приводит подробное описание знаменитого храма, который Соломон выстроил в Иерусалиме (рис. 5). В храме этом был внешний двор, где стоял алтарь для жертвоприношений и большой сосуд для воды, «море бронзовое». Ворота с двумя колоннами по бокам, также сделанными из бронзы, вели в вестибюль. За ним располагался центральный зал с золотым алтарем для благовоний и столом из древесины кедра для хлебов предложения. Наконец, там было святилище, отгороженное занавесом; это было темное кубическое помещение, где хранился ковчег Завета. Входил туда только первосвященник, один раз в год, в День искупления. По бокам и сзади храм был окружен небольшими кубическими комнатками в несколько ярусов.

Несложно ответить на вопрос, был ли этот храм оригинален по своему устройству. У евреев в этом отношении не было никакой оригинальности, да она им была и не нужна. Из кочевого прошлого они не вынесли никакой архитектурной традиции, поэтому во всем полагались на финикийских мастеров, приглашенных Соломоном. Финикийцы, в свою очередь, тоже не обладали особой художественной независимостью. Как мы уже замечали, они полностью находились под египетским влиянием. Нет ничего удивительного в том, что храм Соломона с его анфиладой залов, ведущих в самое отдаленное и закрытое помещение – святилище, – повторяет черты египетских храмов.

Скульптура и живопись отсутствуют, поэтому переходим сразу к произведениям малых форм. В основном это рельефная резьба на небольших предметах вроде печатей или пластинок из слоновой кости. Печати, очень многочисленные, принадлежат к штамповому, а не к цилиндрическому типу, и обычно напоминают по форме египетского скарабея. Вырезанные на них сюжеты состоят в основном из грифонов, сфинксов, скарабеев и солнечных дисков, обязательно с крыльями: все это очень характерные египетские сюжеты. Изредка встречаются изображения животных: львов, быков, птиц и обезьян; еще реже – изображения божеств. Изображения эти чисто декоративны, а божества – всегда чужие. Столь же редко встречаются изображения человеческих фигур, обычно в молитвенной позе.

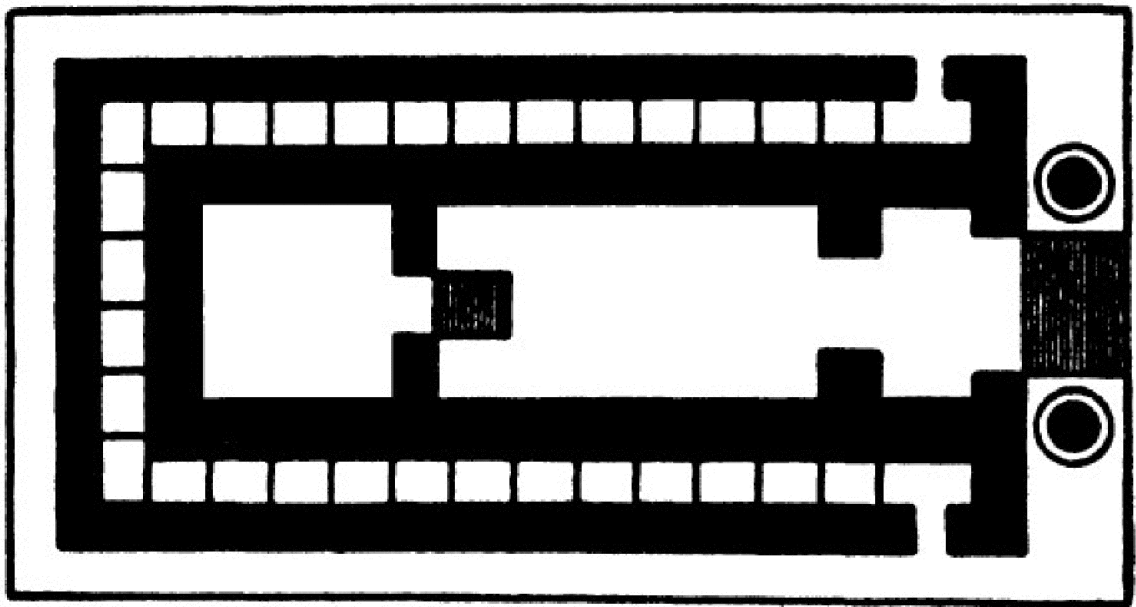

Рис. 5. План храма в Иерусалиме: реконструкция

Изображения на медалях статичны и декоративны по замыслу; на него часто накладывается надпись с именем владельца, обычно состоящая из двух строк. Примерно такими же чертами обладают небольшие пластинки из слоновой кости, которыми украшались внутренние стены дворцов: так, в Самарии были найдены образцы таких пластинок с изображением херувима (фото 29) и египетского бога Гора в виде ребенка; подобные пластинки обнаружены также в Мегиддо, а совсем недавно – на израильских раскопках в Хадоре. Изображения на пластинках несут на себе признаки египетского влияния, дошедшего сюда, скорее всего, через Финикию. Еврейское искусство малых форм полностью укладывается в традиции финикийского или, в более общем плане, сирийского искусства; и можно сказать, что израильские произведения не обладают отчетливой индивидуальностью или независимостью.

Суммируя израильскую цивилизацию в целом, необходимо особо отметить ее удивительную однородность. Подобно политическим, литературным и правовым формам, искусство Израиля также указывает в одном-единственном направлении – в направлении религиозной веры. В какой-то мере это можно сказать обо всех народах Древнего Востока, но лишь в какой-то мере: одно дело, когда религиозные принципы отражаются в формах жизни и искусства, и другое – когда они являются доминирующим, если не сказать эксклюзивным, условием и темой этих форм. Религиозные принципы израильтян схематически просты, поэтому понятно, почему черты их культуры оказались столь индивидуальными и гармоничными, – тогда как у других народов разрозненные элементы не всегда гармонизируются и сливаются в единое целое. В этой сфере Израильское царство заложило прочную основу на будущее. Религия народа здесь не была религией государства, а потому сумела пережить государство на века. Но возможен и следующий шаг вперед – осознание того, что в особом народе тоже нет необходимости. Этот шаг сделает христианство; Израиль не смог его сделать, поскольку это положило бы конец той самой исторической концепции, которая сделала возможным выживание народа.

Часть четвертая Синтез

Глава 8 Персы

Синтез и конец эпохи

«Когда Кир в 539 г. до н. э. вошел в Вавилон, мир был стар. Что еще более существенно, он сознавал свою древность».

Такими словами начинает А. Ольмстед свою «Историю Персидской империи». Тщательная формулировка помогает понять тот культ древности, что охватил, похоже, весь Вавилон в последний период его существования. История Древнего Востока приближалась к концу. Тем не менее, по странной закономерности, именно накануне последнего кризиса она достигла максимальной широты, единства и мощи. До самых границ и дальше, от Индии до Ливии, была построена единая империя, в которую входили разные народы; и синтез, возникавший иногда под властью Ассирии, сделался теперь стабильным, чему очень способствовала просвещенная политика либерализма и терпимости. Это вселенская монархия, царство «четырех концов земли» – концепция, возникшая сперва как воля к власти, а теперь воплотившаяся на практике. Только запад остается вне пределов слияния; следовательно, возникают условия для неизбежного и решительного столкновения.

Главные действующие лица этой новой фазы истории – индоевропейцы, которые, конечно, давно присутствовали на Иранском нагорье, но только в 1-м тысячелетии до н. э. сформировали мощные политические организмы, которые тут же очень энергично устремились вовне. Это вторая волна индоевропейского проникновения в регионы Древнего Востока, и это последняя этническая сила, которая подстегнула здесь ход истории.

Периферия берет верх и одолевает центр. Великие долинские цивилизации истощены, у них за плечами тысячи лет истории, они обескровлены кризисами, которые раз за разом сотрясают их дряхлеющие организмы. Катализаторы истории, народы гор и пустынь, тоже исчерпали свою полезность, – их роль закончилась в тот самый момент, когда цель была достигнута и отдельные независимые государства перестали существовать.

Сдвиг центра тяготения расширил границы истории и поставил перед ней новые задачи: открылись дороги на Средний и Дальний Восток, тогда как на другом конце империи, на западе, границы скрещиваются в жизненно важной точке, на Босфоре. Еще до военного кризиса Древний Восток исчезает, как исчезают географические границы, которые выделяют его и определяют его историю.

Но конец древне-восточной цивилизации особенно различим в кризисе мировоззренческом; по всем швам трещит концепция окружающего мира, Вселенной. Израиль уже пробил в ней глубокую брешь – показал, что божественное можно отделить от человеческого и природного и объявить независимой моральной силой, преодолевающей политические границы. Теперь Иран, отдаленный во времени и пространстве, вносит еще один раскол, хоть и отличный по структуре; он утверждает моральные нормы, способные преодолеть не только политические, но и национальные ограничения.

В качестве доказательства мы увидим, как религия Заратустры распространяется независимо от развития и формирования Персидской империи. Именно поэтому связь между двумя путями иранской цивилизации – политическим и религиозным – становится проблемой; тем не менее ясно, что Древний Восток уже способен породить мировоззрение, никак не обусловленное существованием государств или народов. Это его величайшее достижение, и в то же время это начало его поражения и конца.

Исторический очерк

Пролог к новой главе истории – империя мидийцев, племени иранского происхождения, находящегося в близком родстве с персами. В VII в. до н. э. мидийцы образовали мощное государство; под началом царя Киаксара (Увахшатра) они одолели

Ассирию, проникли в Армению и Анатолию и были остановлены на реке Галис сопротивлением лидийцев. Мидийская империя оказалась короткоживущей и просуществовала очень недолго. В середине следующего столетия персы под предводительством Кира сбросили мидийское ярмо, взяли власть и начали собственную экспансию.

Кир, основатель династии Ахеменидов, – величайший завоеватель в истории Древнего Востока. За одиннадцать лет он сумел, с одной стороны, проникнуть в сердце Индии, а с другой – оккупировать Анатолию и Вавилон со всеми их землями до самых границ Египта.

Так возникла величайшая из древне-восточных империй. Почему ей уготован был такой поразительный успех? Несомненно, отчасти дело в молодой энергии новых завоевателей и тех кризисах, которые в это время переживали (или не переживали) древние империи. Хеттская империя пала, Ассирийская пала, Египетская сжалась до размеров собственно Египта, Вавилонская подорвана внутренними беспорядками. Но ясно, что такая обширная империя, включавшая в себя самые разные народы и культуры, не могла выжить и победить без собственной политической формулы – без системы, способной примирить старое и новое, успокоить сопротивление и конфликты, взлелеять и усилить тенденции к объединению. В самом деле, величайшее достижение Кира – именно в этом. Он умел везде уважать местные традиции и даже приспосабливаться к ним. Более того, обладая собственными взглядами на историю, он везде представляется законным преемником местных династий, которые не смогли утвердиться на своем месте из-за недостатков их представителей; он берет существующие механизмы и использует их как есть, без всякой модификации; он уважает чужих богов и делает их своими. Несомненно, кое-что из этого можно назвать пропагандой и приспособленчеством; но утверждение морального принципа, возведение терпимости в систему, стремление к сосуществованию вне рамок политической необходимости, – все это свидетельствует о его бесспорно высоком этическом уровне и либеральности. Дело у него не расходилось со словом, практика – с теорией.

Возможно, лучше всего проиллюстрировать эти замечания памятной надписью, в которой излагается история завоевания Вавилона. Пользуясь языком завоеванной страны, Кир утверждает, что ее собственный бог Мардук, забытый местным царем Набонидом, избрал его, Кира, и послал его восстановить истинную веру:

[Мардук] осмотрел и обыскал все страны в поисках добродетельного правителя, готового вести его (то есть вести его, Мардука, во время ежегодной процессии). Он произнес имя Кира, царя Аншана, объявив его правителем всего мира... Мардук, великий господин, защитник народа, с радостью увидел добрые дела Кира и его честное сердце и велел ему идти на город его Вавилон. Он велел ему выступить походом на Вавилон и сам ехал рядом с ним как истинный друг. Его огромная армия – количество воинов в ней, как воды в реке, неисчислимо, – шла вперед и оружие свое везла с собой. Без всякого сражения Мардук привел их в свой город Вавилон, избавив его от бедствий. Он отдал в руки Кира Набонида, царя, который не славил его. Все обитатели Вавилона, как и всей земли Аккадской и Шумерской, включая царей и правителей, склонились перед Киром и целовали его ноги, с радостью и сияющими лицами, потому что он получил это царство. Радостно они приветствовали его как господина, с чьей помощью они вернулись к жизни из мертвых и были избавлены от бедствий, и славили они его имя.

Сын Кира Камбиз (528–522 до н. э.) еще расширил завоевания на запад: он оккупировал Египет, проник в Нубию и Эфиопию. Эти события имеют огромное историческое значение: с исчезновением самой независимой части Древний Восток достигает общего единства.

Неясно, продолжал ли Камбиз просвещенную политику отца. Согласно греческим источникам, он насмехался над египетской религией, разрушал храмы и убил священного быка Аписа. Правда это или легенда? Если легенда, то на каких фактах она основана? У нас

не хватает непосредственной информации, которая помогла бы ответить на эти вопросы³⁶.

На обратном пути из Египта Камбиз узнает, что в Персии вспыхнуло восстание: маг Гаумата выдал себя за умершего брата царя и на этом основании захватил власть. Камбиз умирает на пути домой. Но Дарий, отпрыск еще одной ветви Ахеменидов, поднимает свои знамена и, умертвив узурпатора, восстанавливает династию. Длинная надпись, посвященная этим событиям, повторяет в сфере внутренней политики все ту же старую тему попорченной и восстановленной справедливости; царь откровенно стремится легитимизировать свое восхождение на трон. Но в этой надписи есть еще одна интересная черта, которая ставит перед нами религиозную проблему: Дарий вновь и вновь говорит о покровительстве Ахурамазды – бога, провозглашенного Заратустрой. В надписи говорится:

Я Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран, сын Вишпашпы (Гистаспы), внук Аршамы, Ахеменид...

Говорит Дарий-царь: по воле Ахурамазды я стал царем. Ахурамазда дал мне царство.

Говорит Дарий-царь: царство, которое было отнято у нашего рода, я вернул, восстановил его в прежнем виде. Святилища, которые Гаумата-маг разрушил, я восстановил. Я вернул народу [его] достояние: скот, домашнюю челядь, фамильные владения, которые Гаумата-маг у него отнял. Я восстановил страну в прежнем виде, и Персию, и Мидию, и другие страны. То, что было отнято, я вернул обратно. По воле Ахурамазды это я совершил³⁷.

Исходя из этого, можно предположить, что именно Дарий установил в Персии религию Заратустры; а поскольку пророк и сам упоминает в Авесте одного из своих покровителей по имени Гистаспа (так звали отца Дария), неудивительно, что некоторые авторитеты склоняются к этой гипотезе. Но вопрос на самом деле не так прост: бог Ахурамазда, которого Заратустра выдвинул на первый план, вполне мог принадлежать к уже существующей религиозной системе; а имя Гистаспа может быть всего лишь совпадением. Во всяком случае, Дарий, помимо Ахурамазды, признает и других богов, что явствует из следующей части надписи:

Говорит Дарий-царь: вот что я сделал; по воле Ахурамазды в один год я сделал это. Ахурамазда помогал мне, и другие сущие боги.

Таким образом, вопрос остается неясным и сложным. Действительно ли религия Дария – зороастризм? И как можно примирить зороастрийский монотеизм с веротерпимостью, характерной для Ахеменидов?

После восхождения на трон Дарию пришлось столкнуться с целой серией бунтов в самых разных частях его царства. Он подавил их все твердой рукой и вновь завоевал все земли, входившие в империю при Камбизе; он продвинулся даже дальше, в Индию на востоке и в Европу на западе. Из Европы ему пришлось отступить после формирования Дуная, а в Греции он потерпел поражение при Марафоне; тем не менее эти экспедиции свидетельствуют об агрессивности государства, только расширившего свои границы до беспрецедентных размеров.

Политическая организация государства при Дарии тоже достигает наивысшего развития. На вершине пирамиды – царь, наделенный абсолютной наследственной властью; ему помогает совет знати. Царь не обожествлен, как в других культурах Древнего Востока; считается, что он лишь пользуется божественной помощью. Царю подчиняются сатрапы,

³⁶ Последние исследования, однако, показывают, что Камбиз пытался «легитимизировать» себя в Египте.

³⁷ Перевод В.И. Абаева.

губернаторы провинций, на которые разделена огромная империя. Эти провинции сохраняют собственную политическую организацию и обычаи. К каждому сатрапу приставлен царский секретарь, который, с одной стороны, помогает ему управлять провинцией, а с другой – присматривает за ним. Надзор осуществляют также инспекторы, которые объезжают провинции, проверяют в них состояние дел и присылают царю отчеты. Фундаментом экономической жизни страны служит отлично организованная система налогов. Развитию торговли способствует одно очень важное нововведение: в это время в Лидии уже пользовались монетами, и Дарий вводит монетную систему по всей империи. Наконец, для облегчения торговых связей и военных передвижений создается сложная система дорог, включая знаменитое «шоссе» из Сузы в Сардис длиной полторы тысячи миль.

Дария на персидском троне сменил Ксеркс. Греческие источники, описывая его масштабный поход и морское поражение при Саламине, представляют Ксеркса жестоким тираном. Надпись, оставленная самим царем и обнаруженная в Персеполе, показывает другую сторону его личности. В частности, она проясняет его религиозную политику, в которой мы теперь видим несомненные следы зороастризма. О «злых богах», или дэвах, там говорится в следующих выражениях:

Бог великий Ахурамазда, который создал эту землю, который создал то небо, который создал человека, который создал благоденствие для человека, который сделал Ксеркса царем, единым над многими царями, единым над многими повелителем.

Я Ксеркс, царь великий, царь царей, царь стран многоплеменных, царь этой земли великой [раскинувшейся] далеко, Дария царя сын, Ахеменид.

Говорит Ксеркс-царь: когда я стал царем, была среди стран, которые выше упоминаются, [такая, где было] волнение. Потом Ахурамазда мне помог. По воле Ахурамазды эту страну я сокрушил и поставил ее на место. И среди этих стран была [такая], где прежде дэвы почитались. Потом, по воле Ахура-мазды, я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: «Дэвов не почитай»³⁸.

Ксеркс погиб от руки убийцы. Его преемник Артаксеркс (464–424 до н. э.) весь период своего правления старательно поддерживал неустойчивое равновесие среди постоянных покушений и заговоров. Но затем равновесие все же рушится. Следует целое столетие внутренних дрязг; при этом фундамент империи трещит по швам, а ее мощь остается всего лишь фасадом. Насилие и коррупция в погоне за властью прокладывают дорогу к быстрому концу. Сама концепция правления меняется к худшему и откровенно регрессирует: либерализм, примирявший и объединявший разные народы при уважительном отношении к их правам, сменяется деспотическим правлением и безоглядным угнетением; народы империи отдаляются друг от друга и начинают чувствовать враждебность к чужим. Таким образом, когда наступает кризис, почва для него оказывается подготовленной. Александр Македонский врывается на Ближний Восток и, выигрывая одно сражение за другим, стремительно овладевает регионом. В 330 г. до н. э. процесс завершается. История Древнего Востока подошла к концу.

Однако конец истории не есть конец цивилизации. Мы начали эту главу цитатой из Ольмстеда; закончим ее другим отрывком из этого же автора: «Сожжение Персеполя дало миру знак, что великий поход достиг предначертанного ему конца. К несчастью, и символ, и сам поход были равно не ко времени. Первые свои завоевания Александр организовал по образу и подобию персидской сатрапии. В Египте он узнал, что он сын бога, а следовательно, и сам обладает божественной властью. Все больше и больше Александр подпадал под влияние восточных верований, и вскоре он уже перенимал персидскую роскошь и церемониал. В конце концов он мечтал объединить персидский и греческий

³⁸ Перевод В.И. Абиева.

народы и культуры. Восток победил яростного завоевателя».

Религиозная структура и литературные жанры

Итальянский ученый А. Пальяро пишет: «Фактором, сыгравшим величайшую роль в формировании иранской цивилизации и превращении ее больше чем на тысячу лет в отдельную политическую единицу, безусловно, стала религия. Ибо если иранские племена нагорья, принявшие зороастризм, стали исторической нацией, организовали и смогли поддерживать собственное государство на границах греко-римского мира, то родственные им племена Центральной Азии, оставшиеся в стороне от этой религии, потерялись в море кочевых и варварских народов, которым древние дали коллективное название скифов. Более того, следует отметить, что самоутверждение иранской цивилизации, особенно на культурном уровне, шло во многих отношениях параллельно с утверждением религиозных ценностей и было с ним тесно взаимосвязано».

В этих наблюдениях подчеркивается важность и значение зороастрийской религии в иранском мире. Красноречивым подтверждением тому может служить тот факт, что религия эта пережила падение Ахеменидов и через несколько веков, уже при Сасанидах, даже стала официальной государственной религией, скрепив таким образом узы, которые в древние времена, как мы видели, нередко были туманными и неопределенными.

Но значение зороастризма не ограничено иранским миром; оно распространяется и на весь Древний Восток. В определенном смысле развитие этой религии идет параллельно событиям в Палестине, ибо утверждает монотеистический культ, основанный на единой морали. Различия между двумя религиями глубоки: в Израиле вера и политика слиты в единое неделимое целое, в Иране они существуют отдельно и независимо; в Израиле монотеизм строится в основном на эмоциональной основе, а в Иране преобладает интеллектуальный подход, и было бы трудно отделить его – хотя точнее тоже сказать сложно – от поведения и особенностей индоевропейских племен, его носителей; наконец, в Израиле монотеизм становится все более абсолютным, тогда как в Иране он со временем смягчается. Но, несмотря на все различия – несмотря даже на более очевидные различия, обусловленные глубоким несхождением условий жизни, – две религии связывает одно существенное качество: в том и другом случае вера становится независимой и образует сообщество – мы бы сказали, церковь, независимую от политических обстоятельств.

Литературное наследие Ирана в основном определяется его религиозной доктриной: это священная книга, Авеста, составленная, подобно израильской священной книге, из отдельных частей, различающихся между собой по содержанию и времени создания. Сохранилась лишь часть этой книги, но даже и так мы вполне можем выделить в ней различные литературные жанры: гимны, молитвы, правовые предписания и описания ритуалов. В ее сегодняшней форме эта книга демонстрирует развитие не только во времени, но и – одновременно – в стиле: откровенное выражение эмоций самой древней ее части, гат, семнадцати гимнов, восходящих, по всей видимости, непосредственно к Заратустре, сменяется монотонностью, некоторым многословием, а временами даже менее правильным языком. Но – самое главное – в этой священной книге наблюдается эволюция содержания: подробнее мы поговорим об этом позже, но уже сейчас можно сказать, что речь здесь идет не только, как в других местах, о естественном развитии идей во времени и пространстве, но и о реальных изменениях, о возвращении элементов примитивного язычества. Таким образом, здесь есть четкое деление, указывающее на существование в истории зороастризма двух структурно противоположных фаз.

Фигура иранского пророка Заратустры до сих пор остается таинственной. Из гат мы узнаем о нем очень немного. Он говорит, что у него есть враги, что его преследуют:

В какой земле мне укрыться, куда мне пойти укрыться?

Изгоняют меня от земляков и соплеменников,
Неблагодарны ко мне и родовой союз,
И поклоняющиеся друждам правители страны.
Как мне добиться твоей благосклонности, о Мазда-Ахура?
Знаю я, почему, о Мазда, нет мне успеха:
Мало у меня скота и мало людей.
Рыдаю я пред тобою, взгляни же, Ахура,
Поддержку ниспошли, какую друг дает другу!
Научи чрез Ашу, как приобрести Добрую Мысль!³⁹

Заратустра находит приют и поддержку при дворе некоего правителя. Мы уже говорили, что некоторые ученые видят в этом правителе отца Дария, – в этом случае пророк жил в VI в. до н. э. Но другие, опираясь на более поздние иранские хронологические ссылки, утверждают, что жил он на несколько десятилетий раньше; третьи вообще, опираясь на архаический язык гат, пытаются сместить время его жизни к 1000 г. до н. э. Из всего этого видно, как трудно определить Заратустру исторически; с другой стороны, нет никаких оснований сомневаться, что это историческая фигура, хотя прежде такие сомнения высказывались. Указания на окружающую природу в гатах позволяют предположить, что жил он в пастушеских районах Восточного Ирана, но точно определить даже в этом вопросе невозможно.

Предмет его учения определить несложно. Но когда дело доходит до определения его источников или новых оригинальных элементов в нем, возникают сомнения. Дело в том, что мы слишком мало знаем о состоянии иранской религии на тот момент и не можем определить позицию Заратустры в отношении нее. Авторитетный ученый Ж. Дюшен-Гийе-мен написал с оттенком иронии, что мы можем преуменьшить значение пророка, насколько захотим: для этого надо всего лишь приписать элементы его системы уже существовавшим на тот момент верованиям. Тогда даже природа его учения окажется под сомнением: был ли он знахарем, или философом, или социальным реформатором? Все три этих предположения выдвигались различными учеными, но ни одно из них не представляется полностью приемлемым. Несомненно, главный мотив деятельности пророка – религия, даже если в этой религии главенствуют рассудочные факторы, а основана она на социальной концепции.

Мысли Заратустры сосредоточены на утверждении единого бога. Имя бога – Ахурамазда – полностью определяет его характер, ибо если слово «ахура» – «господин» – и прежде использовалось для обозначения божества, то добавление слова «мазда» – «мудрый» или даже «мыслитель» – говорит о том, что главным в его природе является интеллектуальная деятельность. Это совершенно новый элемент для Древнего Востока, где прежде не удавалось выделить мысль и ее проекцию на вселенскую плоскость. Вообще, это ближе к признанию разума движущей силой и законом Вселенной; к этому очень скоро придут другие индоевропейские народы в Греции.

Преобладание в иранской концепции божества рассудочного элемента подтверждают и сущности, которых иранцы помещают рядом с Ахурамаздой: это Справедливость, Добрая мысль, Правило, Преданность, Цельность, Бессмертие. Сами по себе это не божества, это атрибуты или аспекты единого верховного бога, который их создал. В одном из древнейших гимнов пророк определяет работу Ахурамазды через серию риторических вопросов:

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто был изначальным отцом Арты [Духа огня]

³⁹ Перевод Е.Э. Бертельса.

при зарождении его?
Кто проложил путь Солнцу и звездам?
Кто заставляет Луну прибывать и убывать?
Это и многое другое, о Мазда, хочу я узнать!
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто водрузил землю на место и удерживает здание облаков?
Кто впряг в одну упряжку быстрых жеребцов с ветрами и
облаками?
Кто был создателем Воху-Ману [Духа скота], о Мазда?
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Какой мастер сотворил свет и тьму?
Какой мастер сотворил сон и бодрствование,
Дабы разумному человеку напомнить о заботах его?
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Верно ли наставляю я?
Для кого создан скот?
Кто научил сына почитать отца своего?⁴⁰

Интеллектуальные в своих воплощениях сущности Заратустры отражают также глубокую моральную необходимость: их власть над миром означает просто, что общество держится на нравственности и справедливости.

Введение высшего принципа в сфере морали не избавляет нас от проблемы зла во Вселенной; напротив, эта проблема драматически усиливается. В результате в учении Заратустры появляется концепция злого духа, которая сразу же занимает очень существенное место, поскольку именно борьба злого духа с добрыми силами составляет самую суть жизни во Вселенной. Так появляются элементы дуализма, которые получают полное развитие при позднейших дополнениях в зороастризм. В мыслях же Заратустры злой дух не мешает высшему Духу, ибо он описывается как противостояние зла и добра, подчиненных верховному принципу. Борьба зла и добра идет непрерывно с самого начала времен; но, когда человек сделает свой выбор в пользу добра, добро будет вознаграждено, а зло наказано, и добро будет вечно править миром. Такова эсхатология Заратустры:

Речь моя для внимающих: о том, что творит Мазда, будет вещать она, о делах его, которые доступны разумению мыслящего. Речь моя будет славить Ахуру: ее предмет – предмет благоговения для неискаженного духа, предмет высоких святых размышлений. Исполнено прелести, добра и блеска то, о чем буду говорить я.

Итак, внимай, о человек, с напряжением слуха превосходному смыслу моего слова: оно укажет тебе, что избрать лучше – каждому укажет оно; выбор касается твоей плоти и тебя. Пока не настало великое время, нас учат те, которые обладают премудростью.

Два Духа, два близнеца вначале провозгласили от себя чистое и нечистое мыслей, речей и поступков. Благомудрые знают разницу между провозгласителями, не знают ее зломудрые: суд благомыслящих безошибочен и верен как о том, так и о другом Духе.

В первый раз когда они пошли создавать и жизнь, и отсутствие жизни, и все, чем стоит наконец мир, – где дурное, там виден был и Нечистый, Дух же Благый всегда пребывал неразлучен со святостью.

Из этих Духов Злой избрал для себя нечистое дело, чистоту же избрал Дух Непорочный, обитающий в непоколебимом небе: последовали чистоте чтущие Ахуру делами Правды, веруя Мазде.

⁴⁰ Перевод И.С. Брагинского.

Между избирателями не избрали Правды сонмы дэвов и кто ими обманут. Лишь только Нечистый Дух решил свой выбор, он прибегнул к сомнению, и – к Айшме немедленно столпились все желавшие безобразия этому миру.

К Ахуре прибегнула власть с благою мудростью и чистотою; прочность же и неослабную крепость телам их даровала Армайти. Да пребудут они всегда таковыми, как когда впервые ты приступил к творению!

Когда настанет время казни злодеям, тебе, Мазда, предстоят власть и благая мудрость. Ахура повелевает той и другой, и – злодея они предают в руки непорочности.

Да пребудем мы твоими, мы, стремящиеся к преуспеянию мира: Ахурамазда да укрепит нас, да укрепит нас Святость. Кто благомудр здесь, тому вечное пребывание там, где обитает премудрость.

На злого, на губителя, вот уже падает гибель разрушения; но сходятся в одно мгновение невредимыми в прекрасной обители Благого Духа, в обители Мазды и Непорочности те, для кого было сладостно прославление Благого.

Итак, поучайте о двух властелинах: их действия открыты Маздою человеку. Поучайте о них с наслаждением и постоянно: это учение давно уже разит нечестивых. В нем сила тому, кто праведен душою, в нем прославление ему⁴¹.

Обратите внимание на сложность концепций, на характерную для них интеллектуальную концентрацию: этот отрывок лучше любых абстрактных рассуждений показывает глубокую разницу между ментальностью зороастризма и тем, что мы наблюдали в остальных регионах Древнего Востока. Решение проблемы зла связано с позицией Заратустры по отношению к верованиям иранского язычества. Он отрицает языческих богов, или, скорее, трансформирует их в демонов, существующих параллельно с добрыми духами, закладывая при этом, заметим в скобках, основу для будущего дуализма. В то же время он выступает против иранского культа, против кровавых ритуалов и употребления опьяняющей *хаомы*. Остается лишь один элемент предыдущего периода: поклонение священному огню. Но об этом говорят лишь редкие намеки, в которых огонь характерно одушевляется. Говорит Заратустра:

На твой вопрос: «На что ты решился?» —

Отвечу: «При каждом поклонении огню думать лишь о
Справедливости».

Следует упомянуть и о мире, в котором проповедовал Заратустра, – не столько чтобы рассказать, в какой обстановке появилось его учение, но чтобы разобраться с одним из существенных его мотивов, с социальным фактором. Заратустра проповедует среди пастухов, не кочевых, но живущих на своих пастбищах. Частое упоминание быка и необходимости защищать его от грабителей, – а еще больше персонификация его души, – делает это животное символом жизни и труда. Получается, что идеал реформатора – не перестройка общества, а, наоборот, его гармоничная консервация.

Одна очень известная гата начинается со странной жалобы бычьей души:

Молит вас Душа Быка:
«Кто создал меня и для чего?
Айшма злой гнетет меня,
угоняют воры и грабители,
Кроме вас – защиты нет,

⁴¹ Перевод К.А. Коссовича.

селянин пусть пестует меня!»⁴²

В другом месте бык превозносится как источник изобилия, созданный и возвращенный верховным богом и его помощниками:

Этого Духа ты еси отец святой,
Тот, что здесь [человеку] корову, радость приносящую,
сотворил
И для нее на пастбище покой дал [земле] – Армайти,
Чтоб с Доброй [он] советовался Мыслью, о Мудрый⁴³.

В целом религия Заратустры чрезвычайно проста в своей конструкции и составляющих ее элементах; это верно не только в позитивном смысле, в отношении природы учения, но и в отрицательном смысле, в плане отказа от – или, по крайней мере, отсутствия – множества факторов, которые до сих пор мы всегда находили в восточных религиях. Так, в зороастризме нет мифологии; есть лишь слабые следы богослужебных ритуалов и форм; нет магии и гаданий, которые чаще всего сопровождают религиозную практику; наконец, нет особого религиозного класса, жречества.

После смерти Заратустры эта ситуация в определенной мере меняется. Учение претерпевает глубокие изменения, реакционные по природе, следы которых можно видеть в остальной части Авесты. Вновь появляются языческое наследие и простонародные верования, монотеизм трансформируется и подменяется; в конце концов от него, по существу, отказываются. Скорее всего, ведущая роль в таком развитии событий принадлежит жречеству, «магам»; некоторые считают, что первоначально это было отдельное племя, другие, с большим основанием, ведут их происхождение от некоего религиозного сообщества.

После смерти Заратустры его учение претерпело следующие изменения. Во-первых, монотеизм сменился дуализмом; добрый дух был отождествлен с Ахурамаздой, который таким образом превратился в противника злого духа Ахримана, могущество которого в жизни Вселенной едва ли уступает могуществу самого Ахурамазды. Во-вторых, сущности, связанные с обеими сторонами вечного конфликта, с добром и злом, увеличились числом, вобрали в себя представителей древнего язычества и в конце концов превратились в независимые божества в полном смысле этого слова. Так, в лагере добра мы встречаем древнего арийского бога Митру и богиню плодородия Анахиту, возникшую под сильным влиянием месопотамской Иштар; в лагере зла объявился Индра, еще один бог древнеиранского пантеона. На определенном этапе на этот дуализм наблюдается интересная реакция, но, к сожалению, у нас слишком мало информации о ней; речь идет о зурванизме – движении, в котором оба верховных принципа, зло и добро, выводятся из одного и того же элемента, времени. Это скорее философское, нежели религиозное решение, отражающее стремление к единству, которое с развитием зороастризма вновь оказалось неудовлетворенным.

На новой стадии учения эсхатология становится более определенной и выраженной. Души предстают перед судьями по одну сторону от моста Чинвад, их добродетели и грехи взвешиваются на особых весах. Добродетельным удастся достичь ада, тогда как грешников сбрасывают в адскую бездну под мостом. Но и ад, и небеса временны; в конце времен море расплавленного металла очистит Вселенную, и добродетельные поднимутся к вечной жизни.

Вновь появляются древние ритуалы: опьяняющая *хаома* вновь признается священным

⁴² Перевод И.С. Брагинского.

⁴³ Перевод С.П. Виноградовой.

напитком и предлагается верующим; в церемониях очищения главную роль играет священный огонь.

Параллельно с развитием богослужебного ордера развивается и класс священнослужителей: в частности, непрерывно горящий огонь нуждается в подготовленном персонале, который круглые сутки поддерживал бы его. Священники, содержать которых должно общество, обретают все большее влияние на его жизнь.

Таким образом, зороастризм живет, консолидируется и одновременно разлагается: странная судьба для религии – выжить за счет тех самых элементов, которые она была решительно настроена уничтожить.

После этого наброска из религиозной жизни нам следовало бы связать историю религии с политической историей; но это очень сложная и слабо решаемая проблема. Трудно поверить, что Кир был зороастрийцем; Дарий, возможно, был, но чужих богов не исключал и он; Ксеркс почти наверняка был зороастрийцем. Вероятно, религия в тот момент была на самой ранней стадии развития; только позже, во времена Артаксеркса II, появляются ссылки на Митраса и Анахиту, свидетельствующие о наступлении новой фазы ее развития. Тем не менее существенной чертой остается раздельный ход политического и религиозного процесса. Можно сказать даже больше: политическая деятельность позитивна ровно до тех пор, пока существует религиозная терпимость; как только Ахурамазда становится единственным богом, политическая деятельность оборачивается негативом. В заключение мы хотели бы сказать, что отношения между двумя процессами в данном случае принципиально вторичны. Религия Заратустры живет собственной жизнью. Это первая религия на Древнем Востоке, в истории которой политические события не играют не только решающей, но и вообще сколько-нибудь значимой роли.

Художественные типы

Сообщество наций, которые Ахемениды сумели сплотить в единую империю, сплавляет воедино различные элементы и создает искусство, которое призвано стать выразителем этого сообщества. Хотя иранцы – молодой народ и потому должны быть склонны к всяческим нововведениям, они считают честью для себя собирать материалы и художников из разных концов империи; именно так они выражают и утверждают ее единство. Дарий так описывает строительство дворца в Сузах:

Кедр был доставлен из горы, называемой Лабнана. Народ ассирийский доставил его до Вавилона. Из Вавилона киликийцы и ионийцы доставили его в Сузы. Дерево уака было доставлено из Гандары и Кермана. Золото, здесь употребленное, доставлялось из Сард и из Бактрии. Самоцветы, лазурит и сердолик, которые были здесь употреблены, доставлялись из Согдианы. Употребленный здесь темно-синий самоцвет доставлялся из Хорезма. Употребленные здесь серебро и бронза доставлялись из Египта. Украшения, которыми расписана стена, доставлены из Ионии. Слоновая кость, которая употреблена здесь, доставлена из Эфиопии, Индии и Арахозии. Каменные колонны, которые здесь употреблены, доставлены из селения, называемого Абирадуш, в местности Уджа.

Рабочие, которые тесали камень, были ионийцы и мидяне. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидяне и египтяне. Люди, которые работали с деревом, были лидийцы и египтяне. Люди, которые делали кирпич, были вавилоняне. Люди, которые орнаментовали стену, были мидяне и египтяне.

Стремление к универсальности производит сильное впечатление. Похоже, на пороге конца Древний Восток пытался произвести последний, вполне сознательный синтез культур. Наверняка никогда прежде сообщество народов не выражало себя так откровенно и красноречиво.

Таким образом, искусство Древнего Ирана – это официальное, придворное искусство, творимое усилиями не столько нового народа-победителя, сколько старых побежденных народов. Это старое, а не новое искусство, которое без видимых сложностей укладывается в рамки традиции. Конец традиции – это конец целого мира концепций и отношений, которые успел выразить Восток за предыдущее тысячелетие.

Необходимо задать вопрос, обладало ли в этих условиях иранское искусство какой-то преемственностью или собственными отличительными чертами. Ответ на этот вопрос дал покойный У. Моннере де Вийяр: «Здесь присутствует духовная преемственность, аналогичная – хотя и на гораздо более низком уровне – той преемственности, которую мы наблюдаем в двух величайших искусствах мира, искусствах Греции и Китая, и которой нет, пожалуй, больше нигде. Эта эстетическая преемственность представляет собой активное стремление к украшательству, которое проявляется в каждый период очень точно, красноречиво и ритмично. Поэтому не выражение и не чистое представление, но видение, подчиненное декоративности и реализованное всегда на непревзойденном техническом уровне. Стремление к декоративности имеет в своей основе точное и доброжелательное наблюдение действительности, которое выражает себя в роскошных цветовых решениях и удивительном воображении, нацеленном на изобретение новых форм. Сущее ощущается как поэтическое произведение, где все сплавляется в своего рода мечту».

Таким образом, декоративность доминирует над сутью; можно сказать, что это и есть отличительная черта иранского искусства. Она характерна для первых шагов этого искусства и остается характерной все время его существования, со времен Ахеменидов до современности. Так, независимо от оценки его положительных и отрицательных качеств, это искусство шло своим характерным курсом, наиболее четко выраженным среди всех периферийных регионов Древнего Востока.

Главной архитектурной задачей в Иране было строительство императорского дворца, одновременно центра и выражения новой, внезапно объявившейся политической силы. В религии подобной задачи не было – слишком небольшое значение придавалось богослужебной процедуре; именно этим объясняется откровенное преобладание гражданской архитектуры над религиозной.

Большие императорские дворцы в Пасаргадах, Персе-поле (фото 30) и Сузах наглядно демонстрируют основные принципы строительства. Мы видим здесь черту, типичную для Месопотамии, – а именно большую искусственную террасу, которая служит основанием для главного здания. Однако здесь, в отличие от Месопотамии, нет задачи защитить сооружение от наводнений, – их не бывает. В результате эта архитектурная черта нашла себе иное – оборонительное – применение.

Как в Вавилоне, кирпичей в качестве строительного материала здесь хватает. Но больше, даже в основном, используется камень, что вполне соответствует характеру местности. Обилие камня позволяет широко использовать колонны, и в этом кроется еще одно отличие Ирана от Вавилона. В Пасаргадах колонны имеют гладкое тело и устанавливаются на дисковидное основание; в Персеполе и Сузах колонны слегка сужаются кверху, а база у них колоколообразная. Капитель также обладает оригинальными чертами: над центром колонны размещается секция в виде колокола или с двумя волютами, от которой в две стороны выступают головы лошадей или быков, поддерживающие архитрав. Недавние раскопки в Персеполе выявили в связи с этой чертой странную проблему: у стены были обнаружены две брошенных головы грифонов; они указывают не столько на появление новых форм, сколько на робкую попытку отойти от традиции. Судя по результату, художники или те, кто распоряжался их работой, решили в конце концов отказаться от этой попытки и вернуться к традиционным формам.

Колонны служили вполне функциональной цели: крыши больших залов-гипостилей, образующих центральную часть дворца, поддерживало не менее сотни колонн. Египетские в основе своей темы здесь прорабатывались в оригинальной манере благодаря высоте,

стройности и великолепию колонн.

Обращаясь к религиозной архитектуре, мы должны упомянуть лишь небольшие кубические сооружения, которые использовались для поклонения огню. Их устройство порождает сложную проблему, в том числе и религиозного характера, для решения которой у нас недостаточно информации: может быть, эти небольшие сооружения представляют собой остатки башенок с алтарем?

Архитектура погребальных сооружений заслуживает даже большего внимания, чем религиозная. Мавзолей Кира в Пасаргадах уникален: он состоит из единственного помещения с остроконечной крышей (совершенно новая черта), выстроенного на платформе, к которой надо подниматься по шести ступенькам. Позднейшие Ахемениды строили скальные гробницы в Персеполе и Накш-и-Рустаме; наружу эти гробницы выходили в форме креста (фото 31). Этот крест состоит из трех украшенных рельефами поверхностей. На верхней панели соответствующий царь возносит молитву Ахурамазде, причем бог изображен в виде бородастого бюста ассирийского типа на крылатом солнечном диске египетского типа; под ним представлено войско. На средней панели, проходящей по перекладине креста, имеются колонны и в центре дверь, ведущая внутрь гробницы. Нижнюю панель обычно оставляли гладкой. Определить происхождение персидских скальных гробниц очень нелегко: естественно было бы связать их с египетскими гробницами того же типа, но персидские гробницы располагались не в отдаленных местах, а рядом с царской резиденцией. Нельзя забывать и о том, что некоторые доахеменидские элементы указывают на существование местной традиции.

Свободно стоящая скульптура в Древнем Иране до сих пор не обнаружена. Ближайший к ней художественный тип – ортостаты, громадные крылатые быки с человеческими головами, поддерживающие ворота, говорят о месопотамском влиянии; но стиль изображения здесь иной, чудища гораздо менее агрессивны, более изящны и элегантны, несмотря на свое монументальное величие (фото 32).

Как обычно, рельефная резьба используется очень широко, и на внешних, и на внутренних стенах дворцов, как в Месопотамии. В первую очередь, это рельеф на камне: вдоль лестниц, ведущих во дворцы, и внутри выстроились многочисленные племена данников и царские гвардейцы. Тщательно прорисованные этнические типы и одеяния представляют собой первоклассный материал для исследований. Сам рельеф также очень интересен, ибо здесь имеются нововведения по отношению к месопотамскому оригиналу – как по теме, так и по технике исполнения. Одно из тематических новшеств – отсутствие батальных сцен; вместо них мы видим великолепные мирные процессии; складки одеяний также выполнены по-новому, и техника исполнения автоматически вызывает в памяти греческих художников.

Еще одна тема настенных рельефов имеет отношение непосредственно к царю. Его изображают сражающимся с чудовищем; несомненно, эта сцена имеет отношение к месопотамскому мотиву сражения человека со зверем; однако можно связать ее и с иранской концепцией борьбы добра со злом во Вселенной. В других местах царь изображен сидящим на троне. Лицо со стилизованной бородой, поза, помощник за плечом – все вызывает в памяти ассирийские образцы; но многочисленные отряды солдат и подданных ниже трона – уже местная особенность.

Некоторые из рельефов выполнены на кирпиче. Такой тип преобладает в Сузах, где именно кирпич является основным строительным материалом. Кирпичи покрыты глазурью и раскрашены в разные цвета в поздней вавилонской манере; помимо краски, они также покрыты барельефами. Темы таких изображений – фантастические животные по вавилонскому образцу или группы солдат и подданных, такие же, как мы уже видели на каменных рельефах.

В искусстве Древнего Ирана присутствует и множество малых форм. Примером

высокого мастерства, достигнутого художниками, может служить великолепный бронзовый лев, собравшийся перед прыжком, обнаруженный в Сузах, и две ручки от вазы в форме крылатых горных козлов, изображенных очень реалистично и в то же время с искусным изяществом. Найдено также немало образцов ювелирного искусства, где тоже есть новшества – к примеру, инкрустация цветными камнями по золотой основе. Достойны внимания и печати: среди них есть цилиндрические со сценами сражений царя с дикими зверями или злыми духами; есть и плоские с изображением фантастических существ, человеческих фигур в персидской одежде или бога Ахура-мазды в полуассирийском, полугипетском виде, в котором, как мы уже отмечали, его традиционно изображали. Наконец, есть совершенно новый вид искусства – чеканка на монетах; на самой типичной из них – дарике – изображен царь с натянутым луком в руках. Это поздний тип, и в других регионах Древнего Востока он представлен только ввезенными финикийскими образцами.

Таким образом, в замкнутом пространстве древне-восточного мира иранская цивилизация собирает воедино все наработанное до нее и подводит итоги. Среди многочисленных влияний, которые мы видим в Иране, доминирует, безусловно, месопотамское, что вполне объясняется географическим положением; но можно сказать также, что здесь видны следы влияния всех древне-восточных культур, всех без исключения. Однако все эти влияния объединены здесь в единый национальный стиль, который берет верх над разнообразием его составляющих и передается будущим поколениям.

Безусловно, древнеиранская цивилизация сыграла существенную историческую и религиозную роль. В историческом плане толерантный либерализм, сумевший объединить разные народы в одну гармоничную империю, вызвал неисчислимые последствия и сильно повлиял на развитие человеческой цивилизации. Если требуются доказательства, достаточно вспомнить, что именно персидский либерализм позволил восстановить еврейскую религиозную общину в Палестине, – с известными последствиями. В религиозном плане учение Заратустры представляет собой высшую точку древне-восточного интеллектуализма. В разработанной им Вселенной активно действуют силы логики. Единственное, что еще оставалось сделать, – это наделить их собственной независимой жизнью.

Глава 9

Лицо древнего востока

Восточные изоиды

На предыдущих страницах мы рассмотрели большое количество событий, политических и социальных форм, религиозных концепций, литературных и художественных произведений. Но всему этому по-прежнему не хватает единства, уравновешенности, взаимосвязей между фактами и идеями – всего того, что из множества разрозненных элементов создает органичное единство. В чем-то эта задача сродни построению изоглосс в лингвистике; В. Пизани назвал подобные объединяющие элементы изоидами.

Поиск изоидов – необходимый предварительный этап к общей оценке Древнего Востока как отдельного историко-культурного блока и одновременно как центра силы, излучающего в окружающий мир элементы культуры. В то же время поиск изоидов – обязательное условие для выявления тех позиций мысли, которые, если рассматривать их в свете нашего собственного мышления, представляют собой окончательный и наиболее значительный результат нашего краткого обзора древне-восточных цивилизаций.

История

История Древнего Востока началась в двух обширных речных долинах, где

географические условия впервые позволили человеку перейти к оседлому образу жизни и сформировать некие политические объединения. Этот процесс двигался, сначала в Египте, а затем и в Месопотамии, от начальной фрагментарной стадии к организованной, от крохотных городов-государств или небольших местных объединений к громадным объединенным царствам.

Когда эта фаза процесса завершилась, два конкурирующих организма начали экспансию за пределы своих границ, хотя и по-разному. Если для Египта главной целью был контроль над соседними народами, то для Месопотамии – аннексия и полное подчинение.

Две силы встречаются и до времени ограничиваются мелкими стычками между собой; наконец, в середине 2-го тысячелетия до н. э. в ситуацию с севера и востока вмешиваются горные народы, превращая исторический дуализм в плюрализм и увеличивая количество активных игроков на политическом поле. Основным местом встречи и взаимодействия цивилизаций становится полоса сирийской земли; вокруг нее складывается баланс сил, продержавшийся около трехсот лет – не слишком стабильно, но почти без изменений.

Затем с моря вторгаются новые народы с железным оружием; равновесие нарушено, те, кто его построил, стерты с лица земли. Но установившееся относительное влияние различных регионов Древнего Востока не в силах разрушить даже вторжение; функцию связующего звена берут на себя народы пустыни, которые в это время покидают свои кочевья, приходят и заполняют оставленную вторжением брешь; именно они занимают регион, которому суждено служить мостом между цивилизациями.

Когда дороги вновь открываются, самые древние и активные действующие лица древне-восточной истории – народы речных долин – постепенно реорганизуются и начинают движение навстречу друг другу. Но на этот раз Египет не может продвинуться слишком далеко: его силы истощены; Месопотамия пользуется этим и впервые распространяет свое влияние на весь Древний Восток.

Речь в данном случае идет о влиянии, не о владычестве. Владычества и долговременного объединения всего региона удалось добиться только персам – последнему из горных народов, которые воспользовались кризисом в центре и пришли с окраин. Теперь Ближний Восток противостоит Западу как единое целое: происходит столкновение, и наступает конец.

Примерно так, если очень кратко, выглядит история Древнего Востока во времени. Если поменять позицию и рассмотреть эту же историю в пространстве и в связи с условиями жизни главных действующих персонажей, то несложно увидеть характерную черту этого процесса: конфликт между народами «плодородного полумесяца», народами пустыни и народами гор. Логическим центром этого конфликта служит «плодородный полумесяц» – земля народов, живущих оседлой сельскохозяйственной жизнью, самый богатый, процветающий и желанный регион. На него давят с одной стороны кочевники-бедуины пустыни, с другой – другие кочевники, коневоды и охотники соседних гор. Тех и других гонит в долины мечта об изобильной жизни и надежда на избавление от нужды. Как только эта надежда сбывается, кочевники переходят к оседлой жизни, их стремления и политика меняются на обратные. Оседлые народы, со своей стороны, пользуются благоприятной географической ситуацией и строят сильные государства; именно они, или запущенные ими силы, периодически определяют механизмы, управляющие ходом истории. Интересно при этом, что перед кочевниками они бессильны – по крайней мере, они не в силах добиться решающего успеха. Их действия носят оборонительный, не наступательный характер; они расчищают границы и защищают коммуникации, но их противник появляется снова и снова, преодолевает сопротивление, проникает, ассимилируется – и все начинается сначала.

В целом – если прибегнуть к аналогии из химии, – историю Древнего Востока можно рассматривать как процесс синтеза. В качестве основных веществ, реагентов, здесь выступают долинские цивилизации, Египет и Месопотамия; они первыми сформировали государства и много веков сохраняли независимость. В роли веществ, которые определяют ход процесса синтеза или способствуют ему, катализаторов, выступают народы гор и

пустыни; они соединяют в себе черты противоборствующих сил, что приводит сначала к равновесию, а затем к преобладанию одной из сторон. Последний из катализаторов производит собственно синтез. Но элементы распада уже присутствуют, и полученное сложное вещество быстро распадается.

Политика

Иногда историю Древнего Востока в двух словах описывают так: это возникновение и постепенное усиление идеи, которая в зародыше присутствует уже в самый ранний период: идеи вселенской монархии. Уже аккадская империя Саргона, разделяющая историю шумеров примерно пополам, провозглашает владычество над «четырьмя концами земли»; именно это остается главной целью непрерывного совершенствования политических форм, пока наконец ассирийцы, вавилоняне и, самое главное, персы не реализуют эту идею в полном масштабе.

Несмотря на понятные положительные моменты, мы не считаем такую позицию верной. Начать с того, что она охватывает лишь часть временного периода; более того (и это самое главное), она фокусирует внимание лишь на ограниченной части территории Древнего Востока. Да, в определенные периоды месопотамской и персидской истории концепция владычества над всем известным миром выходит на передний план; но другие регионы и народы разделяют эту идею лишь частично или не разделяют вовсе. Начать с египтян: мы видели, что они рассматривали отношения с другими странами больше с точки зрения контроля, стремились обезопасить свои границы, и не более; оккупация и владычество их не интересовали. Если же говорить о хеттах, то их федеральная система, как нам представляется, полностью противоречит идее вселенской монархии: они мало того что не поглощали и не уничтожали завоеванные государства, они признавали их независимость и подчеркивали ее в юридической форме, заключали с ними договора.

Таким образом, сделаем вывод. Мы считаем, что политический горизонт древне-восточных народов был более разнообразным и изменчивым, чем полагали прежде. Но одна константа здесь действительно присутствует: не вселенская монархия, но монархия как таковая, институт единоличной и абсолютной власти. Монархия преобладает на Древнем Востоке как в пространстве, так и во времени, неизменно притягивая к себе все – даже то, что изначально плохо к ней приспособлено, как, например, шумерские городские теократии или хеттские монархии, ограниченные влиянием знати.

Религиозная вера на Древнем Востоке преобладала над множеством иных форм цивилизации, поэтому институт монархии мог базироваться только на религии – и ею же оправдываться. Но часто он шел еще дальше: монарх объединял две сферы жизни, человеческую и божественную, воедино и принимал на себя функции посредника между ними, если сам не поднимался в божественную сферу.

В этом отношении между двумя главными очагами ближневосточной цивилизации – Месопотамией и Египтом – существует заметная разница. В Месопотамии царь – посредник, но сам он принадлежит к миру людей; тенденции к обожествлению монарха не слишком серьезны, да ни к чему и не приводят. В Египте, с другой стороны, царь – это бог, снизошедший к людям. Отсюда и разница в отношении к жизни: в Месопотамии постоянная тревога, страх остаться в неведении относительно высшей воли и нарушить гармонию между двумя мирами; в Египте радостное спокойствие, смиренное согласие с предопределением и волей богов, которая доходит до людей напрямую, из первых уст.

Отношения между монархией и божественной волей, особенно интенсивные в регионах с давними культурными традициями, часто порождали проблему, которую невозможно понять до конца, если ограничиваться только одним регионом. Не стоит недооценивать тот факт, что у соседей-кочевников ситуация была совсем иной. Обожествление правителей и, соответственно, их абсолютная власть там были серьезно ограничены. Не важно, идет ли речь о племенном вожде, власть которого ограничивает совет старейшин, или о выборном предводителе ограниченного класса знати, – в любом случае положение вождя кочевников

сильно уступало положению царя оседлого народа. Одно можно сказать точно: первые завидовали вторым и всегда стремились усилить свои позиции. К примеру, царь хеттской новой империи отличался от царя старой империи тем, что присвоил себе египетский символ божественного происхождения; кроме того, после смерти его ждало обожествление.

В отношениях между Божественным и человеческим Израиль занимает особое положение. Бог трансцендентален и непознаваем, – а значит, царь Израиля не может выступать в роли посредника. Вообще, разве возможно посредничество между двумя столь разными планами существования? Только верность и преданность Богу могут обеспечить гармонию мира. Таким образом, снижение естественного и человеческого планов существования по отношению к Божественному, характерное для Израиля, логически ведет к снижению позиции царя. Более того, институт монархии возникает только в особых политических обстоятельствах и всегда рассматривается с антипатией или, в лучшем случае, принимается как необходимое зло.

Общество

Постепенный ход исторических событий отмечает также стадии развития общества от самых примитивных условий до более продвинутых и организованных. В этом смысле Древний Восток – отражение долгой и непрерывной трансформации, важнейшие моменты которой неразрывно связаны с поворотными пунктами истории.

Вначале мы можем говорить о жизни пещерного человека, о ее бродячей нестабильности, о добывании пищи путем сбора естественных продуктов и иногда охоты. Затем появились первые селения, а с ними примитивные орудия для зарождающегося сельского хозяйства и одомашнивания животных; одним словом, переход к оседлому образу жизни.

Затем возникают города. Последние исследования подтверждают, что города, вне сомнения, существовали в некоторых районах задолго до начала письменной истории. Но правда также и то, что в других районах начало истории четко связано с возникновением городов или «урбанистической революцией». Городское сообщество и государство придают производству потребительских вещей коллективный характер, возникает профессиональная специализация: помимо крестьян, появляются торговцы, чиновники, воины, жрецы. Теократическая монархия – центр, к которому тяготеют все эти категории людей.

Но эти категории пока в меньшинстве. Около двух тысяч лет – большую часть своей истории – цивилизация Древнего Востока живет в медном или бронзовом веке. Это относительно редкие и дорогие металлы, пользоваться ими в виде оружия или инструментов могут только представители ограниченной политической и религиозной элиты. Огромное большинство граждан исключено из этой категории, они не участвуют в определении курса общественной жизни, у них мало прав и еще меньше возможностей. Невозможно переоценить тот факт, что историю и цивилизацию Древнего Востока в значительной части определяла именно ограниченная элита, за которой стояла аморфная людская масса, в жизни которой огромную роль играло рабство.

С началом железного века, то есть примерно с 1200 г. до н. э., использование металлов ширится. Вследствие этого возникает и начинает расширяться средний класс. Ближе к концу древне-восточной истории появляется денежное обращение, что резко стимулирует развитие торговли, особенно розничной. В самом конце нашего периода появляются банки и начинает развиваться финансовая система. Но в этот момент вмешивается классический мир, и время древне-восточной цивилизации заканчивается.

Как мы уже говорили, развитие элементов и средств материальной культуры оказывает на ход истории заметное влияние. Так, наступление металлической эры совпадает с началом письменной истории; появление железа – с вторжением людей моря; в каждой фазе истории именно материальные элементы и орудия (к примеру, семитский лук и стрелы или стремительная военная колесница горных народов) определяют развитие событий.

Религия

Тем не менее нам представляется, что в общем ходе событий курс цивилизации на Древнем Востоке определялся концепциями и отношениями духовного характера.

Первое и главное из них – религия, которая определяет и интерпретирует все стороны жизни без исключения. Более того, каждая сторона жизни формируется и мотивируется в соответствии с религией. Именно единство религиозной веры снова и снова появляется в древне-восточных цивилизациях как доминирующий, самый главный мотив. Это мера всех вещей, равных которой вы не найдете среди других цивилизаций древности: нам придется добратся до Средневековья, чтобы обнаружить нечто подобное в нашем собственном мире. Возьмите, к примеру, правовые институты: религиозное и светское законодательство слиты воедино и никак не разделяются; мало того, человек Древнего Востока не увидел бы никакого смысла в их разделении, поскольку источником того и другого является одна и та же власть. Это же можно сказать в отношении науки: астрономия и астрология развиваются как единый организм; никто не видел ни смысла, ни нужды разделять их. То же в искусстве: это служанка религии, Ближний Восток не знал свободного художественного творчества, искусства ради искусства. «Отдайте Цезарю цезарево, и Богу Богово» – такой мудрости не было места на Древнем Востоке.

Но даже в этих обстоятельствах было бы поверхностно не рассмотреть абсолютное господство религии, которое мы только что постулировали, более подробно и конкретно; возможно, придется наложить на это утверждение некоторые ограничения. Возможно, никто не сформулировал так хорошо эту проблему, как немецкий ученый Х. Шмёкель. Рассуждая о верованиях шумеров, он задался вопросом: что думал крестьянин, которого постоянно отрывали от плуга и заставляли рабски трудиться на сооружении храмов? Что думал царь Лугальзаггиси, когда завоеватель Саргон посадил его в клетку перед храмом того самого бога, который ранее через своих жрецов даровал ему власть над шумерами? Этого мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем. Другими словами, нам известна лишь религия ограниченного правящего класса – официальный государственный культ; о религиозном мире остального народа – громадного большинства его – мы можем узнать очень и очень мало.

Все это правда. Но можно в ответ указать на рассказ Геродота о паломниках, которые толпами собирались в ладьи и плыли на праздник в Бубаст с музыкой и песнями. Или напомнить о празднике в Папремисе, когда паломники лупили друг друга палицами, разыгрывая на городских улицах сражения богов. Дело в том, что вопрос нужно формулировать иначе: мы не знаем, до какой степени отдельные люди были вовлечены в религиозную жизнь, это правда; но правда и то, что официальная религия была тесно связана с народными верованиями – питательной средой для официального курса всегда служат традиционные религиозные чувства народа.

Анализ древне-восточных религий позволяет выделить моменты и концепции, которые пронизывают и определяют их от начала до конца. Во-первых, религии эти в основе своей натуралистичны и основаны на поклонении космическим силам. Небеса, земля и вода обожествляются, одухотворяются и ставятся на первое место; человек занимает более скромное положение. Божественность приписывается также звездам, которые определяют ход жизни во Вселенной. Характерные черты божественных сил создаются по образцу человеческих: макрокосм подгоняется под микрокосм, и боги любят, ненавидят и совершают ошибки. Так у сверхчеловеческого мира появляется своя последовательность событий, своя история, призванная в первую очередь объяснить происхождение Вселенной и всего, что в ней есть, ее законов и судеб. Речь идет о мифологии. Мы встречали разные типы мифов: мифы о сотворении мира; о происхождении труда; о жажде бессмертия; о путешествиях в иной мир. Но один миф возвышается, как башня, над всеми остальными сюжетами: это растительный цикл, воплощенный в фигуре умирающего и воскресающего бога; часто в нем

присутствует также богиня-мать, символ плодородной земли.

Но миф на Древнем Востоке не имеет собственной независимой жизни. Прежде чем принять литературную форму, он используется в богослужениях и всевозможных священных обрядах. Действия богов представляются не как фантастические истории, а как реальные происшествия; к ним присоединяются действия людей, которые решительным образом оживляют и обновляют древние сюжеты. Особенно хорошо можно проследить взаимодействие мифа и обряда в двух центрах древне-восточной цивилизации – в Египте и в Месопотамии. Религиозная жизнь и обряды приспособлены к смене времен года и сельскохозяйственных сезонов. Доминирует здесь картина увядающей и расцветающей природы, умирающей и вновь оживающей растительности. Но между двумя центрами существует глубокая разница, которую мы можем определить как разницу в настроении и которая берет начало непосредственно в разных представлениях о том, как управляется Вселенная. В Месопотамии, где царь – всего лишь человек, ни один обряд не обходится без тревоги и страха, без метаний между радостью и болью: никогда нельзя быть уверенным, что человек правильно понял волю богов и действует в строгом соответствии с ней. В Египте, где царь – одновременно бог, ритуал строится на куда более прочной основе: все хорошо, иначе и не может быть. Надо ли напоминать, что в основе этой разницы отношений лежит разница условий существования в двух землях? Месопотамия открыта для вторжения со стороны гор и пустыни и зависит в своем существовании от неверных дождей и непредсказуемых рек; Египет отрезан от остального мира и защищен пустыней, а разливы Нила, хотя и различаются по интенсивности и качеству, никогда не подводят.

Таким образом, главной целью всякого обряда являются обновление и, соответственно, сохранение жизни. Но и в этом отношении между двумя великими долинами есть глубокая разница. В Месопотамии главный объект – жизнь природы, ее плодородие, поскольку жизнь человека неверна; несомненные следы веры в загробную жизнь дают довольно безрадостную картину этой самой жизни (бесконечные тоскливые скитания несчастных душ). В Египте, напротив, жизнь природы и жизнь человека текут параллельно: следующая жизнь без всякого разрыва продолжает нынешнюю в тех же мирных и часто радостных формах. Душа продолжает жить; тело сохраняется благодаря мумификации; гробница – новый дом. Кто-то удачно сказал, что древние египтяне, как ни парадоксально, отвергали реальность смерти.

Подобная концепция человека и его места во Вселенной делает понятным то важнейшее место, которое занимают в религиозной жизни гадания и магия. Если закон существования заключается в постоянных взаимоотношениях человека и обожествленной природы – божества, хотя и бесконечно более могущественного, чем человек, но обладающего вполне человеческими качествами, – понятно, что человек приложит все силы и всю свою энергию, чтобы поддержать на должном уровне свою сторону взаимоотношений. Он использует все возможности, которыми снабдило его божество, ради двойной цели – понять волю божества и направить ее в желаемую сторону. Гадания и магия – крайние способы соединить различные уровни Вселенной; вполне логично, что усилия в этом направлении должны быть больше – а соответствующая литературная продукция обширнее, – там, где связь ненадежна, где преобладают отделенность и неуверенность.

В заключение мы должны еще раз привлечь внимание к тому обстоятельству, что все сказанное относится в основном к главным представителям древне-восточной цивилизации. В остальных случаях можно выделить два варианта. Иногда концепция Вселенной похожа – или, если угодно, копирует религиозную концепцию великих держав; правда, здесь она выглядит менее развитой; многие черты находятся в зародышевом состоянии из-за ограниченных возможностей. Больше здесь, в сущности, обсуждать нечего. Но есть и другой вариант – создание независимой концепции, своего рода реакция, преодоление существующего положения. Этический монотеизм, зародившийся в Палестине и Иране, отбрасывает концепцию Вселенной, преобладающую в двух речных долинах, полностью отрывает божественное от человеческого и приписывает ему черты, которые не повторяют, а сублимируют человеческие черты и, соответственно, противоположны им. Природный культ

приходит в упадок, а проблема космического единства становится частью вопроса о высшей божественной воле. Исчезают даже узы государства: Бог в своей абсолютности уже не замечает границ, не ограничивает свое внимание одним народом и не в состоянии делить власть над Вселенной с другими божествами.

Именно теперь, когда религия отделяется от государства, становится понятно, что достижение максимальных высот духа никак не связано с политической властью. Скорее наоборот, создается впечатление, что развитие религии вступает в конфликт с государством и чем дальше, тем больше провоцирует кризис: так христианство, утвердившись в Риме, привело в конце концов к его падению.

Литература

Литература Древнего Востока демонстрирует черты, которые, как правило, выглядят вполне сформированными и доминирующими уже на самом раннем этапе истории. Эти черты обычно едины для литературы и искусства – то есть для искусств в широком смысле слова. Этого следовало ожидать, поскольку оба этих вида деятельности берут начало в том же духовном мире.

Первая черта – анонимность. Несмотря на громадное количество произведений, которыми может похвалиться Древний Восток, имя автора дошло до нас лишь в нескольких случаях, и то не наверняка. Имена копиистов упоминаются гораздо чаще; из этого следует сделать вывод, что творческой личности автора тогда не придавалось такого значения, как в нашем мире. Далее, отметим относительно неизменное качество форм и тем; а поскольку подражание и повторение встречаются очень часто и никак не маскируются, причем не только от текста к тексту, но и внутри одного текста, заключаем, что творческая оригинальность не была главной целью художественной деятельности, как у нас.

Как мы уже видели, обе названные особенности берут начало в концепции искусства не как субъективного творения отдельного человека, а как коллективного проявления общества. Художник здесь скорее мастеровой, он выполняет заказ и должен максимально следовать образцу, избегая всяких личных моментов и нововведений.

Но если так, то каков смысл этого искусства? Оно преследует практическую, а не эстетическую цель: официальное выражение политической власти и религиозной веры; или, скорее, поскольку на Древнем Востоке эти две вещи практически слиты воедино, выражение веры в ее политическом и религиозном проявлении. Поэтому здесь не существует концепции искусства ради искусства, эстетической жажды как таковой, а искусство не является самоцелью, как в Греции.

Другое дело, что искусство в нашем понимании все-таки возникает; и другое дело, что художники Востока, как позже Греции, сами того не сознавая, часто ощущали в себе ту самую художественную волю, что является необходимой движущей силой всякого творчества. Но мы должны обязательно помнить об этом, если хотим понять, как, несмотря на все пути и препоны, несмотря на отсутствие соответствующих понятий, искусство в нашем понимании все же возникло во многих регионах древнего Ближнего Востока. Некоторые творческие личности слишком сильны и масштабны, чтобы ограничиться традиционными схемами, даже если сами этого хотят. В области литературы это, судя по всему, сильнее всего проявилось в Египте, ибо мы обнаруживаем там куда больше выдающихся личностей, больше развития по форме и содержанию; даже религиозное единство не раз уступает, давая дорогу новым литературным формам, таким как любовные и пиршественные песни, исторические романтические истории и сказки. Судя по всему, мы не должны воспринимать это как сознательное художественное творчество – скорее как инстинктивное самовыражение эстетического духа, жившего вопреки теории.

Переходя к рассмотрению различных литературных жанров, мы обращаем внимание в первую очередь на широчайшее распространение эпико-мифологической поэзии, рассказывающей о деяниях богов и героев. В целом этот жанр, похоже, берет начало в

Месопотамии, где он присутствует и процветает с самого начала и откуда его темы распространяются во внешний мир, особенно на север в Анатолию. В Египте мифология тоже присутствует, но там эти сюжеты по большей части разбросаны по произведениям других жанров; а героический эпос вообще отсутствует, поскольку отсутствует главная тема такого типа поэзии: борьба со смертью.

Главные темы эпико-мифологической поэзии – сотворение мира, загробная жизнь и растительный цикл: другими словами, происхождение, конец и законы Вселенной. Решение этих проблем в мифологии соответствует общему отношению к ним древне-восточной мысли, особенности и ограничения которой мы рассмотрим позже. Что до героев, то, как мы уже говорили, главной темой для них является проблема смерти. Почему человек обречен на смерть и не в состоянии избежать такой судьбы? Ответ на этот вопрос дается в форме рассказа: это ошибка, непонимание в рамках божественной воли. Но это не вина человека: концепция смерти как следствия моральной вины возникает лишь в тех культурах, где мораль считается фундаментальным свойством божества. Конечно, огромное место в эпической поэзии занимают подвиги героев: и над всеми ними поднимается фигура Гильгамеша – предшественника Геракла, попавшего из Месопотамии в литературу и, более того, в художественную тему всего окружающего мира.

Еще один жанр, ориентированный в первую очередь на религиозные темы, – лирическая поэзия. Поскольку сюжеты могут легко варьироваться в зависимости от представлений того или иного региона, лирическая поэзия находит широкое распространение на всем Древнем Востоке и является, по существу, единственным жанром, который можно обнаружить везде. Не вдаваясь в детали, мы можем упомянуть две широко распространенные категории – гимны и молитвы богам, где звучат темы плача и жалобы, облегчения, благодарности и хвалы. Деление на личную и коллективную лирику, справедливое для Израиля, можно распространить и на другие народы. Существуют также гимны, посвященные царям, которые состоят в особенно близких, хотя и разных, отношениях с божественной сферой. Однако там, где божественный и человеческий планы полностью разделены – в Израиле и зороастрийской сфере, – таких гимнов нет.

Вне религиозной сферы лирическая поэзия существует (за исключением достаточно противоречивой Песни песней) только в Египте. Здесь светские темы расцвели в жанрах любовной и пиршественной песни. Ни в одной из них нет ни внутренней, ни внешней связи с религией: напротив, они демонстрируют независимые, очень толерантные и разнообразные представления о жизни, каких и следует ожидать от египетского народа.

Характерную литературную композицию – плач о павших городах – можно рассматривать как дополнение к лирической поэзии. Примеры таких произведений есть в Месопотамии и Израиле. В других регионах их нет – и если в некоторых случаях это можно объяснить тем, что тексты еще не найдены, то в других исторические и политические условия едва ли согласуются с подобным жанром: было бы странно, к примеру, обнаружить такой плач в Египте или Иране.

Поучительная или назидательная литература имела широкое распространение на всем Древнем Востоке. Она включала в себя множество подтипов, таких как: размышления о жизни, пословицы, афоризмы, басни, проблема страданий благочестивого человека, проблема человеческого горя вообще. Эта литература развивалась в Месопотамии и Египте параллельно и, насколько мы можем судить, независимо; позже она появляется в Израиле; но в других регионах, если исключить историю Ахикара (происхождение которой сомнительно), ничего подобного пока не обнаружено.

Здесь возникает тонкий вопрос, который мы уже упоминали: вопрос о соответствии такого типа литературы местному менталитету. Необходимо указать, что если говорить о содержании, то часть этой литературы прямо или косвенно противоречит принятой концепции Вселенной и особенно религиозным взглядам соответствующих народов. Правда, то здесь, то там возникали всевозможные адаптации и комбинации, но это не решает нашу проблему, а лишь переносит ее в другой регион. Мы скорее сказали бы, что

древне-восточное сознание, похоже, не чувствовало необходимости приводить свои представления о повседневной жизни в строгое соответствие с религией; вместо этого оно время от времени давало волю собственным размышлениям, результаты которых закреплялись в литературных произведениях. Но там, где организационная деятельность сильнее, как в Израиле, достигается гармония и выражение сомнений завершается декларацией веры в установленный свыше порядок.

История в древне-восточной литературе представлена списками династий, монархов, анналами и памятными надписями. Но все это только хроника без органичного видения событий, без анализа причин и следствий. Подлинно исторический взгляд на события проявился, кажется, лишь в двух регионах древнего Ближнего Востока, не самых древних и не самых главных: у хеттов и в Израиле. Отношение хеттов к исторической мысли воистину замечательно: лучше всего оно проявилось в анналах, где исследование причин и следствий доходит до разбора намерений обеих сторон, а также в нескольких текстах, образующих отдельный класс и легко отличимых от остальных по характеру и ценности, таких как «Завещание» Хаттусили I и автобиография Хат-тусили III. Политические договоры с их преамбулами также раскрывают для нас скрытые пружины исторического процесса. В Израиле историография возникла в совершенно иной форме. Здесь отправной точкой служит религиозный взгляд. Новая концепция политической власти позволяет свободно и отстраненно рассматривать и обсуждать события и главных действующих лиц истории, в том числе и царей, с точки зрения их верности или неверности религиозным догмам и моральному завету с Богом. Именно с этой позиции стартует историография, которая временами, особенно в рассказе о правлении Давида, проводит весьма критический разбор событий.

Примечательно, что, несмотря на высокий уровень культуры, ни египтяне, ни месопотамцы не создали ничего подобного. Несмотря на активные поиски в их богатейшей литературе, получается, что организованная способность к историческому мышлению у них отсутствовала.

Еще один жанр, повествование, появляется в Египте в двух формах: рассказ, основанный на реальных фактах, и рассказ о воображаемых событиях. Первый тип существует также на арамейском, – к примеру, это рассказ об Ахи-каре; но даже в этом случае сам текст исходит из Египта. Это в основном светская литературная форма, по крайней мере по происхождению, этим и объясняется ее появление в регионе, демонстрирующем в этой области наибольшую независимость. Тем не менее сложно отделить мирское от священного, и другие народы Древнего Востока – а именно хетты и еще больше хурриты – оставили нам тексты, очень близкие к описанию воображаемых приключений, хотя и связанные с мифологическим эпосом.

Пробегаая взглядом по оставшимся, не чисто литературным, произведениям, сделаем, как обычно, несколько замечаний о восточных законах. В Месопотамии законы в виде прецедентного права, никак не нормализованного, приняли литературную форму кодексов и как таковые разошлись по миру. Хеттское законодательство организовано примерно так же, с некоторыми тематическими нововведениями. Израильское законодательство перенимает некоторую часть этого материала, но расцветивает его новыми религиозными взглядами и добавляет к прецедентному праву серию абсолютных предписаний. Наконец, в Египте кодексов вообще не было, и если это не простая случайность, во что трудно поверить, то причину нужно искать в том, что источником всякого закона был живой бог-царь.

Астрономия, математика, медицина и другие науки тоже процветали, хотя и в меньшей степени, в главных центрах нашего региона: долинах великих рек. Следует ли интерпретировать это явление как указание на способность к научному мышлению в том смысле, как мы сегодня это понимаем? Можно возразить, что астрономия и математика неотделимы от астрологии, а медицина – от магических практик. Но вопрос лишь в уровне развития. Астрономические и математические вычисления, медицинские диагнозы и рецепты, безусловно, существовали: какой смысл спрашивать, понимали ли авторы этих

работ, что занимаются наукой? Они делали это, даже если теоретической концепции науки еще не существовало вовсе. Можно сказать, что именно этой концепции древним ученым Востока и не хватало; была мысль, но не было рефлексии по этому поводу. Для этого нам придется подождать Грецию.

И в заключение скажем: литература Древнего Востока имела два основных центра: Месопотамию и Египет; там она создавалась, оттуда расходилась по всему региону. Сравнивая два эти центра, можно сказать, что литература Месопотамии была более экспансивна, зато египетская меньше зависела от ментальности среды, была более оригинальна и, возможно, имеет больше достоинств с чисто эстетической точки зрения. Что касается остальных регионов Ближнего Востока, то Анатолия полностью зависела от Месопотамии, но демонстрировала оригинальные черты, в первую очередь в области истории и права; Сирийский регион отчасти зависим и подчинен, поскольку является местом встречи месопотамского и египетского течений; но в Израиле он, благодаря новому религиозному мышлению, достигает независимости. То же происходит и в Иране.

Искусство

Очевидно, все сказанное выше об искусстве в широком смысле этого слова относится и к более узкому понятию. В самом деле, искусство, даже больше чем литература, демонстрирует указанные свойства: оно официально и публично, служит политической власти и религии.

В этой сфере, как и во многих других, Египет выделяется среди всех регионов Древнего Востока. Здесь из тьмы безвестности появляются несколько имен художников; здесь искусство развивается во времени, иногда очень заметно, тогда как в остальных местах оно преимущественно статично; и наконец, частная жизнь здесь входит в число художественных тем. Остается всего один небольшой шаг до высших художественных ценностей; и несомненно, по абсолютным эстетическим меркам высший на Древнем Востоке художественный уровень достигнут именно в долине Нила.

Фундаментальными задачами религиозной архитектуры всегда служили храм и гробница; последняя имела особое значение в Египте в связи с развитостью соответствующих верований. В гражданской литературе главными были царский дворец и крепость: последняя всегда важнее в тех регионах, которые открыты чужеземным вторжениям и которые дольше сохраняют политическую организацию городов-государств.

Решение архитектурных задач зависит в первую очередь от используемых материалов. В Месопотамии, особенно на юге, главным материалом служил саманный кирпич, обожженный на солнце глина: из такого кирпича строили сплошные массивные стены без окон, потому что любое отверстие ослабило бы конструкцию. В других регионах, благодаря обилию камня, можно было использовать колонны как функциональную часть сооружения, вставлять окна, поскольку это не ослабляло стены, и вообще делать конструкцию менее массивной.

Это средства решения задачи, а формы это решение может принимать самые разные; мы можем назвать несколько основных. В Месопотамии сооружение в плане обычно представляет собой центральный двор (или несколько дворов), вокруг которого располагаются и в который выходят небольшие комнаты. В Египте главная форма сооружения – открытый двор, из которого открывается проход в большой зал с колоннами, а затем во внутренние закрытые помещения; у этой формы существует множество вариантов, но обязательно при входе в здание человек попадает из более открытых помещений в более закрытые и темные. Форма с передним гипостильным залом была затем унаследована религиозной архитектурой Сирии, Анатолии и даже Ассирии, а затем и гражданской архитектурой Ирана.

Скульптура на Древнем Востоке, если говорить о крупномасштабных работах, не всегда многочисленна и даже не всегда имеется. В Месопотамии, в частности, ее создание

было затруднено практическим отсутствием камня; но есть и еще одна причина: для votивных изображений уменьшенные размеры были существенны. Что касается скульптурных изображений человека, то надо отметить: в некоторых регионах – в Анатолии, израильской Палестине, Иране – их почти не было, по крайней мере, насколько нам на данный момент известно. В случае Израиля дело, скорее всего, в религиозном запрете, но в других случаях подобного объяснения нет. Только в Египте, судя по всему, скульптура развивалась без всяких ограничений.

Предметом скульптурных изображений человеческой фигуры служили боги и цари, главные персонажи официальной жизни. Иногда, особенно в Египте, в эту категорию попадали и высшие чиновники; наконец, только в Египте делались скульптурные изображения частных лиц, тогда как в Месопотамии – только votивные статуэтки.

В отношении стиля изображения можно припомнить принцип, который мы упоминали, говоря о Египте, но который можно отнести и к остальной части Древнего Востока: если в западном мире скульптура призвана передавать в первую очередь движение и события, то здесь – состояние человека. Боги и цари изображались неподвижными, замершими в стоячей или сидячей позе, в состоянии величественного покоя. Такая традиция могла легко привести к однообразию и даже монотонности; это действительно произошло, в большей степени в Месопотамии, в меньшей в Египте, – в соответствии с особенностями характера каждого из двух этих регионов.

Как мы уже указывали, регулярность стиля изображения человеческих фигур подчеркивалась геометрическим канонам. Готовая статуя должна напоминать своими очертаниями некую правильную фигуру; в Месопотамии это цилиндр или конус, в Египте – куб или параллелепипед. Конечности также должны были укладываться в общие геометрические формы; поэтому, к примеру, у месопотамских статуй руки всегда прижаты к туловищу. Утверждению канона еще больше способствовал официальный характер искусства, который предписывал избегать непубличных тем и поз.

Хотя черты лица иногда воспроизводятся очень точно, тело человека не подвергается анализу, сравнимому, скажем, с греческим. Изображение обнаженного тела запрещено или ограничено. Одежда стоит колом, до греческого мастерства в изображении складок и драпировок еще далеко.

В Месопотамии бытовали более строгие каноны изображения человеческой фигуры, чем в Египте, где всегда находилось место живым наблюдениям природы. Тем не менее каноны продолжают действовать и несколько ослабевают лишь при изображении фигур животных: в этой области Месопотамия достигает результатов, ничуть не уступающих лучшим образцам из других регионов. Среди животных или полуживотных значительное место занимают фантастические создания. Некоторые типы принимают почти схематические формы: это сфинкс в Египте и крылатый бык с человеческой головой в Месопотамии. Последние фигуры часто встречаются в ортостатах – форме, занимающей промежуточное положение между скульптурой и рельефом. Ортостаты устанавливались парами в воротах городов и храмов; именно они в значительной степени олицетворяют собой искусство древней Западной Азии.

Барельеф как художественный жанр был широко распространен на Ближнем Востоке и по темам близок к живописи, насколько мы можем судить по немногочисленным дошедшим до нас образцам рисунков. Нет такого региона, где рельеф полностью отсутствовал бы; и даже там, где искусство избегает любых образов – в Израиле, – рельеф в малых декоративных формах присутствует.

Сюжеты рельефной резьбы охватывают весь спектр политической и религиозной общественной жизни. Особенно широко представлены военные предприятия – на стенах царских дворцов Месопотамии, на стенах и колоннах египетских храмов; временами изображение обладает не только декоративной, но и по-настоящему документальной ценностью.

Сцены религиозной жизни также очень многочисленны, но здесь не место подробно

перечислять все их темы. Тем не менее необходимо отметить значительное место, которое среди египетских рельефов и живописных произведений занимали темы из частной жизни; это явление особенно необычно, если вспомнить общие особенности восточного искусства, и тем более примечательно, но обнаруживаются такие сюжеты в основном в гробницах. Их цель определенно религиозна, но сюжеты от этого не становятся менее частными и индивидуальными.

Как мы знаем, в рельефной резьбе и живописи художнику приходится решать проблему изображения трехмерных объектов на одной плоской поверхности. Перспективы нет, поэтому фигуры накладываются одна на другую, причем каждой придаются те размеры и пропорции, которые приличествуют ей в представлении художника; размеры фигур с расстоянием не уменьшаются. Мы уже говорили, что такая практика типична для «интеллектуального» подхода, когда объекты изображаются такими, какие они есть, а не такими, какими выглядят. Хотя даже в Египте перспектива в изобразительном искусстве не появилась, именно там было достигнуто максимальное приближение к реальности – все фигуры размещались преимущественно на одной плоскости. Художественному интеллектуализму Месопотамия обязана и еще одной традицией, распространившейся позже и на территории, подверженные ее влиянию, – традицией менять размеры фигур в соответствии с их статусом.

Изображение элементов фигур определялось строгими традициями, которых художники придерживались с завидным постоянством: лицо в профиль, глаз и плечи фронтально, таз в три четверти, конечности в профиль. Вероятно, эти традиции возникли из стремления показать фигуру наиболее эффективным образом.

Искусство малых форм процветало по всему Древнему Востоку. Месопотамские печати удивительно тонкой работы распространились по огромной территории, их цилиндрическая форма превалирует над плоской формой печатей, которые находят в Анатолии и Иране. Резьба по слоновой кости, прекраснейшие образцы которой можно обнаружить в Месопотамии и Сирии, представляет собой миниатюрные образцы искусства рельефа. Бронзовые изделия, присутствующие во всем Древне-восточном регионе, не уступают, а часто даже превосходят, хотя и в меньшем масштабе, стандарты каменной скульптуры. Деревянные изделия мастерской работы – от статуй до мебели – обнаруживаются в основном в Египте. Наконец, в том же Египте и Финикии можно увидеть прекраснейшие изделия из стекла.

Мы сказали бы в заключение, что в искусстве центры распространения и зоны влияния согласуются в основном с тем, что происходило в литературе. Но следует отметить и несколько различий. Из двух центров, где была создана новая религиозная мысль, – Израиля и Ирана – ни в одном не наблюдалось параллельного художественного развития. В случае Израиля это результат откровенного отказа; в случае Ирана причина в том, что в этом отношении он адаптировался к моделям окружающего мира, привнес в них тем не менее свою способность к синтезу и декоративный талант. Поэтому Месопотамия и Египет преобладают в художественной области даже больше, чем в остальных. Более того, Египет уже не замыкается на себя, а оказывает на своих соседей влияние, не уступающее влиянию Месопотамии и уравнивающее его.

«Интеллектуальное приключение»

Сложный исторический, религиозный, литературный и художественный мир, который мы описывали, представляет собой необъятный блок, существовавший на самом пороге классической эры. Мы не намерены в подробностях излагать широко известные факты о связи между двумя регионами. Хорошо известно, что Восток дал Западу средство, при помощи которого культура может выражать себя и передаваться от человека к человеку: а именно алфавит. Хорошо известно, что именно на Востоке родились многие легенды и мифы, дошедшие до нас благодаря грекам, а также соответствующие концепции, имеющие

отношение к человеку и его судьбе. Наконец, хорошо известно, что религиозные верования Востока, от растительного цикла до иранского дуализма добра и зла, нашли свое отражение в западном мире, пока рожденная в Палестине религия не одолела их все и не заняла главенствующего положения.

Можно было бы продолжить список; но лучше подумать о том, что выяснилось в процессе недавних исследований. С одной стороны, литературное и мифологическое наследие – к примеру, источник «Теогонии» Гесиода, – которое передал Древний Восток Греции; с другой – новый, помимо хорошо известного финикийского морского пути, путь передачи через Анатолию. Здесь цивилизация Востока (а хетты объединили в себе громадное наследие прибрежной зоны) находилась в постоянном контакте с греческими колониями.

Самое главное, все больше становится ясно: цивилизация Древнего Востока – это потрясающий человеческий опыт, имеющий для последующих поколений громадную ценность благодаря не только собственному вкладу, но и тому факту, что без нее не смогла бы зародиться следующая цивилизация. Проблема теперь в том, можно ли определить этот опыт и если можно, то как; или, возвращаясь к нашей терминологии, существует ли изоид – помимо и превыше всех, о которых мы уже говорили, – который соединил бы воедино и просуммировал мысль Древнего Востока.

Эта проблема может показаться наивной – и была бы таковой на самом деле, если бы заключалась в поиске элемента, общего для всего восточного мира и одновременно чуждого для всего Запада. Но это не так наивно, если говорить о поиске пределов одной культуры перед лицом дальнейшего развития более поздней культуры; о поиске вопросов и ответов на них, характерных для одной эпохи, и сравнении их с вопросами и ответами другой, следующей эпохи.

Во всяком случае, эта проблема была сформулирована группой американских ученых в книге «Интеллектуальное приключение древнего человека». Так что мы можем взять эту книгу в качестве отправной точки, точно так же как использовали ее название в названии настоящей главы.

Авторы пишут, что мысль Востока, по их словам, мифо-поэтична, а выражаясь другими словами, склонна к мифотворчеству. Сталкиваясь со Вселенной, человек Востока видит ее живой, наделенной разумом и волей, подобными его собственным. Поэтому космические события для него – столкновение различных волей, действие и ответ на него: короче говоря, миф. Разлив реки в этом году был ниже обычного? Река отказалась подниматься; она сердита за что-то на человека, ее необходимо умиротворить. Тучи над головой чернеют? Это гигантская птица закрыла небо своими крыльями. Не существует независимой логической мысли, нет никакого различия между наукой и мифом. Только Израиль взбунтовался против мифа; но в ответ он создал собственный миф о Боге, заключившем Завет с избранным народом. Только в греческие времена разум сумеет завоевать независимость.

У нас уже был случай обсудить некоторые пункты этого тезиса; взглянув еще раз на утверждение в целом, мы приходим к выводу, что оно не заслуживает всей той критики, которой подверглось в определенных кругах. Критики указывали, что развитие точных наук, таких как астрономия, математика и медицина, свидетельствует о несомненной способности к логическим рассуждениям; и это правда, поскольку налицо положительные научные результаты. Критики говорили также, что обожествлялись на Древнем Востоке скорее не сами стихии, а стоящие за ними силы: то есть был бог неба, а не бог Небо, речной бог, а не бог Река; это тоже отчасти верно. А вот еще одно возражение, по нашему мнению, гораздо менее существенно; мы считаем, что отсутствие метафизических и теологических трудов не означает, что эти науки не имели на Древнем Востоке широкого распространения. Трудно, нам кажется, предположить, что целый сектор интеллектуальной деятельности оказался полностью исключен из письменной традиции, так что до нас не дошло от него ни малейшего следа, – или что сама традиция, какой бы количественно неполной и обрывочной она ни была, должна при этом быть неполной качественно.

Мы считаем, что проблему надо ставить иначе, в соответствии с уже заявленными

принципами. Представляется, что можно говорить о склонности восточного менталитета к мифотворчеству как общей его особенности, – если исключить израильскую и зороастрийскую мысль, которые в религиозной сфере, бесспорно, выступили против мифа. Но даже при этом исключении не стоит понимать мифотворчество как отказ от рациональной мысли, – скорее как включение ее в более высокую единую сущность. Человек Востока не лишен способности мыслить логично, но он не чувствует нужды выделять разум из единой сущности, рассматривать и использовать его как отдельное качество.

Когда миф переходит по наследству Греции, он не исчезает; напротив, он достигает высочайших вершин. Но параллельно с ним постепенно формируется философская мысль как независимый рациональный взгляд на Вселенную. Она, не будучи сама свободна от фантазии и мифа – разве Платон тому не лучший пример? – тем не менее достигает независимости в других моментах. Это происходит, с одной стороны, с постулированием принципов разумной упорядоченности Вселенной, а с другой – с развитием теории познания и логики, размышлений о природе мысли. Это нечто действительно новое по отношению к Древнему Востоку, где Сократовы концепты и Аристотелева логика не нашли бы понимания.

Таким образом, между Востоком и Западом нет никакой революции или пропасти; напротив, есть преемственность и непрерывность развития. Именно благодаря этой непрерывности в какой-то момент на Западе появляются новые элементы: это греческая философия и многочисленные аспекты концепции Вселенной, принадлежащие этой философии или связанные с ней.

К моменту расцвета греческой цивилизации у Ближнего Востока за плечами – тысячи лет истории. Это культурное наследие, где даже научные знания выкристаллизованы в форме освященной веками традиции. У Ближнего Востока не осталось ни сил, ни желания ломать эти застывшие формы. Но греки, принимая результат многовекового культурного развития, не чувствовали себя связанными формой, в которой был заключен этот результат и в которой сами греки, как пришельцы извне, не видели никакого смысла. Они взяли элементы, но отбросили связывающие их узы. Благодаря этому они смогли пойти дальше и создать цивилизацию, в которой древние достижения дополнились новыми материалами и новым духом. Это и есть «чудо, имя которому Греция». Возможно, никто не выразил его проще и точнее, чем кто-то из последователей Платона в диалоге «Эпиномис»: «Все, что эллины перенимали от варваров, они всегда доводили до совершенства».